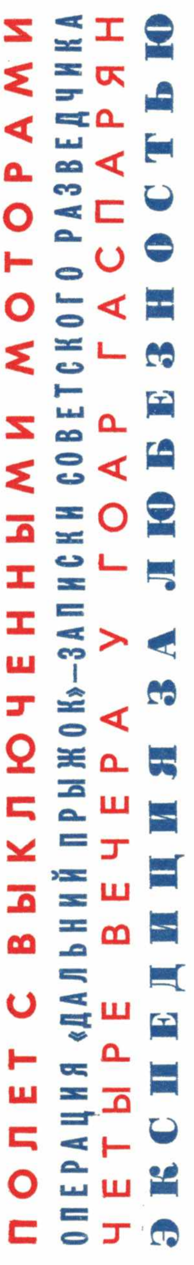
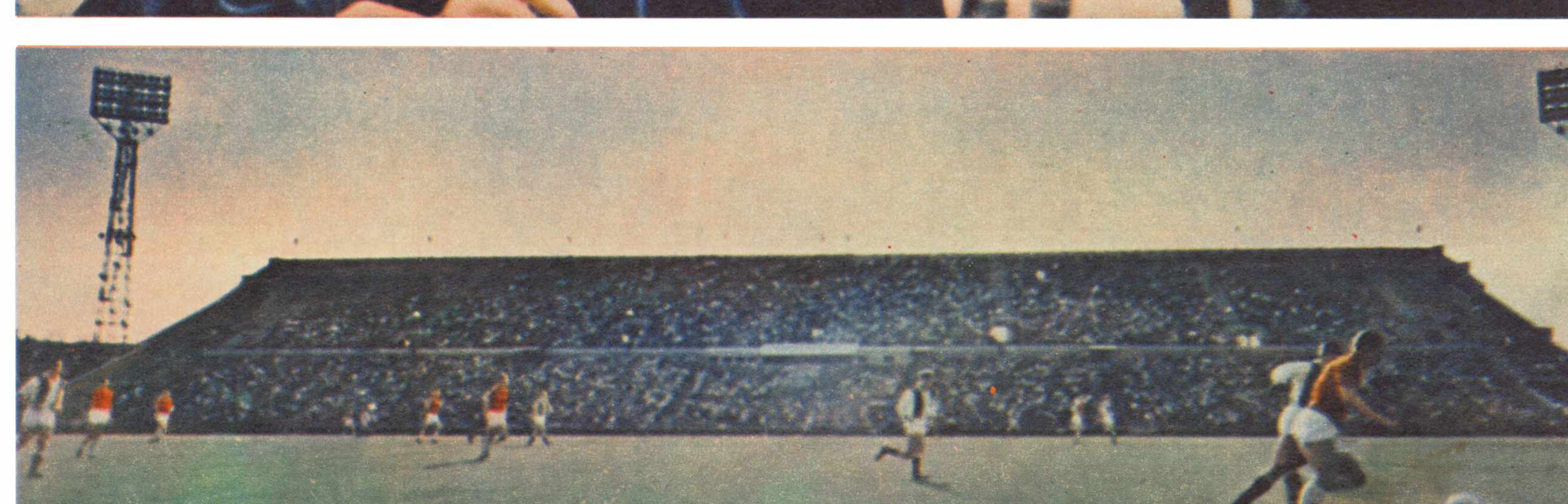
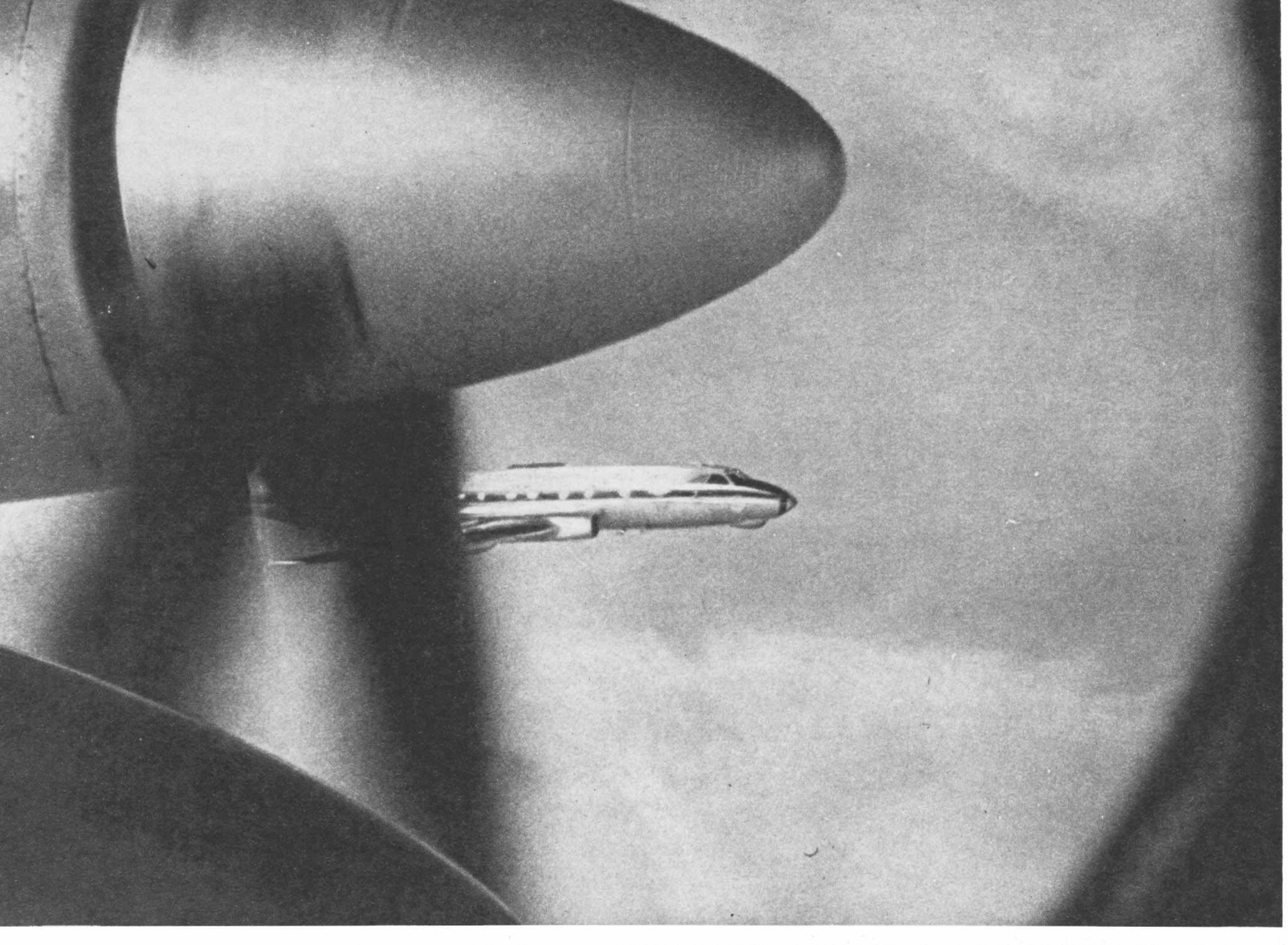
ОГОНЁК
№33 АВГУСТ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Самолет-«эталон» идет рядом с нами. С его помощью пилоты-испытатели установят истинную скорость нашего опытного самолета.

Машина приземлилась точно у «Т». В кабине (слева направо): пилот-испытатель В. Д. Попов, бортинженер Е. Ф. Иванов, ведущий инженер испытаний В. В. Сушко, командир экипажа пилот-испытатель Г. М. Володин.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

43-й год издания

№ 33 (1990)

15 АВГУСТА 1965

НАДЕЖНЫЕ КРЫЛЬЯ

С ВЫКЛЮЧЕННЫМИ МОТОРАМИ

КО ДНЮ ВОЗДУШНОГО ФЛОТА СССР

На правой плоскости остановился сначала один двигатель, потом другой, но полет продолжается нормально.

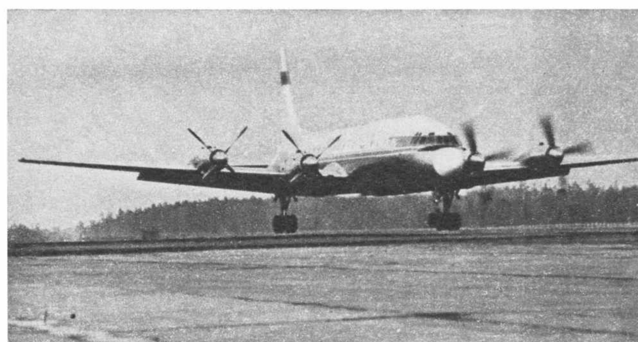
А. ГОЛИКОВ, И. ТУНКЕЛЬ

— Порой пассажир, садясь в самолет, опасается за благоприятный исход своего путешествия,— говорит начальник ГосНИИ гражданской авиации, кандидат технических наук, генерал-лейтенант авиации Никита Алексеевич Захаров.— А на самом деле самолет теперь — самый безопасный вид транспорта. В Советском Союзе им пользуются десятки миллионов людей, и количество воздушных пассажиров из года в год растет.

Вопросами безопасности полета занимается и наш институт. Мы исследуем посадку самолетов на высокогорных аэродромах, при высоких и низких температурах, на заснеженные и обледенелые аэродромы, полеты в сложных метеорологических условиях, тщательно проверяем надежность новой техники, поступающей в гражданскую авиацию. Побывайте в лабораториях, в летном отряде, посмотрите, как мы работаем.

...От гула мощного реактивного двигателя все содрогается, кажется, что звук давит на вас, прижимает к земле. Инженер Виктор Яковлевич Воробьев выключает магнитофон, и помещение заполняет благодатная тишина. Мы в лаборатории самолетной и авиационной акустики. Здесь, в частности, изучают влияние звука на прочность и долговечность самолета.

Исследования показали, что выхлопная струя реактивного двигателя создает, как говорят специалисты, шум высокого уровня. Он вызывает вибрацию некоторых элементов конструкции самолета, в частности его обшивки. От этого со временем возникает «усталость металла», изменяется прочность, появляются трещины.

Ответственный момент! Посадка с двумя неработающими двигателями.

Работники лаборатории записывают на магнитофон все шумы, возникающие в самолете во время полета. Эти записи тщательно исследуются, выясняются фактические нагрузки на конструкцию, вызываемые звуками, разрабатываются меры уменьшения их. Результаты исследований передаются в конструкторское бюро.

— Сейчас,— рассказывает начальник лаборатории Василий Ефимович Квитка,— очень важно изучить силу и распространение ударной звуковой волны, которая возникает, когда самолет преодолевает звуковой барьер. Ведь не за горами время, когда на наши пассажирские линии выйдет самолет, летающий со скоростью, в два с лишним раза превышающей скорость звука.

Прочность машины, ее долговечность исследуются не только в

ПУСТЬ КРЕПНЕТ ДОВЕРИЕ

По приглашению Советского правительства в Москву с официальным визитом прибыл Премьер-Министр Турецкой Республики Суат Хайри Ургюплю с супругой. Столица тепло встретила гостей.

Премьер-Министр Турции нанес в Кремле визит Председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину.

Правительство Советского Союза дало в Большом Кремлевском дворце обед в честь высокого гостя.

Приветствуя главу правительства Турции, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин отметил, что «благодаря нашим совместным усилиям сделан ряд шагов по пути сближения наших стран, по пути сближения наших народов».

На снимке: встреча Премьер-Министра Турецкой Республики С. Х. Ургюплю на Внуковском аэродроме.

Фото В. Мусаэльяна и В. Будана (ТАСС).

ГРЕЦИЯ БУРЛИТ

15 июля в результате заговора реакции в Греции было свергнуто правительство Г. Папандреу. С тех пор страна бурлит. Король, правые силы попытались сформировать правительство, которое бы послушно проводило нужный им курс. Было создано правительство королевского ставленника Афанасиадиса-Новаса, просуществовавшее всего лишь до 5 августа. Борьба за демократию продолжается. Народные массы Греции исполнены решимости помешать планам реакции. Они требуют возвращения власти законному правительству «Союза центра» или проведения новых парламентских выборов. Но реакция продолжает маневрировать. Возмущенные ее действиями, граждане Греции организуют демонстрации и митинги, требуя восстановления демократии в стране. На снимке: демонстрация в Афинах после падения правительства Новаса.

Фото ЮПИ.

15 АВГУСТА 1945 ГОДА ЗАВЕРШЕНО ОСВОБОЖДЕНИЕ КОРЕИ ОТ ЯПОНСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

ДОРОГОЙ СВОБОДЫ И СЧАСТЬЯ

Виталий ЛАТОВ

Два бронзовых советских воина со знаменем в руках стоят на берегу Чхончжинской бухты. Морякам-десантникам Тихоокеанского флота, высадившимся здесь 20 лет назад, некогда было любоваться красотами Чхончжина, прямо с кораблей им пришлось идти в бой против засевших в порту самурайских полков. Потом, после тяжелых, кровопролитных боев, моряки ушли дальше на юг освобождать другой город-порт — Вонсан. А на берегу Чхончжина в память об их героической борьбе был поставлен монумент. На нем надпись: «13 августа 1945 года на этом месте был водружен флаг Советской десантной части, первой высадившейся, чтобы освободить Корею».

По утрам бронзовым воинам виден оранжевый диск солнца, поднимающийся на востоке,— вестник нового дня освобожденной Кореи.

— Камень и бронза могут не устоять против течения времени, но подвиг советских людей будет жить в памяти народной тысячелетия,— так сказал нам в Пхеньяне выдающийся корейский писатель Ли Ги Ен.

Мне вспоминается встреча на Комдокском свинцовом руднике с Героем Труда КНДР Чо Ду Сиром. В 1945 году он был простым горняком. Первый советский солдат, с которым познакомился юноша Ду Сир, был старшина Сергеев, до войны забойщик на одной из уральских шахт. Вместе с Чо он прошелся по забоям Комдока, увидел разрушенные клети, маломощные механизмы, устаревшее оборудование... Потом взглянул на помрачневшего Чо Ду Сира, хлопнул его по плечу и сказал: «Ничего, брат, все будет хорошо... Сделано главное: страна теперь принадлежит народу...»

На следующий день Сергеев принес на шахту журнал «Огонек» и показал корейским горнякам фотографии новых советских шахтных механизмов. А потом уверенно сказал: «Скоро и у вас такие будут. Машины придут к вам на помощь...»

И они пришли. Чо Ду Сир освоил при помощи советских специалистов современный способ бурения. Один трудовой успех стал сменять другой. И так было по всей стране.

На память о Сергееве у Чо Ду Сира сохранился значок с серпом и молотом, который советский солдат подарил своему корейскому другу, уезжая на новое место службы.

Но на юге хозяйничали империалисты США и их ставленники — марионеточная клика Ли Сын Мана. США смотрели на Южную Корею, как на плацдарм для похода на Север, они мечтали превратить всю Корею в свою военную базу. И на рассвете 25 июня 1950 года «страна утренней тишины» услышала трескотню выстрелов, уханье взрывов, ее опалило пламя напалма.

Свыше 36 месяцев войска интервентов, прикрываясь голубым флагом ООН, уничтожали города и села Кореи. США так и не добились победы.

лабораториях, но и в летном отряде.

— Мы исследуем,— рассказывает командир отряда Сергей Михайлович Алексеев,— самолеты первого выпуска. Каждого типа машин. Скажем, «ИЛ-18». Он у нас самый старый по возрасту из своих собратьев. И не только по «метрике». Мы его искусственно старим. Скажем, обычный самолет, совершая рейс Москва—Новосибирск, взлетает, набирает высоту, а потом в конце полета снижается и идет на посадку. Наша машина на этом маршруте несколько раз наберет нужную высоту и снизится. То есть весь рейс на самолет действуют максимальные нагрузки, и он износится больше, чем рейсовый самолет за это же время.

Летчик, занятый в таком исследовании, образно говоря, «вызывает огонь на себя». Если в конструкции самолета или в его прочности есть какой-то скрытый дефект, то с ним прежде всего столкнется наш пилот-испытатель. Он встретит опасность, которая могла бы подстерегать пассажиров. Кроме того, это исследование позволяет продлить сроки работы самолета и двигателей, следовательно, уменьшит стоимость воздушных перевозок, снизит цену пассажирского билета. Эти исследования у нас проводят такие опытные пилоты-испытатели, как Владимир Михайлович Алексеев, Сергей Иванович Горчилин и другие летчики.

Изучают у нас и различные атмосферные и метеорологические явления, которые могут осложнить полет, сделать его опасным. Скажем, летчик Борис Андриянович Акопов, Герой Социалистического Труда, исследовал технику пилотирования самолета в условиях обледенения. Своим трудом он предупредил возможность возникновения аварийных ситуаций у линейных пилотов.

В кабинет командира отряда входит летчик со значком за налет трех миллионов километров.

— Константин Андреевич Романов,— знакомит нас Сергей Михайлович,— сегодня летит на исследование структуры грозовых облаков.

Константин Андреевич летает почти тридцать лет. Во время Отечественной войны служил в авиации дальнего действия — летал к партизанам, бомбил военные объекты в глубоком тылу противника. После войны вернулся в гражданскую авиацию, стал пилотом-испытателем.

— А кто сегодня еще летает?— спрашиваем мы у командира отряда.

— Геннадий Миронович Володин. Хотите с ним?

...По узкой металлической лестнице поднимаемся на борт «ИЛ-18». Это обычный серийный самолет. Только часть пассажирских кресел снята, и вместо них установлены приборы.

С полетным заданием нас знакомит ведущий инженер испытаний Валентин Васильевич Сушко. Хоть двигатели очень надежны, но надо проверить, как поведет себя машина в случае отказа одного

Вот уже 12 лет на земле КНДР мир! Он пришел на землю, истерзанную бомбами и снарядами, обожженную напалмом, 27 июля 1953 года. Американский журнал «Лайф» со злорадством писал тогда, что «мир редко видел такие разрушения». И это было так. Но мир редко видел и тот энтузиазм, с которым народ победившей страны взялся за восстановительные работы.

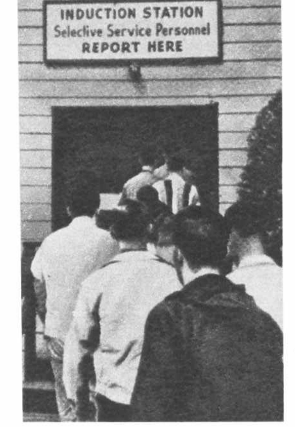
Восстали из пепла города и села. Пхеньян стал одним из прекраснейших городов Азии. Больше, чем до войны, дает металла металлургический гигант в Сонниме, близ Пхеньяна. В дни войны на территорию этого завода было сброшено более шести тысяч бомб... Наращивают выпуск продукции его собратья — гиганты в Хванхэ, завод имени Ким Чака. Построены автомобильные, тракторные, химические заводы. Предприятия КНДР выпускают сейчас промышленной продукции в 13 раз больше, чем до освобождения. Валовой сбор зерна за годы народной власти удвоился. Завершается электрификация деревни. Северная Корея стала страной сплошной грамотности. Даже американский журнал «Юнайтед стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», описывая тяжелое положение в Южной Корее, был вынужден признать, что здесь «многие корейцы, особенно интеллигенты и молодежь, убеждены, что на Севере жизнь лучше, чем на Юге».

Герой Труда Чо Ду Сир — теперь директор Комдонского рудника. Предприятие оснащено современным оборудованием. А по берегам реки Буктечен, там, где когда-то впервые встретились Чо Ду Сир и старшина Сергеев, разбит цветущий сад.

Прополка риса в Дончанском сельскохозяйственном кооперативе.

Фото ЦТАК — ТАСС.

На призывном пункте. Их научат ремеслу убийц.

У Да-Нанга американцы с трудом удерживают свои позиции, которые атакуют патриоты.

КУРС НА КАТАСТРОФУ

Призывные пункты в Соединенных Штатах работают вовсю. Главный поставщик пушечного мяса для войны во Вьетнаме, глава мобилизационной службы вооруженных сил США генерал-лейтенант Льюис Хэрши предупредил американскую молодежь, что он будет суров и сократит отсрочки от воинской повинности. В ближайшее время предполагается довести число призывников до 35 тысяч человек в месяц. Общая численность американской армии будет увеличена более чем на миллион солдат. Молодых американских парней обрядят в военную форму и будут усиленно обучать тонкостям ремесла убийц. Пятьдесят тысяч из них срочно отправятся во Вьетнам. Там они будут применять это ремесло на практике, стрелять в людей и жечь деревни. Немало из них найдет там смерть.

США расширяют масштабы своей агрессии во Вьетнаме день ото дня. Американские власти намерены запросить новые военные ассигнования в конгрессе — до двух миллиардов долларов. Печать Америки предсказывает, что в январе 1966 года последует новое аналогичное требование. Военная промышленность США увеличивает производство продукции, главным образом бомб, вертолетов и военных самолетов.

Американские воинские знамена покрыты позором в войне против южновьетнамских крестьян, в воздушной агрессии против Демократической Республики Вьетнам. Бесполезные попытки смыть этот позор разглагольствованиями о готовности к переговорам опровергаются самими официальными лицами США. Недавно новый посол США в Южном Вьетнаме дал интервью журналу «Юнайтед стейтс ньюс энд Уорлд рипорт». Его спросили: «Растущее число людей чувствует, что США должны найти выход из положения во Вьетнаме путем переговоров. Что вы думаете об этой идее?» Дипломат Лодж рубанул сплеча, по-солдатски: «Я против этого».

И кровь продолжает литься во Вьетнаме.

Путь, по которому идут американские империалисты,— это путь к катастрофе. С тупым мышлением прошлого века... они надеются победить с помощью силы. Но времена вооруженных до зубов империалистов и беззащитных их жертв давно прошли.

На стороне патриотов Южного Вьетнама все честные люди. Варварские действия американцев против ДРВ не остаются безнаказанными. Социалистические страны поддерживают братскую страну, подвергшуюся агрессии.

Слепая политика США все ближе придвигает американский империализм к позорному поражению.

А. СЕРБИН

Америка принесла им горе.

Фото из журналов «Куик» и «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт».

или сразу двух из них. Причем проверять это будут в самых невыгодных условиях: на различных этапах взлета, посадки, ухода на второй круг, имея в виду, что все происходит на аэродроме с плохими подходами, с опасными препятствиями, когда, оторвавшись, надо сразу круто набирать высоту.

Самолет выруливает на старт. Мы входим в пилотскую кабину. Командир корабля Геннадий Миронович Володин говорит что-то второму пилоту В. Д. Попову. Над картой склонился штурман Виктор Федорович Казаков. Рядом с ним бортинженер Евгений Федорович Иванов и бортрадист Анатолий Алексеевич Петров. Каждый занят своим делом.

Двигатели гудят на полную мощность, наш «ИЛ-18» все быстрее и быстрее мчится по бетонной полосе, отрывается от нее, и... бортинженер выключает один двигатель. Лопасти его винта автоматически встают во флюгерное положение, то есть разворачиваются параллельно встречному воздушному потоку, создавая ему максимальное сопротивление. Взлет продолжается. Лишь на какую-то секунду машина словно дрогнула, а потом плавно и круто стала набирать высоту.

— Результаты этих исследований,— рассказывает ведущий инженер,— будут тщательно проверены. На основании их станут обучать рядовых летчиков выполнению таких же полетов.

Тем временем Володин, набрав нужную высоту, продолжает выполнять задание. На правой плоскости останавливается второй двигатель.

— Заметили, как изменился режим полета? — спрашивает инженер.

Вероятно, режим изменился, только мы этого не замечаем. Оцепенев, смотрим на застывшие лопасти и помимо воли с напряжением ждем, когда же они снова закрутятся, когда двигатели своим ровным гулом вернут чувство безопасности. Уж очень непривычно и противоестественно лететь вот так, с неподвижно застывшими винтами. А самолет снижается, делает разворот и идет на посадку. Мы крепче сжимаем ручки кресел. Неработающие двигатели уж очень явственно создают впечатление аварийной ситуации.

Но земля начинает опускаться — мы снова набираем высоту. Владимир Васильевич объясняет, что это — тоже испытание: пилот «неверно» рассчитал посадку и уходит на второй круг.

— А теперь двигатели включат? — с надеждой спрашиваем мы.

— Нет! Будем садиться на двух.

Машина идет к земле с чуть заметным креном. Вот уж под крылом мелькнули макушки берез и потекла серым бетоном посадочная полоса. Еще несколько секунд — и «ИЛ-18» плавно, без толчка приземлился и зарулил на стоянку.

Из кабины вышел Володин.

— Минут через сорок опять полетим,— сказал он.— Вы с нами?

Мы горячо поблагодарили испытателя.

ШИРОКИЙ ШАГ ГОРОДОВ-ГЕРОЕВ

МОСКВА И ЛЕНИНГРАД ДОСРОЧНО ВЫПОЛНИЛИ СЕМИЛЕТНИЙ ПЛАН

Это трудовые будни ленинградской «Электросилы» имени Кирова. Монтируют статор генератора в 200 тысяч киловатт.

Фото А. Гостева.

Знакомьтесь: наладчики автоматических линий И. Я. Колесник, Ю. А. Белозеров и В. К. Бочаров. Они с Московского завода имени Серго Орджоникидзе, они в ряду тех, кто, обгоняя время, помогал завершить семилетку столичных заводов досрочно. Семилетка выполнена — трудовая вахта продолжается. Идет наладка еще одной автоматической линии.

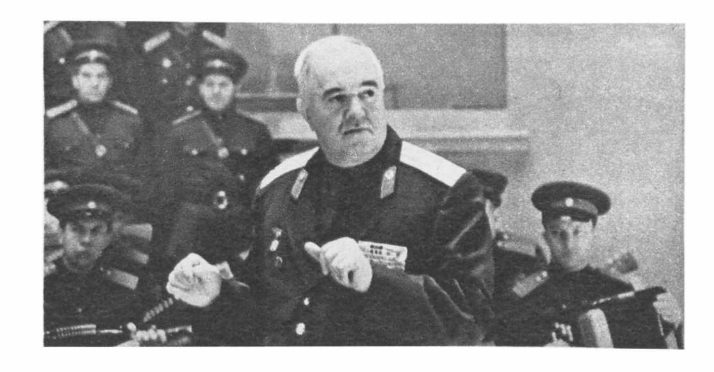
Фото И. Тункеля.

... Эти снимки сделаны нашими фотокорреспондентами в тот день, когда страна поздравляла москвичей и ленинградцев с большой трудовой победой — выполнением заданий семилетнего плана по объему производства.

Взят ответственный рубеж, пройдена важная веха на пути в будущее, намеченном Программой нашей партии. Новые станки и приборы, новые турбины, новые дома и дизели, новые товары широкого потребления. И все это результат творческого труда многих миллионов людей, их инициативы и самоотверженности.

Семилетка финиширует. Вместе с москвичами и ленинградцами досрочно выполнили задание по объему производства валовой продукции Белоруссия и Эстония, Свердловская и Калининская, Тульская и Калининградская области, Удмуртская и Марийская АССР и много других городов. И каждый день число городов и предприятий, перешагнувших финишную линию семилетки, растет.

КТО ОКРЫЛЯЕТ ПЕСНЮ

С неизменной дирижерской палочкой в правой руке, на которую нацелены глаза певцов, словно «капитан» некоего поющего корабля, стоит за пультом Б. А. Александров, большой, разносторонний музыкант и композитор.

Трудно, конечно, отделить ансамбль от дирижера. Они предстают на концерте слитыми в едином замысле и исполнительском мастерстве. Однако хор есть хор... Исполнитель может песню петь поразному — и так и этак, да ведь и на рояле можно играть и хорошо и плохо.

Ансамбль — это прежде всего кузница новых песен. Новую песню приносят в ансамбль, отсюда и начинается работа художественного руководителя. Он решает, что и как надо сделать, чтобы песня интересно прозвучала в исполнении хора, солистов и оркестра.

Для Бориса Александровича это занятие — любимое дело. Занимается он им с увлечением, творчески; происходит как бы второе рождение песни, уже в новой, присущей ансамблю форме, со всеми его богатыми возможностями.

Дирижер обладает большой фантазией, вкусом, выдумкой, чувством меры. Под его руками песня, постепенно «проявляясь», наполняется красками, оттачивается и, наконец, становится подлинно художественным произведением. Поэтому все песенники высоко ценят замечательный коллектив краснознаменцев, любят Бориса Александровича, доверяют ему, зная, что в руках опытного мастера и большого художника родятся отличные «премьеры», нужные советскому народу. Его песни говорят о больших чувствах, зовут к светлой жизни. И очень хорошо, что у советского народа есть такой выразитель дум, как певческий коллектив краснознаменцев, что с нами живет и работает такой выдающийся художник, мастер, дирижер, как Борис Александрович Александров. Пожелаем ему в день 60-летия и его друзьям — коллективу Краснознаменного ансамбля — здоровья и долгих творческих успехов.

Анатолий **НОВИКОВ**, народный артист РСФСР

ДЕТЕКТИВ, ЕСЛИ ОН НАСТОЯЩИЙ

Кадр из фильма. В ролях — В. Стржельчик и А. Азо.

Зажженная спичка освещает перевернутые, разбросанные взрывом предметы, большой портфель... С удивлением замечает немецкий генерал, владелец портфеля, что замок открывается не с двух оборотов, как всегда, а с одного. Неужели секретные планы немецкого командования стали известны советской разведке?!

Это завязка фильма «Как вас теперь называть?» И хотя в первой же части в странном обличье повара-бельгийца «месье Жака» мы узнаем советского разведчика Валерия, хотя уже понимаем, что он разоблачен эсэсовцами, наш интерес к происходящему продолжает нарастать.

Валерий, которого с таким мастерством играет артист А. Азо, ничего не смог бы сделать без помощи партизан и замечательных советских патриотов. Мы узнаем о Лиде Костюк — ее играет актриса Л. Голубкина,— работающей в немецкой комендатуре; о человеке с трудной судьбой — летчике Майкове, эту роль исполняет артист В. Самойлов.

Впрочем, обо всех героях фильма можно сказать, что это люди нелегкой судьбы. Как могло случиться, что Лида доверилась человеку, который оказался предателем? Как могло случиться, что летчик Майков согласился завербоваться в немецкую разведку... для того, чтобы вырваться из концлагеря?

Сценаристы фильма Ю. Лукин, М. Прудников, В. Чеботарев (он же режиссер-постановщик) отказались от прямых схем и заранее известных, набивших оскомину положений. Фильм заставляет зрителя самого многое додумывать. Да и для актеров здесь материал как нельзя более благодарный.

Фильм правдив и в деталях. Здесь большую роль сыграло то, что он основан на фактическом материале. Был действительно такой партизанский отряд! Назывался он «Отряд неуловимых». Была действительно Лида, только звали ее Лилия Костецкая. Майков в жизни был Майским. Легко угадывается и место действия: авторы сценария изменили только одну букву в названии города: Положск — это Полоцк.

И все-таки не только воспроизведение фактов, документальное раскрытие роли героев Полоцка руководило создателями фильма. Они стремились создать увлекательнейший романтический детектив. Пусть не смущает нас это слово. Детектив, если он настоящий, отнюдь не противопоказан советскому кино! Наоборот, можно только приветствовать рождение нового талантливого фильма, сделанного в приключенческом жанре.

Л. ФЕДОРОВА

●

НОВОБРАНЦЫ ХИМИИ

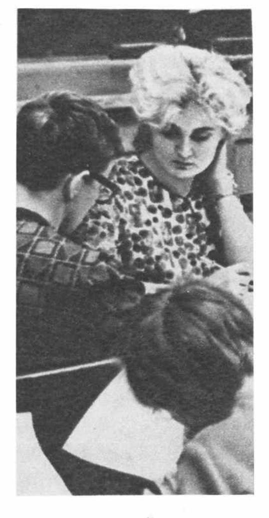
В Московский институт тонкой химической технологии, где готовят инженеров-технологов, на 450 мест подано 1 400 заявлений. Конкурс не такой уж большой, но все же проходной балл — 18 очков, а это значит, нужно сдать все предметы не меньше чем на четверку.

Каждое утро к девяти часам в институте собираются абитуриенты. Вместе с восемнадцатилетними, всего лишь месяц назад получившими аттестаты зрелости, «дрожат» люди весьма степенные — вчерашние воины, производственники. Более или менее спокойно чувствуют себя только те, кто направлен в институт по путевкам химических заводов. Они идут вне конкурса.

В одной из аудиторий — экзамен по математике.

У столика экзаменаторов сидит юноша в солдатской форме — Борис Борисов. Отвечает он обстоятельно, уверенно и получает заслуженную пятерку.

— Замечательный парень! — говорит преподаватель математики Анастасия Ивановна Строгова.— Окончил сельскую школу в Рязанской области еще в 1960 году. Потом работал, служил в армии и вот сейчас порадовал нас глубокими знаниями.

Идут экзамены.
Фото Г. Санько.

Принято считать, что выпускники московских школ сильнее. Однако на экзаменах по математике и физике абитуриенты из Магадана, Норильска, Ургенча, из Подмосковья отвечали намного лучше некоторых москвичей.

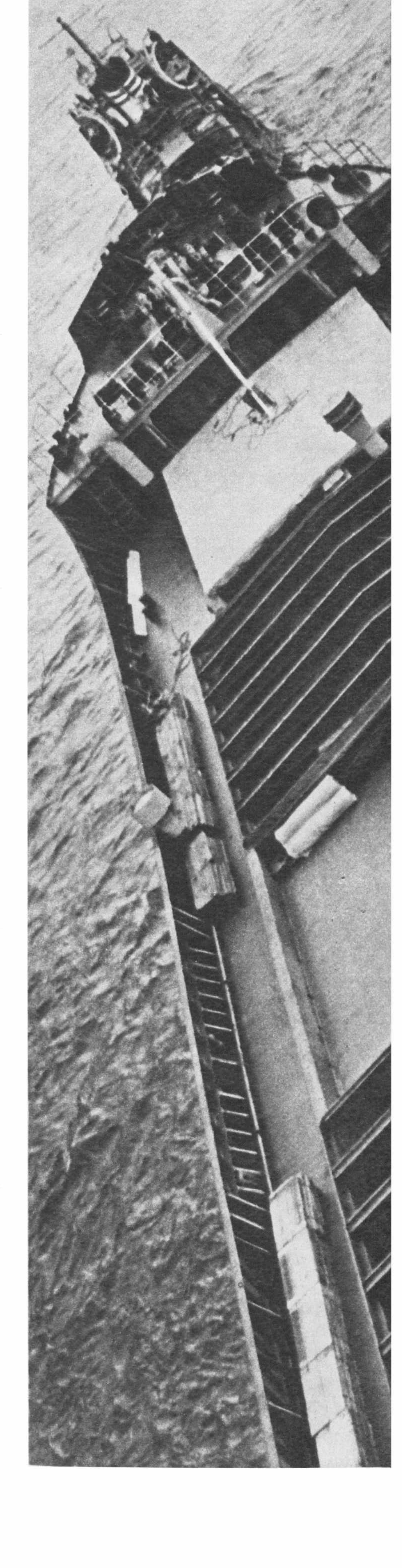
...В центре большого зала на небольшом расстоянии один от другого девять столов. За каждым из них два преподавателя экзаменуют одного абитуриента. Здесь сдают ведущую дисциплину — химию.

— Можно считать, что сегодня — удачный день,— услышали мы от доцента Николая Алексеевича Цветкова.— Из семнадцати отвечавших десять получили «отлично», пять — «хорошо».

В этом году на первых курсах 754 вузов нашей страны будет учиться более 800 тысяч студентов.

Тихо. Идут экзамены!

Л. ГОРОВА

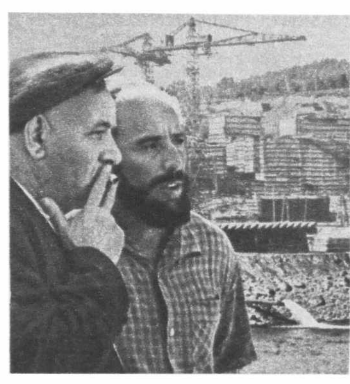

ЧЕТЫРЕ НЕГАБА

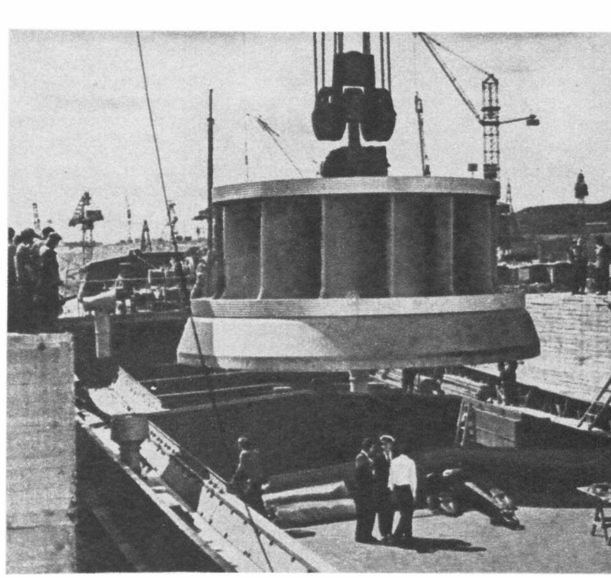

Встречают моряков-североморцев.

А. Е. Бочкин и М. И. Гальперин наблюдают за выгрузкой.

Вот он, негабаритный груз.

«Лодьма» подходит к Дивногорску.

ЖДЫ РИТНЫЙ

РЕПОРТАЖ С МЕСТА СОБЫТИЯ ВЕДЕТ НАШ СПЕЦИАЛЬНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ Ю. КРИВОНОСОВ.

Фото автора.

В Одессе так встречают китобоев — такой же могучий приветственный рев сирен, яркие трассы ракет, медь оркестра и заполненные людьми склоны берега, краны и крыши. Но вместо сверкающего Черного моря здесь катит свои воды суровый Енисей, а флотилию заменило одно-единственное судно — лихтер «Лодьма». И хотя рейс его продолжался всего лишь месяц, для такой горячей встречи были все основания: в трюмах лихтера прибыл груз особой важности — первые два рабочих колеса турбин Красноярской ГЭС. Изготовили эти гигантские колеса на ленинградском Металлическом заводе имени XXII партсъезда, а доставили их сюда моряки Северного морского пароходства. Путь их пролегал через реки и озера, Беломорский канал, Белое, Баренцово и Карское моря и закончился на Енисее, в Дивногорске.

Это был нелегкий поход сквозь дожди и туманы, шторм и льды. Но другой возможности не было: каждое колесо весит без малого двести пятьдесят тонн, в диаметре имеет восемь с половиной метров, а в высоту — пять. Если бы их даже разрезали на четыре части, они все равно остались бы для железной дороги негабаритным грузом.

Дивногорск встретил «Лодьму» проливным дождем, который, впрочем, никого не напугал. Пока лихтер швартовался у пирса, специально сооруженного для приема необычного груза, строители ГЭС с любопытством заглядывали в его трюмы: выгрузку предполагали начать после торжественного митинга.

И природа смирилась перед упрямыми людьми: дождь прекратился, и даже тучи немного разошлись, чтобы дать возможность солнцу разделить всеобщее праздничное настроение.

Пока шел митинг, бригада такелажников освобождала в трюме колеса от креплений. Но в последний момент руководство строительства ГЭС, посовещавшись, решило перенести разгрузку на утро: начинало смеркаться, и излишняя спешка была ни к чему.

Утром я примчался на пирс за два часа до назначенного срока и, уже издали увидев красную громаду колеса, перепугался: проспал, проспал самое главное! Но на пирсе было безлюдно, лишь такелажники хлопотали в трюме у второго колеса. Следом за мной подъехал Андрей Ефимович Бочкин, начальник строительства ГЭС, и напустился на прораба Валентина Харлова, руководившего выгрузкой:

— Это что же вы, братцы, вытворяете? Мы же условились на восемь часов!

— Да мы только хотели попробовать,— оправдывался тот, глядя на Бочкина веселыми, хитрющими глазами,— кран хоть и испытывали, но решили чуть-чуть приподнять колесо — проверить... Как раз все разошлись, никто не мешает и советы со всех сторон не сыплются... Приподняли — вроде порядок, а опускать уже жалко стало, вот мы и... А то страшновато было: кругом народ, груз тяжелый, аж балки трещат...

— Балки трещать и должны,— рассудительно заметил Бочкин.— А как же вы без начальства выгружаете? Ведь случись что, вся ответственность на вас.

— Да она так и так на нас, а мы посоветовались с заместителем главного конструктора Михаилом Иосифовичем Гальпериным, что на «Лодьме» прибыл, он как раз тут был, ему ведь тоже колеса до́роги, сам над ними работал...

Медленно, почти незаметно движутся тросы крана, кажется, что колесо стоит на месте, но нет, идет, вон даже судно «подскочило» в воде, освободившись от тяжкого груза. Киношники недовольны: никакой динамики, уж чересчур медленно. Им бы хотелось, чтобы колесо птицей взвилось, а тут по миллиметру приподнимается. Но вот оно уже вышло за обрез трюма, повисло над палубой, значительно быстрее поехало в сторону и опустилось на приготовленное для него ложе.

Трещат балки и кинокамеры, щелкают затворы фотоаппаратов.

Операция «Негабаритный груз» завершена. На Красноярской ГЭС наступает новый период — подготовка к монтажу основного оборудования.

ТАЛЬ ЕСТЬ ТАЛЬ!

С. ФЛОР,
международный
гроссмейстер

В феврале я спросил Бента Ларсена:
— Чем кончится матч Портиш—Таль?
Ларсен, не задумываясь, ответил:
— Выиграет Портиш.
— Почему вы так считаете? Разве Таль уже не Таль?
— Да, у нас говорят, что Таль уже не тот, что у него почки не в порядке и здоровье уже не то.

...Вот эти-то разговоры и толки, видимо, и привели к тому, что накануне встречи с Михаилом Талем датский гроссмейстер, обычно скромный в своих высказываниях, заявил, что он победит Таля, и даже указал, с каким счетом — 5,5 : 4,5.

Как теперь ясно, Ларсен оказался плохим шахматным синоптиком. Он не угадал победителя матча Портиш—Таль, а в своем матче с Талем угадал лишь счет, но «с небольшой неточностью».

В результате жеребьевки, проведенной в прошлом году в Амстердаме президентом ФИДЕ Ф. Рогардом, восемь претендентов на титул чемпиона мира были разделены на две группы. В одну вошел М. Ботвинник (его после отказа заменил Е. Геллер), В. Смыслов, П. Керес и Б. Спасский, а в другую — М. Таль, югослав Б. Ивков, датчанин Б. Ларсен и венгр Л. Портиш.

Многие считали, что Талю повезло в жеребьевке, но это мнение было ошибочным. Дело в том, что, когда он уселся за доску с Портишем, борьба в первой пульке была уже завершена, и Спасский, вышедший в полуфинал, мог спокойно ожидать исхода борьбы на озере Блед. Таль, играя, все время чувствовал за спиной Спасского. Вскоре стало ясно, что партнером Спасского будет Ларсен или Таль, но кто мог предполагать, что встреча между двумя этими шахматистами примет столь яростный, столь азартный характер!

Итак, Б. Ларсен — М. Таль! Матч двух тактиков доставил нам много волнений, и после первой же партии мы могли убедиться в том, что Ларсен твердо решил осуществить свой план. Датчанин не скрывал его от нас. Дело в том, что в 1956 году талантливый датчанин завоевал в Москве, на олимпиаде, титул гроссмейстера, и вот он решил отметить десятилетие своего успеха новым выступлением в Москве, на сей раз в борьбе с чемпионом мира Тиграном Петросяном.

Возможно, конечно, что Б. Ларсен, когда он утверждал, что завоюет право на встречу с Петросяном, и шутил. Но в матче с Талем он вовсе не шутил, и можно полагать, что и Михаилу Талю было не до шуток. Много тяжелых минут пришлось пережить рижскому гроссмейстеру. И не раз в своих репортажах о ходе матча тренеру нашего шахматиста мастеру А. Кобленцу пришлось успокаивать болельщиков и прежде всего рижан: «Спите спокойно, все будет в порядке!» Но какой может быть спокойный сон, когда болельщики явно чувствовали, что Таль играет хуже, чем с Портишем, что он устал! Два раза Ларсен захватывал лидерство, и вот перед десятой партией счет матча оказался 4,5 : 4,5. Разве в такой момент М. Таль и А. Кобленц спали спокойно? Конечно, нет!

Сон и хороший аппетит появились у них лишь после десятой партии. В этой встрече Бент Ларсен и шахматный мир увидели «старого Таля». Экс-чемпион мира провел эту решающую встречу просто блестяще. Десятая партия явится украшением в богатом творческом багаже Михаила Таля.

Необходимо отметить великолепную игру датского гроссмейстера, который прогрессирует из года в год. События на озере Блед подтвердили, что в лице Ларсена шахматный мир имеет большую надежду, а нам хочется пожелать Ларсену, несмотря на то, что он не совсем выполнил свой план, все же побывать в Москве, если не в роли партнера Петросяна, то хотя бы в роли зрителя матча Тиграна Петросяна с Борисом Спасским или Михаилом Талем. И тот и другой достойны того, чтобы оспаривать титул чемпиона мира.

Рабочая высь

Борис ПАЛИЙЧУК

* * *

Вернулись мы
Не из космоса,
Просто пришли из рейса.
Лайба наша курносая —
Как паровоз на рельсах.
Нам пассажиры сонные,
Видимо, крепко верили.
Машина,
Как невесомая,
В облачной гуще реяла.
Мы бились в краю безмолвия
Один на один
С грозою.
В стекла хлестали молнии
Фиолетовою лозою.
Нам этой небесной романтики
Хватило на целый час.
Не было б
Космонавтики,
Если бы не было нас!

АИСТЫ

Нам повстречались
Пролетные аисты.
Черные крылья,
И груди — как снег.
Мы уступили дорогу:
— Пожалуйста!
Неба высокого хватит на всех.
Ваши маршруты
Значительной дальности.
Вы берегите силенок запас!
Нам показалось:
Вожак с благодарностью
Карим глазком
Покосился на нас.

* * *

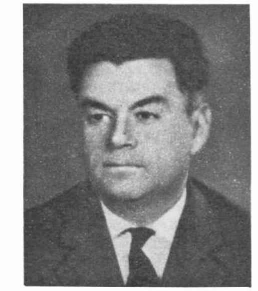
Я вернулся к тебе
Из полета
И на кожаной куртке принес
И торжественных зорь позолоту,
И лиловые отблески гроз,
И прозрачный
Капроновый ветер,
И созвездий
Жемчужную нить.
А такие подарки на свете
Только летчики
Могут дарить.

ДРУГ

Их на заданье улетало двое.
Один из них
Не прилетел назад.
На черном камне —
Звездочка Героя.
Внизу цветы привялые лежат.
А тот,
Который прилетел обратно,
Не позабыл о друге боевом.
И каждый год
Летает аккуратно
Качнуть над старым кладбищем
Крылом.
Когда берез окрепнет позолота,
Когда октябрь покроет
бронзой клен,
Вдруг раздается
Рокот самолета
И виден
Острой плоскости наклон.
И знает знака этого значенье
Той приднепровской местности
народ.
И каждый год
Начальство разрешенье
На этот вылет
Летчику дает.

Киев.

ПАМЯТИ А. В. ТЕПЛЯШИНА

В результате автомобильной катастрофы в Каире трагически погиб Алексей Викторович Тепляшин — заместитель советского представителя в Постоянном секретариате Организации солидарности народов Азии и Африки. А. В. Тепляшин, по специальности историк-международник, ряд лет работал за рубежом, участвовал в составе советских делегаций в различных международных конференциях. Талантливый, энергичный человек, он много сил отдавал делу борьбы с колониализмом, укреплению солидарности афро-азиатских стран. Таким будут помнить его друзья.

Генеральный секретарь Постоянного секретариата Организации солидарности стран Азии и Африки Юсеф эс-Себаи прислал в Москву телеграмму с выражением соболезнования, в которой говорится: «Его смерть явилась тяжелым ударом для всех, кто работал вместе с ним, и его отсутствие будет весьма ощутимо».

Широкая популярность

Марка завода «Ростсельмаш» широко известна. И не только потому, что каждые четыре минуты с конвейера этого предприятия сходят чудесные машины, предназначенные для сельского хозяйства.

Популярен коллектив завода среди любителей спорта.

Вот уже два года, как на заводе создан спортивный клуб. В нем 12 тысяч физкультурников. Председатель клуба, директор завода, лауреат Ленинской премии А. Меркулов,— сам в прошлом спортсмен. Опытный инженер и крупный организатор производства, он отлично понимает, какую пользу приносит содружество труда и спорта.

С полной нагрузкой работают спортивные площадки и стадион завода. Здесь можно встретить рабочих, уже ушедших на пенсию и занимающихся оздоровительной гимнастикой, и совсем юных.

Для мальчишек и девчонок взрослые создали «Клуб юных друзей заводского стадиона». Ребята стали непременными участниками спортивной жизни завода. Только в футбольной секции занимается более 120 мальчишек, которые под руководством опытных тренеров А. Гузиева и И. Смирнова постигают первые азы футбольной науки. Недавно ребята держали экзамен перед заводскими болельщиками, строгими знатоками искусства владения кожаным мячом. Матч юных был проведен на главном поле стадиона. Игра доставила ростсельмашевцам удовольствие и вселила уверенность, что славные традиции ростовского футбола есть кому поддержать!

Но, конечно, не футболом единым живет спортклуб.

...Короток субботний день. Сразу после работы к заводскому Дворцу культуры потянулись литейщики и формовщики, кузнецы и токари. У всех за плечами рюкзак — верный признак любителей путешествий. К вечеру у реки выросли сотни палаток.

А на следующий день рыбалка, конкурс на лучший походный обед, эстафеты...

Кстати, именно здесь, на заводе, родился почин — самому спортивному цеху присваивать звание «Спортивный маяк». Его присуждают коллективу, где не меньше половины работающих — спортсмены. Это звание дает цеху право самостоятельно выступать в соревнованиях, иметь собственную спортивную эмблему, утверждать инструкторов-общественников и методистов производственной гимнастики (на заводе ею занимаются более 6 тысяч человек). Уже 4 цеха возведены в столь почетный ранг. Тысячи комбайностроителей черпают бодрость и силу из неиссякаемого спортивного родника. И сегодня, в День физкультурника, хочется сказать: «Так держать, ростсельмашевцы!..»

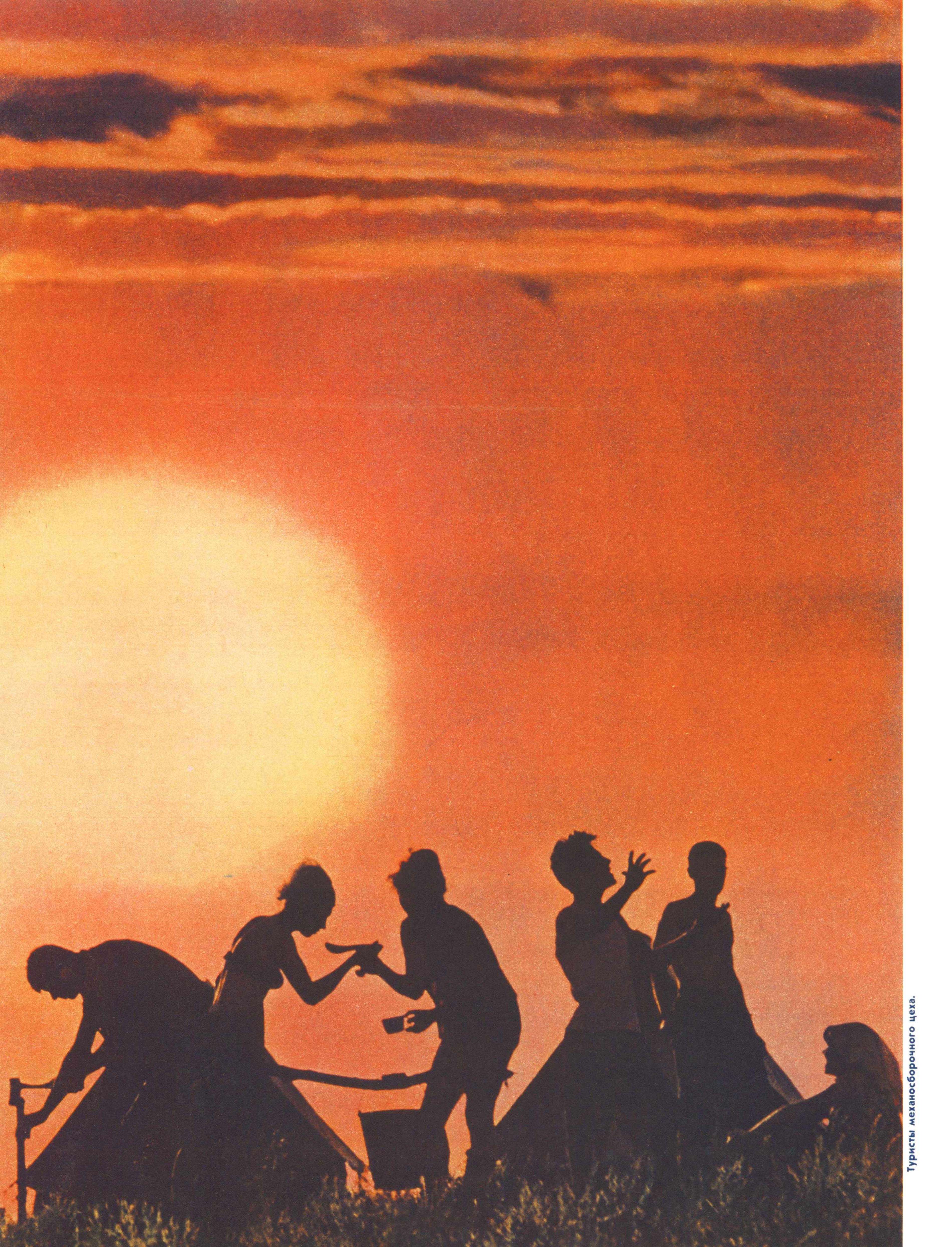
На тихом Дону.

Скоро обед.

Утренняя рыбалка.

СПОРТКЛУБ «РОСТСЕЛЬМАША». Фото Л. Бородулина.

Туристы механосборочного цеха.

Перчатки в атаке

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

У каждого старого мастера, будь он металлист или спортивный тренер, есть, наверное, своя поздняя привязанность — эдакий не очень счастливый в деле, но упрямый паренек, с которым забот не оберешься и в которого все-таки веришь крепко.

Есть такая привязанность и у Ивана Степановича Богаева. Не сможет вспомнить заслуженный этот человек всех, кого выводил на ринг за сорок с лишним лет служения боксу. Давным-давно, еще совсем молодым, повесил он на гвоздик у окна свои боевые кожаные перчатки и надел тренировочные «лапы». Давно сошли с ринга первые его ученики, Николай Королев, например, многолетний чемпион, пришедший к Ивану Степановичу белесым увальнем-мальчишкой, тяжеловатым и благодушным.

Нет, всех, конечно, не вспомнишь. Кто скажет, сколько одних студентов прошло школу Ивана Степановича за три десятилетия, пока он ведает боксом в Московском высшем техническом училище имени Н. Баумана?

Но этот, поздний, пришедший в боксерский зал, когда уже поседела голова тренера, запомнится навсегда. И не богатырь он вовсе, и на редкость невезучий в спортивной своей судьбе. А все-таки люб, как, пожалуй, никто другой.

Встретились они в первый раз на больших студенческих соревнованиях. Готовил Иван Степанович к выходу на ринг своего воспитанника Петра Нефедова, гонял на «лапах», чтоб хорошенько разогрелся спортсмен, давал спокойные советы. И, занятый делом, не обращал внимания на то, что какой-то паренек все пытается некстати с ним заговорить.

— После,— сказал Иван Степанович,—немного после, если можно...

Потом в тот же вечер он увидел паренька на ринге. Чуть раскосые глаза, озорное лицо, странно веселое, как будто он вышел не боксировать, а просто поиграть. И боксировал парень озорно и весело. Был очень быстр, но уж больно суетлив, не собран, не сосредоточен, словно куда-то торопился и спешил поскорее закончить бой. Иван Степанович смотрел на него с некоторой досадой: зачем портит парень серьезное дело? Есть у него в бою много завидного, но к чему все эти прыжки и заметное любование редкой своей способностью балансировать, можно сказать, на острие ножа? Любопытно, кому тут присудят победу? Иван Степанович, сам того не сознавая, малость уже приболел за озорного паренька, ведшего рискованную, неумелую, но все же яркую и очень самобытную игру. Парень проиграл? Это несколько спорно, но лучше пусть будет так для науки...

В конце вечера паренек опять подошел к Ивану Степановичу.

— Теперь можно?

— Можно.

Разговор у них вышел долгим. Уж нетерпеливо поглядывали уборщицы на странную пару: пожилой мужчина с сердитыми, как у Льва Толстого, бровями и хлопец, похоже, из тех, кто вечно лезет без билета,— гони их в одну дверь, ан они в другую.

— Граждане хорошие, может, вы в другое место пойдете?

Они ушли наконец. Они шли по улицам с редкими бессонными окнами и все разговаривали. Парень-то оказался из далекого Улан-Удэ, приехал он не куда-нибудь, а в Бауманское училище. Говорит, что станет инженером по колесным и гусеничным машинам: автомобили, тракторы...

— Ну, еще надо экзамены сдать для начала...

— Сдам!

Опять легкомыслие. Поймет ли когда-нибудь Виликтон, что веселый и легкий нрав — свойство отменное, но далеко не во всех случаях жизни человеческой? Полно, не ошибся ли в своей вдруг возникшей симпатии Иван Степанович, не тратит ли он времени даром?..

Годы их накрепко потом связали. Долгие спортивные годы, когда были и взлеты и провалы. Отличным студентом оказался Виликтон Баранников, как говорится, без единой академической задолженности (а проще, «хвоста») за все семестры трудного вуза. Отличным студентом и не очень счастливым спортсменом. В масштабах Москвы — первый, чуть масштаб пошире — первым никак не удается стать. Может быть, это не так уж важно? Все-таки призер чемпионатов страны и олимпийских игр! Это не малая высота!

Но дело все в том, что оба они знали: суть не в счастье, не в везении. Надо еще и еще потрудиться веселому и легкому боксеру, чтобы эта легкость, эта способность непринужденно и весело играть на ринге в минуты опасности обернулась еще большим, чуточку большим, серьезным мастерством.

Они его творили. Это вовсе не общая фраза. Тот, кто видит молодого боксера Виликтона Баранникова на ринге, замечает, конечно, что он ведет бой как бы в двух ключах. Он стремительно и неожиданно меняет боксерские стойки с левосторонней на правостороннюю. Ох, как это неудобно для соперников! Ведь только привыкает боксер к определенным действиям партнера — глядь, перед ним зеркальное изображение человека! И начинай все сначала. И только опять приспособишься — снова не с той стороны, откуда ждешь, следует мощный атакующий удар...

Казалось бы, что особенно хитрого? А ведь это целая наука. Надо же все отработать в тренировочном зале так, чтобы каждое движение стало свободным, рациональным, привычным, чтобы действовало в тебе два равно умелых бойца.

Это — новаторство. Конечно, так. А сколько еще возни было с характером, с тем, чтобы, ни в коем случае не потеряв способности видеть в боксе увлекательную игру, научиться в нужные мгновения становиться человеком стального литья, упрямой волей одолевать, подминать едва заметно дрогнувшего соперника!

И опять второй. Помню, я видел их вдвоем после только что закончившегося финального боя чемпионата страны. Было это в раздевалке, за кулисами зала Дворца спорта в Лужниках. Оба улыбались, разговаривая в уголке, и могло бы создаться такое впечатление, что всем они на свете довольны, что все идет так, как должно. И только выдавали глаза.

— Не сложился бой...

— Да, не сложился.

— Ничего, Виликтон!

— Ничего...

Но ты никого не обманешь, парень. Огорчен здорово. И вы, Иван Степанович, тоже никого обмануть не можете, тем более, что это вам вообще никогда не удавалось: слишком уж вы открытый человек.

Не знаю, о чем думал Иван Степанович, когда смотрел бои боксеров последнего чемпионата Европы, шедшего в берлинском «Вернер - Зееленбиндер - Халле». Может быть, он, как и все мы, сидевшие в те часы у телевизоров, гордился нашими ребятами, почти не знающими поражений, а может быть, обуреваемый огромным волнением, ревниво следил за поведением молодых наследников нашей отечественной боксерской школы и размышлял над тем, как еще увеличить емкость возможностей спортсмена?

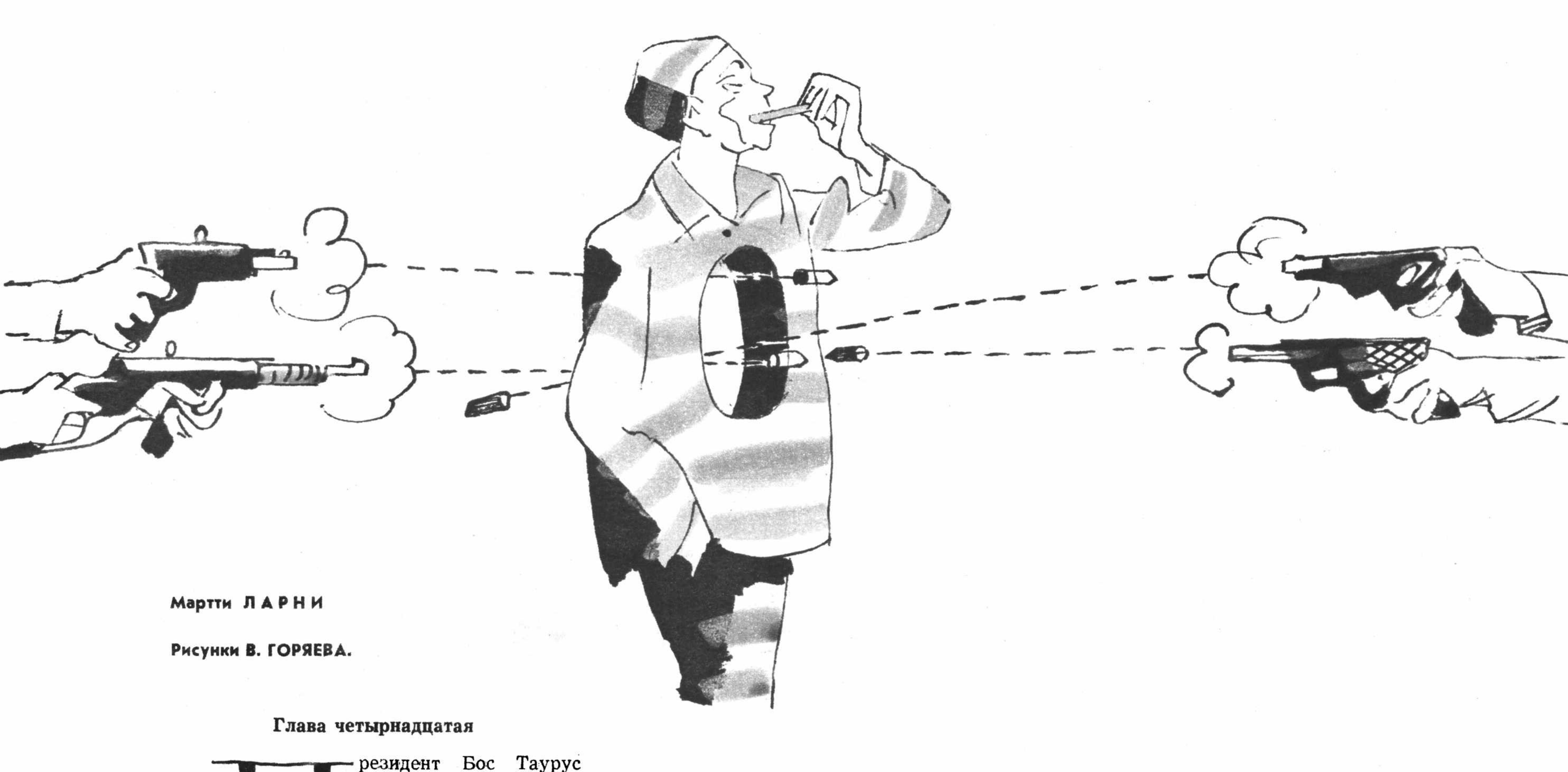
Иван Степанович видел бой своего не очень счастливого ученика, раскосого и веселого паренька из Улан-Удэ. Это был лучший бой их обоих. Это был лучший бой европейского чемпионата. Замечательный боксер поляк Ю. Грудзень дважды перед тем вырывал победу у Виликтона. Дважды! Они встречались в матче на соревнованиях Кубка Европы, и все три раунда, постепенно наращивая мощь атак, не давая нашему боксеру ни одного мгновения для перелома хода поединка, вел бой Грудзень. Они затем встречались в матче в Токио, и снова вторым оказался Виликтон Баранников!

Теперь он становился первым. Это было ясно. Сильные, быстрые фигурки боксеров стремительно передвигались на экранах телевизоров, и всех, можно сказать с уверенностью, захватила опасная, красивая игра. Эту игру вел наш парень. Вот в долгом первом раунде он нырками, изящными и легкими уходами заставляет сильного соперника делать промах за промахом и тут же внезапно, быстро встречает его, неосторожно открывшегося, резкими и точными ударами левой руки. Соперник обеспокоен. Надо что-то делать. Может быть, ближний бой? Но нет, не успевает — эта левая рука все встречает, бьет... Второй раунд. Да, Грудзень знает, что Виликтон мастерски меняет стойки. Знает, но привыкнуть к этому нельзя... Но что случилось? Взревел и замер зал, считая вместе с судьей на ринге секунды: «Раз... два... три...» Какой же, оказывается, хлесткий, сокрушительный, точный удар приберег этот легко скользящий по рингу советский боксер!

Третий раунд. Он принял верное решение, польский боксер, единственно верное в том случае, когда на дистанции проигрываешь все. Он рвется в ближний бой, где будет сведена на нет маневренность и эта невероятная способность боксировать в двух стойках, будто против тебя не один, а двое. Ближний бой! Но Баранников и в ближнем, стремительном, жарком бою, оказывается, чувствует себя уверенно.

Это был лучший бой чемпионата. Это был лучший бой в жизни Ивана Степановича Богаева и в жизни его молодого друга, чемпиона Европы.

Да, у каждого старого мастера есть свой упрямый, не очень счастливый поначалу паренек, с которым забот не оберешься, но который так или иначе сам потом становится мастером, продолжая достойно дело своего наставника.

Мартти ЛАРНИ

Рисунки В. ГОРЯЕВА.

ОБ ЭТ
ПОМ

Роман-памфлет

Глава четырнадцатая

Президент Бос Таурус был чрезвычайно доволен развитием событий. Теперь ему и в голову не приходило сделать Энрико Вульвиуса послом. Напротив, он назначил этого талантливого специалиста по уголовным делам на должность пресс-секретаря при правительстве. Согласно тому же распоряжению президента, общее руководство делом Барбатуса возлагалось на Секста-Косоглазого.

Когда все подозрительные элементы были арестованы и сосланы в Аллиумские лагеря заключения, президент выступил по радио и телевидению с трехчасовой речью, которую, думается, нет нужды здесь повторять. Ведь она в свое время публиковалась печатью всего мира. Я слышал, генеральный секретарь ООН был так глубоко взволнован этой речью президента, что плакал навзрыд. Бос Таурус говорил о твердой решимости Лаконии выступить на защиту мира и свободы и призывал союзников не пожалеть усилий и средств на вооружение. Куропотамия представляла собой угрозу всему миру, а потому каждый, кто хочет мира, должен подготовиться к войне и погибнуть с оружием в руках. Мир не может быть сохранен, если маленькая страна Куропотамия не будет стерта с карты мира. Дни Куропотамии были сочтены. Речь шла лишь о моменте, когда президент нажмет маленькую кнопку на своем письменном столе и объявит всеобщую тревогу.

Лакония жила точно в угаре от мира. Газеты, радио, телевидение, захлебываясь, кричали о мире. Поэты писали стихи о мире, композиторы сочиняли победные марши для солдат мира. Особенно изощрялась реклама: «Мир и Свобода» неслось отовсюду. Прическа «Мир», зубная паста «Мир», жевательная резинка «Вкус Мира», часы «Мирное время», купальники «Мирные волны», лифчики «Дары Мира»... В то же время производство автоматического оружия головокружительно росло, а производственные расходы неуклонно снижались благодаря правильной организации и автоматизации массового поточного производства. Обращение президента нашло отклик и у отцов церкви: они заново придумали муки ада, чтобы, воздействуя на людей страхом, хоть немного отвлечь их от исключительной заботы о земных благах. В условиях чрезвычайного положения, введенного в Лаконии, мирный дух настолько поднялся после выступления президента, что следующей же ночью в Палинодии произошло две сотни мирных уличных сражений и несколько сексуальных убийств, не считая отдельных случайных выстрелов. Я, пожалуй, недостаточно хорошо знаю психологию, чтобы проанализировать все эмоциональные мотивы человеческих поступков, но мне думается, война и мир так же близки и неразделимы, как боль и наслаждение. Ради мира приходится воевать, а ради войн — устраивать иногда мир, чтобы иметь возможность спокойно готовиться к следующей войне.

Эти вечнозеленые проблемы человечества обсуждались, в частности, и на пресс-конференции, которую устроил в одном из залов правительственного дворца Энрико Вульвиус. Собравшимся был роздан текст официального сообщения, а также многочисленные фотоматериалы, разоблачающие агрессивные замыслы Куропотамии. Особый интерес вызвал документальный фильм, показывающий, как произошло убийство Луция Акантии. Сценарий, режиссура, съемки и монтаж фильма доказывали высокий художественный, технический и морально-этический уровень нашего киноискусства. Редко увидишь столь потрясающий и столь убедительный кинорепортаж, как этот, изготовленный нашими вездесущими мастерами кинохроники.

Поскольку фильм пришлось впоследствии уничтожить, я коротко расскажу вам его содержание.

Тайная разведывательная служба Куропотамии дозналась, что Луций Акантия собирался рассказать на суде — присяжным и представителям прессы — всю правду о сводинке Микротусе и его подручном Гуло, которых застрелили в воротах следственной тюрьмы. Луций Акантия направлялся в тюремную часовню, чтобы помолиться, как вдруг к нему приблизился одетый в арестантскую форму агент иностранной державы. Сунув в руку Акантии записку, он тут же исчез в извилистом тюремном коридоре. В записке предлагалось Акантии выйти во двор тюрьмы ровно к пяти часам утра, где его будет ждать приятный сюрприз. О стражниках он может не беспокоиться, так как им щедро заплачено. Не предполагая опасности, Акантия вышел из своей камеры ровно в пять утра и беспрепятственно прибыл к назначенному месту во дворе тюрьмы. На гребне стены сидел Бена Поповичкау, который, не говоря ни слова, бросил ему плитку шоколада. Тут же развернув ее, Акантия стал пожирать шоколад. В это время на стене появились снайперы, подававшие Бене световые сигналы. Тот сразу понял, что требуется заманить жертву на открытое место посреди двора. Соответственно с этим он кинул две плитки шоколада достаточно далеко от стены и, когда Акантия поспешил поднять их, пообещал ему бросить еще. Акантия ждал, приготовясь поймать шоколадку, и тут единым залпом прозвучали выстрелы. По ту сторону стены стояли на карауле полтора десятка куропотамцев, проживающих в Лаконии; они приняли убийц в свои машины и скрылись в тот самый момент, когда тюремные часовые по сигналу тревоги сбежались к месту происшествия.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 27—32.

Просмотрев фильм, журналисты начали задавать пресс-секретарю Вульвиусу вопросы. Представитель французского телеграфного агентства Гастон Пари спросил:

— Господин пресс-секретарь! Нельзя ли узнать имя человека, который столь удачно исполнил роль Луция Акантии?

— Это был сам Луций Акантия, лично,— ответил Вульвиус.

— Но ведь его нет в живых, он убит.

— Он был застрелен во время съемки.

— Простите меня, господин пресс-секретарь, значит, вы хотите сказать, что данный фильм аутентичен?

— Ну, разумеется. Вы же сами видели.

Гастон Пари, очевидно, сомневался, как и все французы, наивно полагающие, что кинофильмы умеют делать только во Франции. Мосье Пари продолжал наседать на Вульвиуса:

— Господин пресс-секретарь! Как могло случиться, что кинооператоры в момент убийства находились на своих постах? Неужели они знали заранее?

— Это обстоятельство нами еще не изучалось, да, впрочем, оно не имеет существенного значения.

— Мне кажется, имеет. Я сам кинорепортер, и мне как специалисту было бы интересно получить ответ на следующие вопросы: 1) Поскольку фильм снимался тремя камерами и для движения камеры во время съемки были необходимы рельсы, много осветительной аппаратуры и большой технического персонала, то как могло случиться, что убийцы не помешали сложной работе съемочной бригады? 2) Поскольку в Луция Акантию стреляли из четырех автоматических винтовок, как можно объяснить, что у него оказалось лишь одно пулевое отверстие и то на спине? 3) Каким образом кинооператоры проникли во двор тюрьмы и снимали жертву крупным планом, с близкого расстояния? 4) Переодевался ли Луций Акантия во время съемок? На общих планах мы видели его в обычном арестантском костюме, а на крупных — он в шерстяной рубашке.

Вульвиус не впервой сталкивался с любопытными журналистами. Он ответил спокойно и с достоинством:

— Ваш первый вопрос чисто технического характера. Действующий в нашей стране закон о промышленном шпионаже не разрешает мне подробно рассказывать здесь о способах движения съемочной камеры. Лакония — самая передовая страна мира в техническом отношении. В настоящее время мы можем укрыть камеры в таких местах, где они никому не помешают. На второй ваш вопрос ответить легче: все убийцы были отличными снайперами, так что их пули попали точно в одно и то же отверстие. Третий вопрос показывает, что вы не знаете современной съемочной техники. Наши операторы снимают крупные планы при помощи специальной оптики с расстояния в сорок и в сто метров, так что им вовсе не потребовалось ходить по двору и приближаться к жертве, как вы дилетантски предположили. Ваш четвертый вопрос основан, очевидно, на обмане зрения. Луций Акантия не менял костюма во время съемки, хотя у него и была возможность для этого, потому что Лакония — страна высокого жизненного уровня, где заключенные имеют достаточный выбор одежды.

Ответ Вульвиуса был награжден аплодисментами и возгласами «Да здравствует Лакония!», но упорный француз все еще не был удовлетворен. Он жаждал дополнительных сведений о лаконийском кино. Вульвиус порекомендовал ему съездить в столицу нашего кино — Галлиум, где один поцелуй француженки оценивается в тысячу долларов, а душа француза — в 50 центов. Развязный француз заявил, что он там был, но не получил ничего, кроме венерической болезни. За столь бесцеремонное саморазоблачение Гастон Пари получил предписание покинуть Лаконию в двадцать четыре часа. Он удалился и на следующий же день опубликовал в какой-то вечерней газете Парижа статью «Снимки раскрывают обман». Он писал, что получил от пресс-секретаря Вульвиуса снимки, оказавшиеся поддельными. Он посмел утверждать, что убийцы Луция Акантии — в том числе и Бена Поповичкау — вовсе не куропатамцы, а молодые актеры Национального театра Палинодии, которым позже примонтировали совсем другие головы. Статья вызвала возмущение во всем цивилизованном мире. Каждый просвещенный человек отлично знал, что следствие по делу Барбатуса велось тщательно и с огромным пиететом. Министерство иностранных дел Лаконии решило направить ноту французскому правительству, но вмешался президент Бос Таурус. Кто-то сказал ему, что во Франции тоже есть талантливые фотографы, которые умеют ретушировать, изменять и монтировать снимки. К тому же он считал, что неделикатно докучать французскому правительству делом Барбатуса, когда у него и без того довольно хлопот с Алжиром, Брижитт Бардо и недородом винограда.

Гастон Пари был не единственный иностранный журналист, которому пришлось срочно покинуть Лаконию за нелояльное поведение на пресс-конференции Вульвиуса. Один из представителей Скандинавии назвал историю потрясающего убийства Акантии «забавной сказочкой для детей». Он сказал:

— Если я пошлю в Стокгольм сообщение о том, что Луций Акантия попался в шоколадную западню и за это поплатился своей драгоценной жизнью, над моим рассказом будут смеяться даже в королевском дворце. Не лучше ли было сказать, что Акантию, который, кажется, был не дурак выпить, выманили из камеры чем-то более действенным? Могли бы ему посулить, например, бутылку шведского пунша или полштофа датского аквавита...

Последние слова скандинава потонули в бурных возгласах протеста; его тут же удалили из зала и отвезли прямо в аэропорт. Однако обмена нотами и в данном случае не последовало.

Корреспондент из Марокко хотел узнать, какова же связь между убийством Акантии и ограблением Барбатуса. Вульвиус дал, по-моему, необычайно убедительный и подробный ответ, который все же не удовлетворил грамотного мусульманина. Последний даже повысил голос:

— Господин пресс-секретарь! Если собака укусит человека, это не заинтересует редакцию новостей. Но если журналист кусает собаку, такое известие можно напечатать даже на первой полосе. Я не могу понять, каким образом ограбление ювелирного магазина способно вызвать международные осложнения и угрозу войны. Скажите мне, господин пресс-секретарь, не может ли Лакония объявить войну Марокко, если ваша уважаемая супруга будет найдена в спальне одного из лаконийских чиновников за чтением арабских сказок? Скажите мне...

— Ближе к делу! — прервал марокканца председатель.

Пресс-секретарь сохранял завидное спокойствие. Он ответил марокканскому журналисту:

— Видите ли, дело Барбатуса очень сложно, необычайно сложно. Оно перешло границы обычного судебного процесса, распространяясь, так сказать, по всем измерениям, и затронуло множество вопросов...

— Сейчас решается вопрос о мире и о войне!—воскликнул мусульманин.—Вы, лаконийцы, стали империалистами и колониалистами, вы ищете любой возможности перешагнуть границы и распространиться, не считаясь нисколько с интересами народов. Вы даже в наших домотканых коврах видите четыре измерения: длину, ширину, толщину и цену! Но если я напишу в свою газету об этом, меня немедленно отзовут домой...

Этому журналисту тоже предложили срочно покинуть пределы Лаконии. Достойно сожаления, что среди журналистов всегда находятся отдельные неисправимые скептики, которые создают за границей неблагоприятное представление о Лаконии. Зато финский корреспондент являл собой отрадное исключение. Он посылал информационному агентству своей страны все без исключения новости, которые составлялись и редактировались в информационном агентстве Лаконии. Таким образом он сохранял добрые отношения с Лаконией и в то же время избегал изнурительной мозговой работы. Но я же всегда говорил, что финны великолепны. К тому же они еще и скромны настолько, что ждут обыкновенно, чтобы им говорили спасибо дважды. Больше всего они меня умиляют, когда достигают той степени опьянения, при которой человек становится глубокомысленным, утрачивая способность что-либо говорить.

РАЗОБЛАЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАНИЯ ПРОСТОДУШНОГО

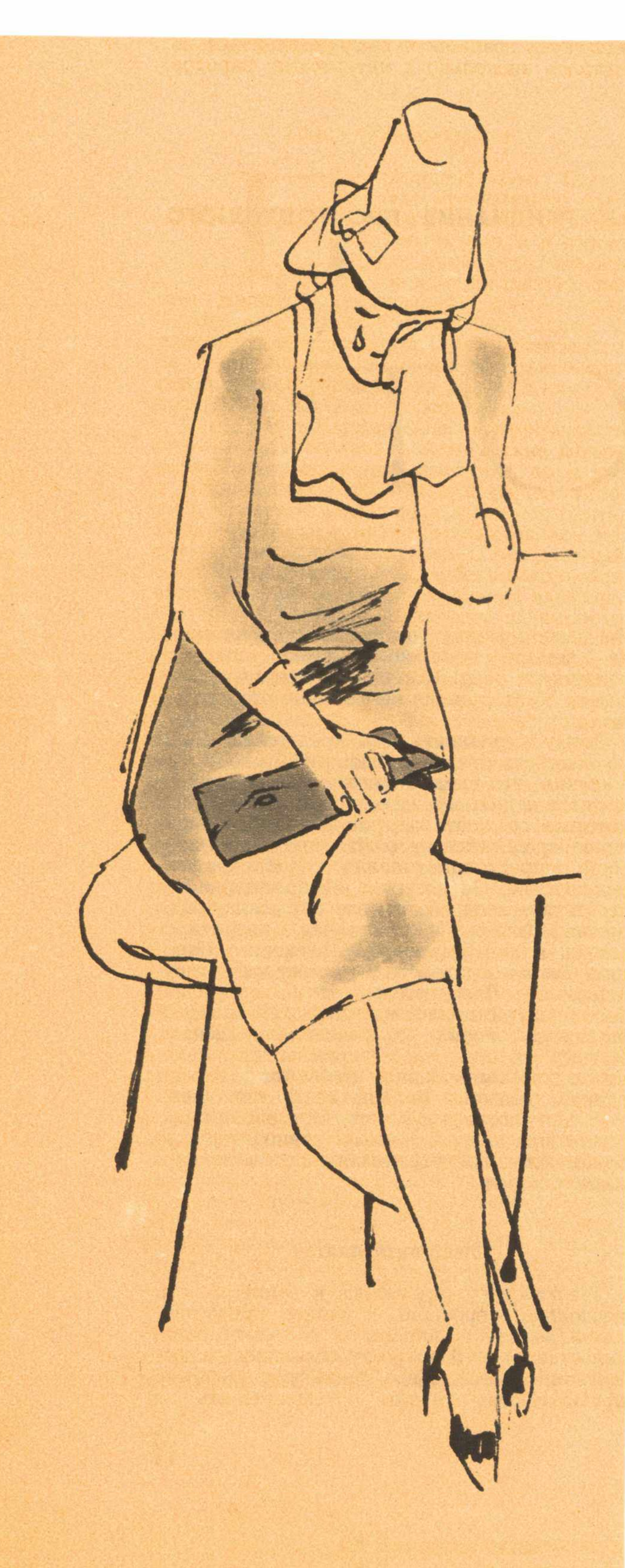
ОМ АЛКИВАЮТ

Глава пятнадцатая

Рептилии относились к войне за мир несколько сдержанно. В палате представителей делались запросы, в которых правительство угрей попросту обвинялось в поджигании войны. Двое министров бывшего правительства уехали путешествовать за

границу и там принялись чернить свою родину. Но они прогадали, так как имущество их было тут же конфисковано и передано в распоряжение государства. Хотя история и повторялась, некоторые граждане с трудом усваивали ее уроки. Эти люди не понимали и не желали понять, что для укрепления нашего мира и нашей свободы самое лучшее и верное средство — устроить хорошенькую войну. С точки зрения религиозно-нравственной война есть благо, ибо она дает вечный мир миллионам душ. Да, собственно, достаточно одного Барбатуса, чтобы Лакония считала себя вправе выступить на защиту своей свободы. И Лакония была готова совершить акцию мира с чистым сердцем и душой, со всей прямотой своих чистых газовых пушек. Как прекрасно сказал президент Бос Таурус в исторической речи по радио и телевидению: «Лакония идет в мир как Спаситель, которого не удастся распять на кресте. Я предупреждаю тех, кто пытается угрожать нашей неограниченной свободе: кто за меч возьмется, тот от нашего газа уснет вечным сном...»

Укрепление идеи мира доставило министерству полиции массу сверхурочной работы. Ежедневно приходилось арестовывать смутьянов. Это были люди, которые слишком поверхностно поняли обращение президента и правительственное воззвание. Им, видите ли, казалось, что призывы к миру не вяжутся с военными приготовлениями. Для их вразумления пришлось срочно создать много новых лагерей заключения и оплачивать огромные штаты охранников. В Палинодии и в других крупных городах происходили время от времени незначительные нарушения порядка, зачинщиками коих были бастующие сыщики. Положение изменилось решительным образом после девятнадцатого ноября, когда государственный уполномоченный по разрешению трудовых конфликтов начал переговоры с представителями сыщиков. Через два дня удалось подписать новое трудовое соглашение, гарантировавшее государственным сыщикам следующие дополнительные льготы: сыщикам предоставлялось право самим выбирать дела для расследования и отказываться от невыгодных дел; им разрешалось играть с арестованными в карты; государственная финансовая инспекция не имела права интересоваться их расходами на представительство; государство принимало на себя оплату их страховых взносов и заграничных поездок; им обеспечивались похороны за счет государства.

Когда радио и телевидение в экстренных выпусках новостей сообщили об окончании забастовки, господин Барбатус горячо поздравил меня и пригласил поужинать у них дома. В моем положении следовало тщательно выбирать знакомства. Встречаться с деятелями оппозиции, было, пожалуй, рискованно, особенно сейчас, когда государственные сыщики, хорошо отдохнув, наконец-то дорвались до работы. Во избежание ненужных подозрений я тут же сказал премьер-министру, что собираюсь поужинать в доме известной р е п т и л и и.

— Кто кому дает взятку? — спросил премьер-министр.

— Никто никому. Визит чисто формальный.

— Содержание беседы обусловлено заранее?

— У нас лишь одна тема: расследование обстоятельств ограбления ювелирного магазина.

— Когда начнется процесс?

— Как только соберут присяжных. Пока удалось отобрать четверых.

— А подсудимых сколько?

— Главных обвиняемых — шестнадцать.

— А всего?

— Около шести тысяч.

— Может, дело прекратится без суда?

— Это зависит от общей обстановки.

— Всеобщая тревога будет объявлена, вероятно, завтра. Наши войска заняли оборонительные рубежи и готовы к броску. Главнокомандующий уверен, что захват Куропотамии продлится не более полутора суток. Кстати, у Барбатуса красивая жена?

— Очаровательная. Мы применим ядовитые газы?

— Нет, по крайней мере, не в самом начале. Она, кажется, и умна?

— Я ее не знаю. В какое время будет объявлена тревога?

— Президент примет решение сегодня вечером. Я слышал, она не слишком добродетельна.

— Добродетель сопутствует уму, редко — красоте.

— Твое определение годится лишь для женщин. Ведь мужчина всегда добродетелен, насколько позволяют обстоятельства; женщина же, напротив, порочна настолько, насколько у нее хватает смелости. Так-то, друг мой Тимидус! Как далеко она рискует зайти?

— Кто?

— Ламелла.

— Не понимаю, что ты хочешь сказать.

— Именно то, что ты слышишь. Только форма моего вопроса, может быть, немножко неделикатна.

— За мной, стало быть, следят?

— Точно так же, как и за мной. Разница лишь в том, что я не имею сыскной конторы, а пользуюсь услугами твоих же людей. Итак, четырехнедельная слежка закончилась вничью. Будем продолжать?

— Хочешь загнать меня в угол?

— Так же, как ты меня. Ты делаешь обходный маневр конем, угрожая моей королеве. Ход, однако, не очень умный: он открывает дорогу моему слону. Оставь-ка лучше своего коня, пусть он охраняет Ламеллу, и подвинь какую-нибудь пешку, Тимидус. Ты не глуп, но тебе не хватает тонкого математического чутья. Ты слишком рвешься в атаку и не учитываешь возможной контратаки противника.

— Какой ход ты собираешься сделать?

— Мы ведь начинаем новую игру. Твоя очередь играть белыми, так что первый ход должен сделать ты. Тебя все еще интересуют украшения моей жены?

— Меньше, чем тебя интересует госпожа Барбатус.

— В таком случае мы можем снова согласиться на ничью. Я очень сожалею, если немного испортил тебе приятный вечер, а может быть, даже и всю ночь? Пусть будет снова ничья. Я, видишь ли, лишился спокойного сна с тех пор, как ты натравил Фабия принюхиваться к бриллиантам моей жены.

— Это было недоразумение, чистое недоразумение.

— Хорошо, Тимидус. Поставим на этом крест. Пусть наши сыщики получат наконец передышку, а мы сможем спокойно готовиться к завтрашней игре, когда шахматной доской будет республика Лакония и первый ход сделают наши тяжелые бомбардировщики. Насколько мне известно, вечер у Гнея Барбатуса — это не просто вкусный стол. Это ритуал. Постарайся насладиться им до конца. Забудь прошлое и освободи от цепей Варавву. Я убедился на собственном опыте, что питье не помогает от бессонницы, но заполняет пустоту вынужденного бдения. До свидания, Тимидус!

* * *

За весь вечер господин Барбатус не сказал ни слова о своих прежних заботах: ни об ограблении магазина, ни о предстоящем процессе. Зато он сокрушался об участи брата своей жены, Валериана Пулекса, павшего жертвой столь естественной и простительной человеческой ошибки.

— Такой правдивый и честный юноша!

— Охотно верю,— подтвердил я.

— Он и стихи писал,— сказала Ламелла и всхлипнула.

— Ну, конечно, нельзя же ему быть вовсе без греха! — воскликнул господин Барбатус, содрогнувшись.— Такие стихи мог бы писать и я. Одно слово оттуда, другое отсюда.

— Прекрасные темные стихи,— вступилась Ламелла.— Самые темные, какие я когда-либо слышала. Валериан ведь абсурдист или что-то в этом роде. И он был так красив! Ни один лаконийский поэт не носил такой прелестной бородки, как мой брат. Это была настоящая поэтическая бородка. Я никогда не забуду его бородки...

Господин Барбатус начал терять терпение.

— Борода, бородка! Я лично не выношу бородатой поэзии. Но у парня в самом деле было что-то кроме растительности. Говорил он блестяще. Да и писать умел.

— А его глаза! — воскликнула Ламелла.— Такие честные, пламенные и нежные. Вы ведь его видели, господин министр?

— Видел, мадам. Действительно, пламенные...

— А какой голос! Что за сила в каждом слове! Вы ведь его слышали, господин министр?

— Слышал, мадам...

— И ведь он говорил правду, только правду. Ведь верно, господин министр?

— Да, мадам, сущую правду...

— Вот поэтому-то он и должен был умереть.

— Должен! Что значит должен? — Господин Барбатус возмутился, бросил салфетку в супницу и углубился в себя.— Я при-

гласил господина министра не затем, чтобы толковать о поэзии.

— Смерть моего брата тебя нисколько не трогает,— сказала Ламелла.

— Право же, трогает, но не на весь вечер. К тому же Валериан был тебе лишь сводным братом. Конечно, он честный. Я ничего не говорю. Но кто же среди нас нечестен? Во всяком случае, не я.

— Во всяком случае, ты бы мог проявить вежливость по отношению к жене.

— Неужели я еще должен делать вид? Это уж было бы нечестно. Ламелла, да перестань, наконец, хныкать!

Жене пришлось умолкнуть. Господин Барбатус желал поговорить со мной конфиденциально, с глазу на глаз. Оторвавшись от трапезы, мы перешли в кабинет. Я чувствовал себя не в своей тарелке, но такова уж роль любовника. Я не испытывал робости, или смущения, или так называемых угрызений совести, когда пил с хозяином дома «за нашу дружбу». Мучительное чувство возникло скорее оттого, что я не мог проявить себя рыцарем, видя унижение Ламеллы. Одни пустые вежливости да жалкое спасибо. Все эти патентованные добродетели решительно делали харакири, как только я встречался взглядом с господином Барбатусом. При нашей политической выучке мы оба отлично понимали, что тот, кто расточает комплименты, ничего не отдает, а кто их принимает, получает еще меньше.

Господин Барбатус желал знать, начнется ли война, и если начнется, то когда. Я не мог ответить ему точно, поскольку сам этого не знал. Конечно, я, как и все граждане, пекущиеся о благе отчизны, хотел, чтобы война вспыхнула как можно скорее. Война сразу покончила бы с проблемами мира, а заодно и с делом Барбатуса, поскольку все дело автоматически было бы передано в архив.

— Ведь у Лаконии подавляющее превосходство,— сказал господин Барбатус.

— Да. Покорение Куропотамии займет лишь два дня.

— Но все же, я думаю, оно потребует кое-каких жертв.

— Свобода всегда требует жертв.

— Наверное, делались предварительные расчеты?

— Главное статистическое управление предполагает, что в собственно очистительных операциях может погибнуть восемь тысяч человек; от возможных воздушных бомбардировок погибнет две тысячи душ гражданского населения и от случайных выстрелов — еще примерно тысяча; кроме того, должно умереть обычное количество престарелых и сердечных больных — кто от потрясения, кто просто от страха. Самоубийства тоже учтены.

Господин Барбатус быстро записывал цифры, подсчитывал и рассуждал вслух:

— Восемь тысяч, две тысячи, тысяча и три тысячи... Четырнадцать тысяч. При несколько более оптимистической оценке, возможно, и все шестнадцать тысяч. А кроме того, тяжело раненные, из которых, наверно, помрет каждый третий.

Он заложил карандаш за ухо и бросил на меня взгляд, полный надежды.

— Не следует ли нам исходить из того предположения, что мир и свобода Лаконии потребуют двадцати пяти тысяч жертв?

— Трудно сказать. Как вы понимаете, цифры главного статистического управления основаны лишь на предположительных оценках.

— Значит, и вы считаете, что двадцать пять тысяч можно принять за минимум? Скажите мне, господин министр, неужели мои расчеты слишком оптимистичны?

Там, где пессимист видел только мрачные перспективы, оптимисту представлялись отличные возможности. Господин Гней Барбатус, бывший министр внутренних дел, был прежде всего деловой человек. Из университета он вынес лишь собственное «я», но из деловой деятельности он выжимал все, что возможно,— до последнего центика. Вот почему я нисколько не удивился, когда услышал его предложение, вполне типичное для нынешнего делового мира. Господин Барбатус был приятно под хмельком, говорил сдержанно и солидно, стараясь не слишком увлекаться. Время от времени проверял свою выдержку: вставал, делал несколько шагов по комнате и снова садился. Он изложил мне следующий план:

— Чрезвычайное положение вызвало у населения покупательный порыв. Бедные запасают муку, соль и табак, состоятельные — драгоценные камни и золото. Моя фирма обслуживает состоятельных. Вернее сказать — обслуживала, ибо все мои запасы распроданы. Теперь у меня возникли чрезвычайные трудности с помещением капитала. Преступно оставлять деньги без движения, поскольку их назначение — быть неутомимыми слугами человечества. Я не пьян, господин министр, хотя и сбиваюсь на возвышенный стиль. Я все думаю об этих двадцати пяти тысячах и об их родственниках. Я бы хотел оказывать им помощь. У меня есть к этому призвание, внутренняя потребность. Цель моей жизни — утешить горюющих родственников. Я не священник и не врач. Я верный гражданин Лаконии, который желает вложить свои средства в дело служения человечеству. И тут, господин министр, я подхожу к тому, ради чего я позволил себе побеспокоить вас: не можете ли вы мне помочь?

— В устройстве ваших денег?

— Вот именно. Именно! Вы сразу почувствовали, в чем дело.

— Стало быть, вы хотите благотворительствовать?

— Что-то в этом роде. Действительно, я ведь известным образом жертвую человечеству свои средства и силы. Не подумайте, что я пьян. Я вижу в вас близкое по духу человеческое существо, симпатичное и разумное существо, у которого имеется влиятельное положение, безупречная репутация и нет собственных коммерческих предприятий. Так вы согласны помочь мне?

Кто бы на моем месте смог ответить отрицательно?

— Может быть, разумнее всего было бы организовать фонд, который носил бы ваше

В. ПРИВАЛЬСКИЙ

ЭКСПЕДИЦИЯ ЗА Л

Для этой экспедиции не потребовалось ни специального снаряжения, ни карты с компасом, ни вертолета. Был выбран обыкновенный день, обыкновенный транспорт и обыкновенный маршрут: магазин, ателье, кафе, ресторан и т. п.

Обыкновенный день был необыкновенно хорош, он расточал солнечные улыбки и сулил безоблачное настроение. Я сел в автобус и опустил монету в копилку. Этот элементарный автомат не произнес ни слова, он не поблагодарил меня, не сказал «пожалуйста», когда я оторвал билет,— одним словом, не проявил никакой любезности. Зато он не орал, что автобус не резиновый, не требовал, чтобы я не стоял столбом, а проходил вперед, не обозвал меня «интеллигентом», не пристыдил за шляпу и очки. И тут я задумался над отношениями между человеком и автоматом. Мне нравятся эти отношения, они корректны и предельно лаконичны. Каждый молча делает свое дело.

Ну, а поскольку обслуживают нас не автоматы, а люди, будьте любезны быть любезными.

С этой мыслью я вошел в ресторан «Украина», сел за столик и сказал пролетавшему мимо официанту: «Будьте любезны!» Никакого впечатления. Точно призыв к любезности официанта не касался.

Дальше произошло то, что хорошо знакомо каждому, кто пробовал пообедать в ресторане без самообслуживания. В очередном рейсе мимо меня официант буркнул, что это «не его столик». Между прочим, когда-то перед войной, существовала совсем другая система: едва вы садились за столик, как к вам тотчас подлетал расторопный официант, только и ждавший своей очереди вас обслужить. Потом кто-то решил, что при таком методе затруднительна система учета количества обслуженных едоков, съеденных блюд и чего-то там еще. И тогда ввели систему «мой столик — не мой столик». Учет и статистика здорово облегчились. Бухгалтерии такая система куда удобнее. Тресту ресторанов тоже. В этой стройной системе выпало только одно маленькое звено: удобство тех, кого призваны обслуживать и официанты, и бухгалтерия, и трест.

Наконец от стены отделилась фигура в черной паре, подошла ко мне и остановилась с тем видом, который без всяких слов говорил: «Господи, что вам еще надо?»

— Меню,— попросил я.

Начались поиски. Меню было найдено где-то на тридевятом столике.

Я всегда поражался тому, куда деваются эти папиросные бумажки с бледно-лиловыми строчками. Мое недоумение рассеял некий администратор.

— Меню,— сказал он строго,— это отчетный документ.— И стал загибать пальцы:— Один экземпляр хранится у директора, другой — у завпроизводством, третий — в кассе, четвертый — у калькулятора, пятый посылается в трест, шестой...

— Стойте!— перебил я.— А для нас?

— Машинка больше десяти экземпляров не берет. Что остается, идет в зал. Вот так, гражданин.

Я заказал обед, и официант ушел. Впрочем, «ушел» не то слово. Лучше сказать, исчез, испарился, растаял, как мираж, наконец, взят живым на небо. Одним словом, его не было так долго, что я отправился на поиски. Официант стоял в очереди у кассы.

В свое время существовала другая система. Официанты получали с утра определенное количество «марок», или жетонов, или талонов и ими рассчитывались на кухне, а в конце рабочего дня отчитывались. Но, говорят, отдельные малосознательные экземпляры чего-то там комбинировали. И тогда решено было ввести строгую отчетность. Касса — чеки, и никаких гвоздей. Такая система удобнее для учета, для бухгалтерии. И для треста тоже. Правда, неудобнее стало посетителям.

* * *

В Краснопресненском универмаге продавали безразмерные носки. Я миновал очередь и подошел к соседнему прилавку, за которым стояли и явно скучали две юные продавщицы. Я остановился против них и принялся ждать. Девицы молчали. Я тоже. Мне казалось, именно они должны заговорить первыми, сказать, например: «Чем могу быть полезной?» Ведь для этого, то есть чтобы быть полезными, чтобы обслужить, они и стоят за прилавком. Девицам-продавщицам же казалось... Ничего им не казалось, стою я тут или нет, спрошу что-нибудь или нет, куплю или нет,— все это им глубоко безразлично. Их личное благополучие от этого ничуть не зависит. Ведь у них твердый оклад плюс легкая премия за выполнение плана в общем и целом.

Затянувшееся молчание прервал я:

— Будьте любезны, пару носков.

— Вы что, не видите, очередь стоит? — в унисон отрезали девицы.

— А вы бы помогли, и очередь быстрее рассосалась.

— А это не наш отдел.

Знакомый ответ. Звучит точно так же, как «это не мое дело». Да так оно, собственно, и есть. Суть в том, что существует система материальной ответственности. Каждый отвечает за свой товар, и тот, кто торгует помадой и духами, боже упаси, не смеет и прикоснуться к лентам, кружевам, ботинкам. А почему?

С тех пор, как появилась на свет эта система, здорово облегчились учет, отчетность и статистика. Бухгалтерии стало куда удобнее. Главку тоже. Так выглядит дело с точки зрения работников торговли. А с точки зрения покупателя, того самого, который из-за этой системы стоит в очереди? Да, но на эту точку зрения пока никто не становится.

В магазине электротоваров № 38 я наблюдал такую сценку. К прилавку подошел покупатель и осторожно поставил электрический утюг.

— Вот эту штуку,— сказал он,— я купил у вас вчера. А она не работает.

— Деньги обратно не выдаются,— последовал быстрый ответ продавщицы.

— Мне нужны не деньги, а хороший утюг.

— И не обмениваются.

— Но что же делать?

— Обращайтесь на завод.

И тут покупатель совершенно резонно заметил:

имя? Но всеми такими фондами ведает министерство юстиции.

— Все это я знаю. Вы только не подумайте, что Гней Барбатус пьян и сам не знает, что говорит. Поищите-ка в этот час в Палинодии более трезвого человека. Не сыщете! Давайте выпьем за процветание Лаконии! Э, только не передергивать! Пейте до дна так же, как и я. Хорошее снадобье, не правда ли? Это дело не касается ни министерства юстиции, ни министерства внутренних дел, ни социального министерства, ни министерства полиции. Это — частное дело обыкновенных порядочных людей. Вы порядочный человек, господин министр. Вы разрешите мне называть вас просто — Лепус Тимидус? Я Гней Барбатус, бывший министр внутренних дел и деловой человек. Я хотел бы быть вашим другом и даже больше: компаньоном. Я даю деньги, а вы — ваше имя.

— Вы слишком скромны, господин Барбатус. По-моему, кто жертвует столь многим на благо общества, не должен оставаться в тени. Я полагаю, надо назвать фонд вашим именем.

— Нет, нет. Никакого фонда. Я ведь все-таки не пьян.

— Однако, господин Барбатус, что же вы тогда хотите основать?

— Национальное похоронное бюро. Да не смотрите на меня так пристально, я совершенно трезв. И спрячьте ваши часы, вам некуда спешить. Если война начнется, она начнется без вас.

— Правительство запрещает всякое упоминание о войне. Речь идет о защите мира и свободы.

— Так будем говорить о мире и свободе. Суть дела все же в том, что покойников будет, как минимум, двадцать пять тысяч. Это, конечно, подозрительно мало, но статистики — известные пессимисты. Готов биться об заклад, что потери будут больше сорока тысяч. Тимидус! Я предлагаю пари! Если я проиграю, можешь забрать мою жену. Постой, не спеши уходить. Если ты сомневаешься, думаешь, что я пьян, то даю тебе гарантию... Ну, не надо, не надо. Не обижайся. Прости мою бестактность. Последнее время я действительно пил несколько сверх меры. Господин министр, позвольте, я все-таки изложу вам мой план. Вы только сядьте и послушайте. Не угодно ли чего-нибудь солененького?

— Спасибо, мне ничего не нужно...

— Тогда разрешите, я продолжу. По коммерческому регистру я выяснил, кому принадлежат кладбища и похоронные бюро Лаконии. Среди владельцев нет ни одного члена нынешнего правительства. Это не пьяная болтовня, а истина, господин министр. Так вот мое предложение, над которым я думал две недели. И основательно. Надо создать Национальное похоронное бюро, которому правительство даст монопольные права. Мое предложение, конечно, не пройдет. Но если вы, господин министр, доложите правительству, его утвердят без долгих прений и предложат еще государственную субсидию. Но нам она не нужна, потому что у меня самого достаточно средств

— А почему бы этого не сделать вам? Ведь я купил у вас, а не на заводе.

В самом деле, почему отношения между покупателями и магазином кончаются в ту минуту, когда, уплатив деньги, покупатель получил покупку? Почему работников торговли не трогает, какую вещь продали они покупателю: доброкачественную или так себе?

Представьте себе, что покупатель по неосторожности все-таки приобрел недоброкачественную вещь. Ага, попался, голубчик! Теперь мы умываем руки, теперь наше дело сторона. Ах, у тебя претензии? Сам обращайся к изготовителю, списывайся с ним,

ЮБЕЗНОСТЬЮ

требуй, жалуйся — одним словом, делай, что хочешь.

А между тем могло бы быть так:

— Утюг с изъяном? Извините, пожалуйста. Сию минуточку вам его обменяют на другой. А этот мы сами отправим на завод. Или, может быть, вы предпочитаете получить обратно деньги?

Кстати сказать, для таких взаимоотношений есть все основания. Называются они приказом № 333 Министерства торговли «О порядке обмена промышленных товаров, купленных в розничной торговле». Но, как правило, приказ этот спрятан где-нибудь в ящике стола подальше от глаз покупателя.

Ушел я из магазина, ничего не купив: охота была отбита.

* * *

Впрочем, покупка у меня была. Называлась она «Старт-3». Этот телевизор приобрел я месяц назад, а уже через неделю лица на экране принялись строить уродливые гримасы. Я стал звонить в ателье № 24. Телефонный диск успел раскалиться раньше, чем мне удалось дозвониться. Наконец женский голос сообщил, что мастер придет через два дня от двенадцати до четырех и чтобы я никуда не отлучался из дома. Голос был раздраженный, хотя, собственно, раздражаться следовало мне. Когда я попробовал объяснить, что назначенное время мне неудобно, что я работаю, мне ответили: «А мы тоже работаем».

Мастер пришел, покрутил что-то и объявил: «Неисправна антенна, надо вызывать специалиста по антеннам». Снова раскаляется телефонный диск, и снова раздраженный голос сулит мне приход специалиста через три дня и в такое же неудобное время. Специалист по антеннам сделал свое дело в какие-нибудь пять минут, но телевизор по-прежнему не работал. И тогда было сказано, что нужно пригласить еще одного специалиста. Еще один пришел через три дня, отвинтил какую-то деталь и предложил мне отвезти ее в ателье.

— Позвольте,— сказал я,— ведь это ателье должно обслуживать меня, а не наоборот! Почему бы вам самому не забрать эту штуку?

— А я вам не грузчик,— отбрил специалист.

Весьма любезно...

Вместе с деталью мне было вручено некое «направление», в котором меня уведомляли: «Об осторожности при перевозке владелец предупрежден».

Сейчас телевизор работает, но я просто с ужасом думаю, что, может быть, вновь придется обращаться в ателье, слушать раздраженный голос, беспокоить мастеров и вообще мешать людям работать.

* * *

Итак, ресторан, магазин, ателье, выбранные случайно... Экспедиция за любезностью закончилась.

В другом ресторане, кафе или столовой, в другом магазине, ателье, мастерской я, конечно, встретил бы людей приветливых, вежливых, заботливых, любезных. О таких время от времени газеты помещают восторженные очерки.

А пока, к сожалению, приходится писать именно о неблагополучии. «Огонек» не в первый раз выступает с этой темой. Данная статья является прямым продолжением начатого разговора.

Давайте немного поразмышляем.

Существует две точки зрения на сферу обслуживания, два различных к ней отношения: точка зрения самих работников этой сферы и наша с вами, иначе говоря, точка зрения покупателей, потребителей, посетителей, клиентов и т. п. К сожалению, пока эти точки зрения не совпадают. Мы, например, убеждены, что кафе, рестораны, ателье, магазины, мастерские и прочие учреждения предназначены для нас. Ничего подобного! Просто-напросто это предприятия, где по штатному расписанию положено столько-то рабочих и служащих, получающих зарплату за выполнение плана, обязанных в месяц произвести столько-то продукции и вовремя сдать отчет. И при чем тут, спрашивается, любезность? Ни в план, ни в отчет, ни в какие показатели она не входит. Так что, будьте любезны, не мешайте работать.

Сфера обслуживания... Само слово «обслуживание» происходит от «служить», даже «услужить». «Обслужите меня» равнозначно «окажите мне услугу». А это уж само по себе означает обязательную любезность.

Нынче в кафе, ресторане, ателье, мастерской вы почти не встретите людей без специального образования. Есть школы поваров, курсы официантов, техникумы швейной промышленности и т. д. Там преподают массу всевозможных дисциплин, кроме одной: культуры обслуживания; учат многому, кроме одного: любезности.

И все-таки экспедиция за любезностью не окончилась бесплодно: в результате бесед со многими энтузиастами сферы обслуживания (есть, есть и такие!) возникли конкретные предложения. Вот они.

Во-первых, надо пересмотреть систему обслуживания, поставив во главу удобства **потребителя**, а не продавца, официанта, мастера и т. д.

Во вторых, ввести эффективный метод материального стимулирования. Например, начислять премии не по сумме выручки, а по **количеству** проданных предметов (обслуженных посетителей, клиентов и др.). Тогда, например, продавец будет одинаково заинтересован в продаже копеечной шпильки и мехового манто. Тогда наверняка исчезнет равнодушие, и нас с вами еще будут **уговаривать** купить не одну пластинку, а три.

В-третьих, вежливости необходимо учить. Не надо открывать какие-нибудь «школы вежливости», но ввести во всех специальных школах, курсах, техникумах и т. п. **обязательную** дисциплину «культура обслуживания».

Наконец, в-четвертых, учредить инспекцию культуры обслуживания. И не только на предприятиях торговли и общественного питания, а во всей сфере обслуживания. Думается, такая инспекция лучше всего будет действовать на общественных началах. А если инспекторов периодически переизбирать (как народных заседателей), то большой отряд потребителей обретет наконец **право** делать справедливые замечания — средство куда более действенное, чем обращение к жалобной книге.

* * *

Разговор о любезности не закончен. Редакция надеется, что теперь его продолжат сами работники сферы обслуживания.

для финансирования предприятия. Не я захмелел, а вы! Я же сказал: спрячь ты свои часы в карман и слушай! Да, господин министр. Похоронная монополия вообще — а во время горячего мира в особенности — дело высокорентабельное. Две тысячи долларов с каждого покойника. Помножьте это на двадцать пять тысяч, господин министр. Я вам помогу. Не правда ли, получается пятьдесят миллионов? А две тысячи — минимальная цена. Но кто же так презирает милых родственников, чтобы хоронить их по минимальной цене? Нет, каждый предпочтет приличные похороны. А в таком случае цены колеблются от трех до десяти тысяч! Будем осторожными, господин министр, и возьмем за основу расчетов три тысячи. За две недели наш оборот составит... ни много ни мало — семьдесят пять миллионов. А чистый остаток (не нужно говорить о прибыли, когда речь идет о деятельности, направленной на всеобщее благо!), чистый остаток составит миллионов десять. Я получу из остатка свою долю соответственно вложенному капиталу, а вы получите кругленький миллион — за ваше доброе имя и репутацию. Что скажете? Я пьян? Нет, черт побери! Я не помню, когда еще я был настолько трезв. Я люблю последовательность. Меня приводит в ярость нынешняя постановка похоронного дела. Совершенно отсутствует плановость. Нужна продуманность. Нужен размах. И торжественность! А нынче может любой кустарь... может нынче любой кустарь... нынче. Э-эх! Выпьем, брат мой. Это протрезвляет... Я не пьян нисколечко. А если я и захмелел, то рассудок у меня совершенно ясный. Смысл? Не спешите. Позвольте мне продолжить. Мы скупим разом все похоронные бюро Лаконии и объединим их в одно предприятие. Концентрация, концентрация — вот что необходимо в нашей стране! Я дал задание моим экономистам детально все подсчитать. Я могу вложить в предприятие восемьдесят миллионов, которые распределяются примерно так: тридцать миллионов на строительство новых бюро и на ремонт старых помещений, двадцать пять миллионов на постройку завода гробов, пять миллионов на приобретение земли для кладбищ... Будем покупать исключительно красивые южные склоны, с хорошим видом... Остальное — оборотный капитал. Нет, нет, никакого риска. Все продумано до конца. Согласно действующим в Лаконии законам, покойников полагается бальзамировать перед захоронением. Надо внести в закон поправку. Я предлагаю вместо бальзамирования применить новейший способ консервации: тело погружается на несколько мгновений в жидкую синтетическую смолу, которая затем полимеризуется, образуя прочную пленку. Это удобно, практично и стоит гораздо дешевле. Производственные затраты снижаются... снижаются... Нет, я не сплю. Я только стараюсь представить себе... Мне хочется помечтать!.. Сейчас мне не нужно видеть ни вас... никого... Вы слышите музыку? Как будто играет орган? Да. Смотрите! Закройте глаза и смотрите!

Продолжение следует.

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

ОСТРЫМ, НЕРАВНОДУШНЫМ ПЕРОМ

Мир, что и говорить, тесен, и, читая новую книжку Георгия Радова, я подумал, как, в сущности, часто и в самых разных краях слышал имя ее автора: в Ленинграде, на Кубани, на Дальнем Востоке...

Однажды «Советская Кубань» послала меня писать отчет с необычного хозяйственного актива: председатели и парторги в течение двух дней обсуждали рассказ Г. Радова, затронувший наболевшие проблемы колхозного руководства; в другой раз я встретил самого автора рассказов, так широко читавшихся на селе,— мы приехали в колхоз по одному и тому же поводу, но от разных редакций. Ни до, ни после мне не доводилось наблюдать, чтобы еще кто-то из журналистов работал на месте так дотошно: он переворошил целые горы фактического материала, обошел станицу хата за хатой, растревожил колхозную бухгалтерию. Куда там ревизорам! «Что же он напишет? — подумал я тогда.— Экономическое исследование? Житие всех четырехсот членов артели? Колхозную эпопею?..» А Радов написал всего только рассказ на три журнальные страницы. Его потом не однажды перепечатывали, он помещен и в книжке, которую я сейчас держу в руках.

Вот уж где справедливо: стиль — это человек. Они очень похожи, рассказы в сборнике, на самого автора: и тем, что чаще всего написаны от первого лица (и лица, довольно активного в повествовании!), и тем, что пытливость, взволнованность проблемного очерка в них органично сплавились с художническим знанием характеров, нравственной атмосферы нашего времени. Что есть «современность прозы»? Да, наверно же, прежде всего это, когда писатель из массы фактов и возможных сюжетов всякий раз выхватывает одно — насущное, донельзя важное людям. Правда, стремясь донести волнующую его идею во всей полноте и недвусмысленности, Радов порой бывает и излишне рационалистичен: жестко отсекает все, что кажется ему очевидным (не без сожаления замечаешь, что при этом он иногда опускает или помечает легким штрихом и такое, что могло быть развернуто в красочную картину, пластичный, объемный образ)... Он не просится со своими рассказами к столу — посидеть с читателями мирным вечером, не спеша потолковать о разном; наоборот, он вызывает громким стуком из дому на ветер и холод: надо куда-то идти, немедленно действовать, нельзя откладывать и на час.

...По-новому перестраивается колхозное управление, но над Антоном Гречкой снова ставят инспектором все того же Дербентьева, дуролома и крючкотвора. Такой ли начальник нужен Гречке с его великими талантами и великими «загибами», такой ли будет под стать этому трудному и удачливому председателю колхоза—и умом, и опытностью, и разворотливостью? Надо как можно скорее спасать наши колхозы и Гречек от подобных Дербентьевых («Искушения Антона Прокофьевича»)! А разве не стоит прислушаться к раздумьям директора совхоза Лукьянова, чьим именем назван другой рассказ, о демократизме показном и истинном, о том, что целину пора уже действительно осваивать, а не только все штурмовать! Прислушаться к голосу самого писателя, когда он так страстно говорит в «Тетради публициста» о том, что у бесхозяйственности всегда есть имя и должность, о вреде дилетантизма в сельском хозяйстве, о наших славных стариках, поднимавших колхозы...

У Радова немало книжек, но эта особо приметна: она вышла к пятидесятилетию автора. Каждый литератор по-своему переступает столь серьезный рубеж. При своей завидной работоспособности и доскональном знании деревни Радов всю жизнь писал очерки и рассказы, шел к читателю, что называется, летучим дождем брошюр. Можно в связи с этим порассуждать о беззаветной самоотдаче писателей, ведущих разведку современности с помощью самых мобильных и остро действующих жанров. Можно обратиться к истории нашей литературы — еще весьма близкой, но уже истории, вспомнить, что своими боевыми рассказами-очерками такие литераторы, как Овечкин, Тендряков, Дорош, Радов, не только ввели в современную литературу жанр, оказавшийся для нас принципиально новым, но, по существу, и открыли им первые страницы книг, появившихся после XX съезда партии.

А можно сказать о вещах совсем простых и наглядных: в этом сборнике Г. Радова есть рассказы (читателям «Огонька» они хорошо известны), которым пошел второй десяток, но образы их беспокойных героев ничуть не состарились, по-прежнему берут за живое, потому что в них аккумулирована творческая энергия самого времени.

В. ЛИТВИНОВ

Г. РАДОВ. Челомбитько и Лиходед. «Молодая гвардия». Москва. 1965. 270 стр. Цена 59 коп.

«ПЯТЬДЕСЯТ И ПЯТЬСОТ»

Больше пятидесяти лет трудился в театре Николай Петров. Сперва как актер, потом как режиссер. Он поставил более пятисот спектаклей на сценах Ленинграда, Харькова, Москвы, Софии... Перечитывая книгу его воспоминаний, творческих портретов драматургов, артистов, видных деятелей театра — «Пятьдесят и пятьсот», вспоминаешь человека, много думавшего о судьбах русского искусства.

Несколько лет назад мы поехали с ним в Горький для участия в творческой конференции. В Горьком пять театров. В каждом из них трудятся ученики Петрова. Он беседовал с ними до утра, расспрашивал, вспоминал факты из их биографий, которые они уж и сами позабыли.

Недавно в Софии мне рассказывали актеры, с каким наслаждением они под руководством Николая Васильевича ставили афиногеновскую «Машеньку».

Любой старый ленинградский актер с удовольствием вспомнит «золотой век» театра Драмы, когда на сцене его впервые были поставлены «Чудак», «Страх», «Ярость». Это были спектакли, явившиеся не только театральными, но и общественными событиями. Чудесное созвездие артистов этого театра возглавлял Николай Петров.

В Московском театре имени Пушкина он поставил несколько спектаклей, в том числе «Как важно быть серьезным» Оскара Уайльда. Многие роли играет Людмила Скопина, замечательная актриса, верный и многолетний друг Николая Васильевича.

Воспитатель молодых артистов и режиссеров, друг и интерпретатор советских драматургов, один из основателей первых театров Октября, Николай Васильевич Петров жил и умер как боец. На сцене шла премьера поставленного им «Тревожного счастья». Он был болен и на спектакле присутствовать не мог. Из театра ему звонили и сообщали, как идет премьера... Премьера прошла благополучно... Он умирал. И до последней минуты слушал сообщения о том, как реагировала публика, как играли актеры...

Книги Петрова о театре, о драматургах написаны, распроданы, прочитаны. Они служат подспорьем для тех, кто любит театр, кто решил посвятить себя театру. Книга о Петрове еще не написана. Но она существует. Это слава о нем. Это письма его. Это пьесы, написанные по его советам его друзьями-драматургами. Это его ученики, рассеянные по всему свету. Это спектакли, поставленные им, творения, в которых живет душа и бьется сердце Николая Васильевича Петрова.

Исидор ШТОК

КЛАДОВАЯ ВЕЛИКОЙ СТРАНЫ

«Да, подумать только, какую мы тут силищу запрягаем!.. И где запрягаем! В неприступных, в грозных Саянских горах. И сколько тут у нас этой энергии гуляет! По Кантегиру! По Енисею! По нашему Абакану! По всей великой Сибири нашей! Другого такого места в мире нет».

Это говорит главный инженер Василий Уктымаков — один из героев повести Федора Малова «Поездка на Кантегир». Повесть эта — увлекательнейший рассказ о неисчерпаемых богатствах «кладовой» великой страны — Сибири, о ее чудесных людях — зверовщиках и углежогах, пастухах и табунщиках, скотоводах и охотниках, об их трудовой героике, о романтике наших будней.

Повесть эта, как и многое другое, написанное Ф. Маловым,— удивительный сплав из увиденного и пережитого писателем за время продолжительной поездки на Кантегир. Автор стремится раскрыть читателю, как в примелькавшихся, ничем не примечательных, обычных фактах повседневной жизни свершаются великие перемены.

Внимательный собеседник, вдумчивый художник, занимательный рассказчик — таким предстает автор на страницах повести. С присловьем, острым, шуткой-байкой узывчивой, с непередаваемой радостью или грустинкой-печалинкой ведет Федор Малов читателя глухой таежной непролазью, по ниспадающим горным отрогам, бесконечными чащобами с угрюмыми гольцами.

А какое незабываемое впечатление оставляют волнующие, счастливые встречи на берегу Хара-Суга, у Трех Холмов, на таежной заимке у Питули, в Картагальском овцесовхозе!

Искрометная, гибкая, цветистая, емкая речь сибиряка удивительно правдиво отражена в творчестве писателя-землепроходца, исходившего всю страну от Закавказья до Таймыра, от Архангельска и до Владивостока. А такие книги, как «Деревенское», «Великие перемены», «В лесах зеленых», «В краю Берендеевом» и другие, написанные в результате длительных поездок Ф. Малова, явились главным подступом к написанию большой повести «Поездка на Кантегир» — книги, вобравшей в себя многолетний опыт писателя.

Леонид ЗЮНИН

Федор МАЛОВ. Поездка на Кантегир. Повесть. «Советский писатель». Москва. 1964. 443 стр. Цена 83 коп.

НАХОДКА

«...Корвет попал сначала в широкий залив, а затем в необыкновенно удобную, защищенную с моря бухту, не обозначенную ни на одной карте, не упомянутую ни в одной лоции. Это было спасением от неминуемой гибели, это была счастливая находка!»

Бухта так и названа: Находка.

Впервые открыл ее русский мореплаватель Новицкий, командир корвета «Америка». Мы же открываем ее заново, следуя за нашим проводником, писателем С. Шуртаковым, пригласившим нас в увлекательное «Путешествие на край света».

Он показывает нам берег бухты, город, выросший на этом берегу. Рассказывает о том, как выглядела Находка когда-то. Давно это было, еще в довоенное время. Он, молодой краснофлотец, нес вахту у дальномера, ходил на шлюпке по ночному заливу, и фосфоресцирующие звезды, срываясь с весла, падали в чернильно-густую воду...

А где-то на близких островах кипят горячие озера, бьют целебные источники, дышат вулканы. В Уссурийской тайге вызревают лимонник и японская вишня, прячется в волглой земле корень жизни — женьшень, и высоко вздымают в небо свои кроны пихта, тис, дуб.

В книге С. Шуртакова мы встречаемся с моряками Бондарцом и Никитиным, с гидрологом Лопатиным, с «геологиней» Тамарой Скрябневой, с инженером Николаем Корчагиным. Писатель хорошо знает своих героев, он жил среди них. Ему самому пришлось, как говорят, хлебнуть и моря и горя, самому доводилось работать трактористом, стоять за штурвалом комбайна.

С героями С. Шуртакова мы встречаемся и на борту «Ракеты», что ходит по Лене, и на борту парохода «Печора», что ходит по реке Печоре до города Печоры и выше. Люди ищут нефть, золото, дорогие каменья, строят новые города, ищут створы плотин новых ГЭС, ищут створ плотины, которая повернет воды Печоры в сторону Каспийского моря. Глухоманный печорский край, болотистые, гиблые места, где и летом ездят на санях, пробуждается. Великая стройка приносит и великую культуру.

Читая книгу, успеваешь мысленно побывать во многих уголках нашей страны, видишь иные страны, те, в которых бывал автор, сравниваешь жизнь и природу разных мест планеты.

Величие и красота земли. Величие и красота человека. Любовь человека к земле. Вот что главное в этой книге.

К слову скажем, не все здесь равноценно. Есть лишние подробности, есть малозапоминающиеся описания. Одним словом, не все здесь находка. Но находок много.

Путешествие закончено. Доброй грустью обдает твое сердце. Ты вспоминаешь земли, где побывал сам, вспоминаешь свою родину — ту хату, ту речку, ту тропку, которые вывели тебя в большой человеческий мир.

Михаил ГОДЕНКО

С. ШУРТАКОВ. Путешествие на край света. «Молодая гвардия». Москва. 1965. 256 стр. Цена 56 коп.

В. Серов. ОБЛАЧНЫЙ ДЕНЬ.

А. Шмаринов. ПОСЛЕДНИЙ ЭТАЖ.

А. Орловский. МОЛОДОСТЬ МОСКВЫ.

Х. Якупов. ПЕРЕДОВЫЕ ЖИВОТНОВОДЫ-ПАСТУХИ Н. ЗИГАНШИН, Ш. и Г. ШАКИРОВЫ.

Ю. Подлясский. БАРАБИНСКАЯ СТЕПЬ.

На дальней, южной окраине Ленинграда раскинулись цехи ордена Трудового Красного Знамени мясокомбината имени С. М. Кирова. И сначала трудно себе представить, что в адрес мясокомбината могли прийти эти два письма.

АПТЕКА? НЕТ, ФАБРИКА

М. ДЫМНЫЙ

СКАЗОЧНАЯ ЛИДАЗА

«Уважаемые товарищи! К вам обращаюсь я со своим горем и просьбой.

Я окончил Хабаровский индустриальный техникум и поехал работать в Горнозаводск на Южном Сахалине. У меня, как у всякого молодого человека, были большие мечты и много надежд. Но, увы, ничего не сбылось. Случилось непоправимое несчастье. Я сваривал концы железной балки и сидел на ней верхом... А что было дальше, не помню, но, как рассказывают товарищи, я проехал всем телом вниз по балке, и меня раскаленным ее концом прижало к кирпичной стене цеха.

Вытаскивали меня, продолбив с улицы дыру в стене. Пришел в сознание в больнице. А когда узнал, что со мною сделалось, то решил: лучше бы не просыпаться. Пролежал в больницах Южно-Сахалинска, Хабаровска и Москвы полтора года. Мне сделали более десяти операций...

Чудесные наши люди сохранили мне жизнь и помогли обрести веру в нее. Но страшные рубцы от ожога лишают меня возможности двигаться, ходить. Мне сейчас 20 лет. Неужели я на всю жизнь должен быть прикованным к постели? Никак не могу с этим смириться.

Пишу вам, потому что слышал про сказочное лекарство, которое называется «лидаза». Врачи говорят, что только оно может мне помочь, а делают его в Ленинграде на мясокомбинате. Я очень вас прошу не отказать в моей просьбе, так как эти проклятые рубцы не дают мне покоя, из-за них я не могу ходить.

Заранее сердечно вам благодарен. Юра Ильчук.

К сему прилагаю рецепт. Мой адрес: Сахалинская область, город Горнозаводск, улица Жданова, 6, квартира 2».

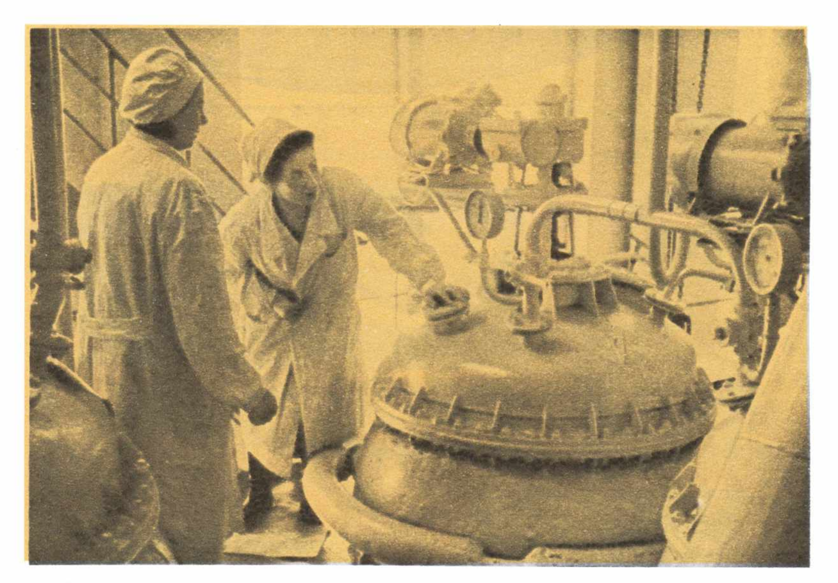
Письмо второе:

«Добрый день, дорогие товарищи! Выражаю вам огромную благодарность за то, что вы для меня сделали. Лекарство я получил и уже прошел весь курс лечения.

Результат оказался исключительно хорошим. Я уже работаю механиком на бетонном заводе, где, попросту говоря, бегать приходится много, и при этом не испытываю усталости, пробую даже играть в волейбол — одним словом, возвращаюсь к нормальной жизни. Все прошлое вспоминается, как страшный сон. На этом заканчиваю. Желаю вам всех благ, какие только есть... С уважением Юрий Ильчук».

КРОВЬ ЛЕЧИТ

Нельзя ли использовать для лечебных целей кровь животных? Ведь гематоген, изготовляемый из крови рогатого скота, помогает при малокровии и других заболеваниях...

В цехе изготовления новых медицинских препаратов. Аппаратчицы А. А. Федорова и А. Г. Янчевская за работой.

Фото Б. Столярова.

Начав изучать свойства крови животных, ученые стали комбинировать ее с препаратами, полученными из других органов, а также в соединении с некоторыми химическими элементами. Сотни, тысячи опытов проводились во Всесоюзном институте экспериментальной медицины, во Всесоюзном институте экспериментальной эндокринологии, в Институте высокомолекулярных соединений АН СССР, в Химфарминституте, в Московском научно-исследовательском институте мясной промышленности, в Ленинградском научно-исследовательском институте переливания крови и других. А производственной базой для них был Ленинградский мясокомбинат. От опытов ученые переходили к клиническим испытаниям, к тщательной проверке, а затем и к массовому производству препаратов.

Так были созданы ценные лечебные средства, и среди них лидаза — белковый порошок желтоватого цвета, рассасывающий рубцы после ожогов и операций.

Кровь животных, поджелудочную железу, печень, мозг, рога, копыта, даже глаза люди научились превращать в сырье, из которого делают ценнейшие медикаменты.

Вот, например, препарат АКТГ. Этот адренокортикотропный гормон успешно используется при лечении артритов, ревмокардитов, бронхиальной астмы и некоторых болезней кожи. Сырьем для этого препарата служит гипофиз — придаток головного мозга животного. Чтобы получить один килограмм гипофиза, требуется извлечь мозг из тысячи коров или десяти тысяч свиней.

Из мозга животных добывают некоторые витамины, повышающие общий тонус организма.

В терапевтической клинике Первого медицинского института имени академика И. П. Павлова в Ленинграде применяются кристаллические ферменты для лечения хронического воспаления легких. Профессор П. К. Булатов вводит больным этот препарат при помощи ингалятора. Ингаляция — вместо хирургического ножа!

...В хирургическую клинику Института переливания крови привезли рабочего машиностроительного завода имени В. И. Ленина тов. К. У него был ожог пищевода азотной кислотой. Ни есть, ни пить он не мог. Профессор Н. Г. Карташевский начал вводить в организм больного препарат гидролизин, изготовленный на мясокомбинате по предложению профессора Л. Г. Богомоловой и доктора биологических наук З. А. Чаплыгиной.

В вену больного ежедневно в течение пяти часов вливали раствор гидролизина. В растворе были все вещества, нужные для поддержания сил человека. Ровно через тридцать дней больной выписался из клиники.

В Институте скорой помощи и в Институте переливания крови нам демонстрировали больных с ожогами второй и третьей степени. Обычно, чтобы спасти таких людей, нужно сделать пересадку кожи. Но здесь обожженные места покрывались каким-то необычным бинтом, который быстро приживался к больному месту, образуя новую кожу. Этот бинт — фибринная пленка, приготовленная из крови коров и свободно заменяющая не только кожу при ожогах, но и исцеляющая от пролежней, потертостей, гранулирующих ран...

Гидролизин, пепсин, гемостимулин, луранит, пролактин — гормон для кормящих матерей, аднурекрин, рекомендуемый рабочим горячих цехов для правильного водного обмена, консурид — для лечения многолетних наружных язв — и многие другие препараты изготовляются на Ленинградском мясокомбинате.

ЗАВОД — НЕ АПТЕКА!

Фабричную марку Ленинградского мясокомбината — два быка — знают в нашей стране и далеко за ее рубежами. Знают благодаря заводу медицинских препаратов, созданному на комбинате. Завод — это лаборатории, оснащенные современной аппаратурой, это цехи, блистающие чистотой.

Главный инженер завода С. С. Тугунов рассказывает о заводских новинках.

Многие тысячи людей, страдающих низкой кислотностью, ежедневно принимают желудочный сок. Эту жидкость, неприятную на вкус, пьют не очень охотно. Завод освоил и начал выпускать желудочный сок в таблетках, прием которых прост и удобен, таблетки не имеют никакого привкуса.

...Каждый день директора завода Владимира Леонидовича Константинова начинается с разбора почты. Часто в письмах — крик души: «Пришлите», «Прошу», «Умоляю».

Конечно, завод не аптека. Он не может и не имеет права посылать свои препараты отдельным больным. Это—дело аптекоуправления Минздрава СССР, которое обязано обеспечить торговую сеть новыми препаратами. А для этого требуется значительно расширить их выпуск. То, что создается на Ленинградском заводе, можно изготовлять и на других мясокомбинатах страны.

Выпуск лекарств на Ленинградском мясокомбинате все увеличивается. Строится новый корпус. С ним завод станет одним из крупнейших центров производства медицинских препаратов из эндокринного животного сырья.

Каждая проба тщательно исследуется, всесторонне проверяется.

НЕСУЩИЙ ЗОЛОТО...

К. БАРЫКИН

Фото автора.

...Здесь, в Мурун-Тау, в самом центре Кызылкумов, пустыни своенравной и непоседливой, вечно кочующей своими сухими и горячими песками, мне рассказали легенду, в которую очень захотелось поверить...

Однажды щедрый, прославленный Урал повстречался с Тянь-Шанем. Видно, они готовились к свиданию: каждый принарядился побогаче, принес с собой побольше. А когда расходились горы, то оставили свои богатства на месте встречи. Только прикрыли их пологом из песка и камней — от жадных глаз бухарского хана. Нашли тут миллиарды кубометров газа — может, это из их дара? Была где-то нежная бирюза. А теперь вот золото щедрости необыкновенной. Не на Колыме, не в Забайкалье золото, а в пустыне, шуршащей пепельными перекатами песка.

Мне повезло: первым, кто рассказал мне о мурун-тауском месторождении золота, был Илья Самойлович Сокол, управляющий трестом, в который входит крупнейшая в Узбекистане, а может, и во всей стране, Кызылкумская геологоразведочная экспедиция. Интересно слушать Сокола: и рассказывает он умело и, главное, месторождение знает в тонкостях — с первого найденного тут куска кварца, с первой пробы. Рассказывает об удачах и загадках, которые ставил поначалу этот крупнейший клад перед поисковиками и геологоразведчиками. Всякое бывало. Первые пробы: махина кварца не в обхват, а золота от нее — чуть видное зернышко. Это уже потом пошло, зачастило — золото, золото, золото. Это потом брызнула «блещущаяся светлость» благородного металла, как сказал о золоте Ломоносов.

Придет время, теперь оно уже недалеко, и засверкает на картах страны Мурун-Тау, пожалуй, так же ярко, как якутский Мирный, как Курская Магнитная, как Донбасс. Но сейчас тут только начало, первые строки, первые страницы золотой истории Мурун-Тау, находки столь изрядной, что она выходит за рамки одного года — это «находка века», во всяком случае — нынешнего семилетия.

Еще совсем недавно к Мурун-Тау вели разве что караванные тропы. Близ одной из них и идет сейчас наш «газик», идет по набитому, не стертому даже жарой тракту. И не знающего этих мест шофера он безошибочно выведет к горе Мурун, к большому поселку, светлой россыпью домов прижавшемуся к выщербленным солнцем и суховеями скалам. Это Солнечный, это поселок золотоискателей. Приехали сюда мы вечером, а утром, на рассвете, отправились в шахты. Они пробиты прямо в песке — так поначалу казалось. Над красновато-серыми барханами поднимается прокаленная солнцем сталь копра, надшахтные постройки.

Это по-своему уникальные сооружения: они стоят на фундаменте, в котором — золото.

Шахт несколько — с разветвленными подземными выработками, с широко поставленными работами, но они разведочные, не эксплуатационные. Их тут вообще не будет: уже проектируется открытый карьер. Золотоносную руду станут добывать открытым способом. Золото рядом, в двух-трех метрах от поверхности. Стальные пригоршни экскаваторов начнут черпать руду, грузить на автомобили и отправлять на золотообогатительную фабрику. Это будет. И, приближая этот день, сейчас здесь споро работают геологоразведчики. Видя результаты их труда, даже скептики не спорят, убеждаясь в том, что создание крупного золотодобывающего комплекса в пустыне — дело реальное, которое уже сейчас успешно начато.

На дне этих фарфоровых чашечек — крупица узбекского золота, первые граммы его.

Л. А. Глущенко, ветеран экспедиции.

Главный геолог экспедиции Г. В. Касавченко.

В пробирной лаборатории экспедиции. Лаборанты Г. Абрамова и А. Семенова.

...Кабинет главного геолога Кызылкумской геологоразведочной экспедиции большой и очень светлый. Своими широкими окнами он смотрит на раскинувшуюся вблизи пустыню. Вдоль кабинета, во всю его длину,— стол: нередко приходится собираться всем геологическим цехом, посоветоваться, а то и поспорить.

Справа притулился колченогий, видавший виды шкаф — в нем образцы золотоносной руды, куски кварца, сланцев. Простенькие камни — встретил бы такой на дороге и, наверное, даже не поднял бы его. Не в каждом камне приметишь блеск золотинки — да и что от нее, с булавочный-то укол размером. Но богатство Мурун-Тау — не в видимом золоте. Основные жилы хранят золото вообще невидимое, дисперсное. Геолог знает: это и есть клад. Ведь еще Джек Лондон писал: «...россыпи — дело непрочное, и только залежи кварца, содержащие золото, сулят подлинное богатство». С того времени, когда было сказано это, мало что изменилось... Пожалуй, только не встречались на земле такие залежи, как здесь, в Кызылкумах...

Шкаф ломится от книг. Книги высокой стопкой лежат на письменном столе. А в углу комнаты ворчит эмалированный чайник.

— Зеленый чай?

— Нет, по старой привычке пью черный. Никак не могу перейти на рацион пустыни,— отвечает хозяин кабинета Георгий Васильевич Касавченко.

В разговор вступает начальник экспедиции Константин Борисович Шулятников.

— Спрашиваете, кто нашел золото? Нелегко ответить на такой вопрос. Мурун-Тау — находка большого коллектива геологов Узбекистана. Одиночкам здесь делать нечего: не по плечу, масштабы не те, да и условия трудные. Ведь разведывались огромные площади, надо было сделать анализ тысяч проб, обдумать и обобщить полученные результаты. А их с каждым днем накапливалось все больше. Когда увидели, что золото есть, разведку повели столь широким фронтом, что даже сил крупной экспедиции уже было недостаточно. И в пустыню приехали ученые нескольких научно-исследовательских институтов. Первый промышленный прогноз вскоре пришлось изменить, он оказался неверным: запасы возросли по сравнению с первоначально предполагаемыми более чем в десять раз. И это на той же, по сути, площади! И это при самом скромном счете.

Как живут геологи? Непросто, иногда нелегко. Зимой температура падает тут до 20—25 градусов мороза, летом термометр охотнее всего показывает плюс 45—48. В тени! А где тут, в пустыне, тень? И все же в нынешнем году высаживают десять тысяч деревьев и

кустарников. Наметили провести дороги, продлить водопровод. Построили превосходное, может, единственное такое в пустыне вечернее кафе — «Золотинка». В кафе свой джаз, свои поэты.

Дайте срок — тут все будет. Поставили же большую электростанцию, она с избытком покрывает спрос на электроэнергию. Вырос же возле дома главного инженера стебелек вишни. Говорят, он уже написал другу: «Приезжай к нам работать, вишнями угощу...»

В Солнечном идет большое строительство. И не только жилищное. Создали отменную лабораторию. Раньше пробы возили на анализ за тридевять земель, теперь всё под рукой. Теперь сюда присылают находки из других месторождений — на контроль, на анализ. Присмотрели место для города, даже обелиск поставили: «Волей партии, руками народа тут будет построен город Златогорск».

...Книга называется «Золото». Автор ее, Глеб Васильевич Фосс,— главный геолог по золоту Государственного геологического комитета СССР. Вышла эта книга сравнительно недавно. Но нет в ней ни слова о мурун-тауском месторождении — так оно молодо.

— Глеб Васильевич,— спрашиваю я,— когда будете переиздавать «Золото», что вы расскажете о Мурун-Тау?

Главный геолог улыбается, он не хотел бы опережать события. «Всему свой черед. Написать о золоте, пожалуй, все же проще, чем найти его. Тем более такое богатое, как в Кызылкумах...»

Фосс подходит к карте, указкой очерчивает желтизну пустыни.

— Этот край сейчас еще можно назвать геологической целиной, он мало изучен. Говорить же с определенностью о местах, не до конца исследованных, рано. Отмечать одно только Мурун-Тау не совсем верно. Мурун-Тау — очень много. Но еще не все Кызылкумы. Одно очевидно: основное направление поисков в пустыне — на золото. Это подтверждает совсем недавняя находка золоторудного месторождения в Кок-Потасе.

Видимо, Мурун-Тау — только лишь утро, богатое, яркое утро пустыни. За ним можно ждать прихода «золотого» дня. Перспективны ведь и другие районы. На основе же того, что уже разведано, что находится в геологическом заделе, можно сказать: в Узбекистане появилась очень крупная золотоносная провинция.

Приведу лишь некоторые характеристики Мурун-Тау. Золото тут залегает близко к поверхности. Добычу руды можно вести наиболее дешевым и удобным способом — открытым. Можно предположить, что себестоимость узбекского золота будет низкой.

Обогатительный комбинат намечено построить в непосредственной близости от сегодняшнего Солнечного. Геологи нашли тут не только золото, но и строительные материалы.

Не часто на земле встречаются столь значительные залежи золотоносного кварца и окварцованных сланцев. Драгоценный металл в них содержится преимущественно в дисперсном, невидимом состоянии, но зато много его!

Еще раз надо подчеркнуть: золото Мурун-Тау — находка коллектива. Видимо, был кто-то, поверивший в первые же пробы. Однако что такое поверить в пробу? Человек может показать лишь точку и сказать: «Ищите!» Сколько она может дать, эта точка? Мизерные количества руды. Требуется же несравнимо больше — оконтурить все месторождение, зримо представить его, очертить границы, определить глубину залегания, мощность, то есть, как говорят геологи, «сделать месторождение». Только после этого можно сказать не «ищите», а «есть!». Очень нужное слово, его ждут с волнением. И велика радость, когда оно базируется на столь солидном фундаменте, как Мурун-Тау.

Здесь сейчас большой коллектив, огромный машинный парк, поселок на шесть тысяч жителей. Но и это не все. Будет неподалеку и город. Златогорск, или Зеравшан — несущий золото, если перевести с узбекского.

Несущий большое золото!

Чистый ключ

Николай БРАУН

* * *

Слово мое открываю, как душу,
Настежь распахиваю —
входи,
Мир голосистый, с морем и сушей,
Дождиком падай,
штормом гуди!
Не отраженьем,
прямым вторженьем
В строки и строфы мои ворвись,
Молнией вспыхни,
вторым рожденьем,
Заново в слове моем явись!
Жду вас, деревья!
Как пешеходы,
Встаньте вот здесь,
по обочинам строк!
Реки!
Раскиньте алмазные воды
Руслами ритма!
Влетай, ветерок,
С поля,
цветами повей,
за тобою
Пусть они сами вбегают сюда!
Небо!
В разводье твое голубое
Пусть облаков заплывают стада!
Горы и степи!
Всею лавиной
Смело входите в слово мое!
Тесно не будет — я строфы раздвину,
Вытяну строк золотое литье.
Сердце людское!
Доверься, забейся
В слове моем,
чтобы ожили в нем
Все твои взлеты до звезд поднебесья,
Все твои слезы
в смятенье твоем!

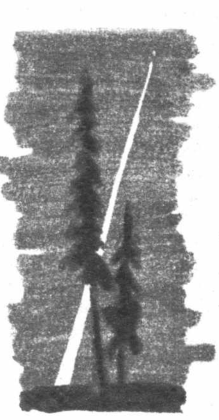
СТАДА ИДУТ С ГОР

Стада сгоняют с пастбищ горных,
С лугов, с подоблачных высот.
Ступая важно и покорно,
Поток их медленный течет.
Над цепью горных исполинов
Горят слепящие снега.
Быки идут, как властелины,
Подняв чугунные рога,
Как драгоценные короны,
Как непреложной власти знак.
За ними вслед идут их жены
С извечной кротостью в глазах.
И, озирая для порядка
Походный строй своих полков,
Идут с пастушеской повадкой
Овчарки чуткие с боков.
И чабаны, как в древней сказке,
В папахах, в бурках, для острастки
Поводят змеями кнутов
И скачут, сдерживая пляски
Своих горячих скакунов.
Их кожа солнцем так прошита,
Так резок этих лиц овал,
Как будто мастер из самшита
Их терпеливо вырубал.
Им месяцами был неведом
Семейный быт,
Домашний дым.
Они меж звезд вели беседу,
Язык их был понятен им.
Они внимали водопадам
И грозным возгласам грозы,
И облака ходили рядом
Среди чистейшей бирюзы.
Их сны глухие озаряли
Костры ночные да луна,
И лишь тревожный вой шакалий
Касался воплями их сна.
И вот уже родные склоны.
Осенний день. Осенний цвет.
Овец мохнатые рулоны
За ними катятся вослед.
Мычанье, блеянье и топот,
Овчарок — для порядка — лай.
Идут, плывут сплошным потоком...
Скорей, художник, не зевай,
Бери палитру — и мгновенно
Пиши. Минута дорога.
Стада идут.
Быки степенно
Несут державные рога.

О МОЕЙ РОССИИ

Не потому ли я к моей России
Припал,
Прирос,
Корнями в землю врос,
Что тульские рассветы оросили
Мой первый вздох
Живой росой с берез?
Не потому ль горю ее гореньем,
Что вырастал я в том краю глухом
Среди раздолий, где бродил Тургенев,
Что тот же слушал перепела гром,
Что тот же говор
Тех же деревушек
Подслушивал,
Оттачивая слух,
Где речка Снежедь в перелесках кружит,
Где разбежался вольно Бежин луг?
Что воду родников ее студеных
То черпал ковшиком берестяным,
То просто пил из ковшика ладоней
И хлебом заедал ее ржаным?
Что, слушая напев ее «страданий»,
Я сам страдал,
Как будто сам слагал,
О чем скрипели сохи,
Пели сани,
Чем надрывались горла запевал?
Не потому ли о России слово,
Как чистый ключ,
Как первый снежный хруст,
Поет во мне,
Живет во мне,
И снова
Само оно
С моих слетает уст?

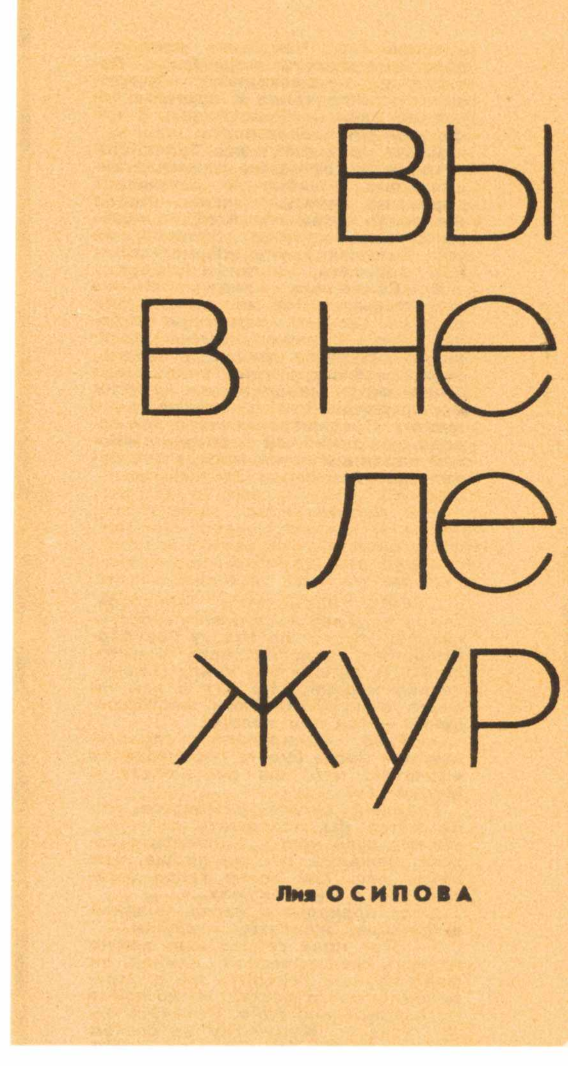

* * *

С тех начальных дней, как синей вышкой
Свод небес над нами вознесен,
Были мы накрыты им, как крышкой,
Впаянной, казалось, в горизонт.
А под небом — звезды, словно гвозди,
Вбитые неведомой рукой,
Полыхали в час глухой и поздний,
Зажигая страх в душе людской.
Но уже, едва добыв железо
И, как чудо, заварив стекло,
Кто-то дерзко глянул в свод небесный,
Расправляя разума крыло.
И уже ни черный звездный ужас,
Ни огни перуновых зарниц
Не могли, угрозами обрушась,
Бросить разум перед небом ниц.
Встав с земли
И отряхнув колени,
Он, как пыль, отбросив страх былой,
По векам пошел,
Как по ступеням,
Чтобы небо обручить с землей
И огни планет, что пламенеют
В черном небе, где ни троп, ни вех,
Как когда-то к стремени трофеи,
Приторочить,
Приручить навек.
Он идет,
Как пахарь целиною,
И уже коснулся тех высот,
Где не пылью горькою земною —
Звездной пылью под ноги метет.

Лия ОСИПОВА

Гоар Гаспарян

Фото И. Тункеля.

Это был один из будничных, давно утвердившихся в репертуаре спектаклей оперного театра имени Спендиарова. Декорации уже поистрепались, заметно вылиняли костюмы хористов, на лице дирижера не раз появлялась сердитая гримаса: солисты позволяли себе расхождение с оркестром. Но мелодичная музыка Чухаджяна, добросовестность самой постановки заставляли быть внимательной. А в голову сами собой лезли мысли о том, что опера как форма отжила свое, что в наш век сценическая площадка требует совершенно иных музыкальных воплощений... И, может быть, эти раздумья получили бы какое-нибудь завершение, если бы на сцене не появилась Гоар Гаспарян. Зазвучал голос, который мог бы соперничать по красоте с голосами лучших певиц мира. Надо было видеть, как она играла, как пела! Именно видеть. Какая-то простодушная искренность дебютантки, перед которой только что открылось прекрасное во всей первозданной прелести, искренность человека, который поет прежде всего для себя, потому что хочется петь... И в то же время совершенство, зрелость подлинного мастерства!..

Тут уже ни о каких новых формах, ни о каких сценических изысках не приходилось думать: через исполнение Гоар как будто заново приоткрывалась самая сущность искусства, во всяком случае, одна из его сторон. Это было похоже на чудо. И как к каждому чуду, к нему хотелось найти ключ. Так возникли беседы с народной артисткой СССР Гоар Гаспарян. Ведь личность артиста, жизнь его неразрывно связаны с искусством. Именно они помогают проникнуть в тайны его творчества.

ВЕЧЕР ПЕРВЫЙ

В один из вечеров, когда Гоар Михайловна была свободна от концертов и репетиций, мы пришли к ней домой. Нельзя сказать, что здесь любят отдыхать тихо. Гости сюда приходят без приглашений, просто потому, что их ждут и им всегда рады. Это художники, критики, музыканты, друзья самой Гоар и ее мужа Тиграна Левоняна, артиста того же театра имени Спендиарова. Шутки, парадоксы, остроты... Самое досадное, что их не всегда можно точно перевести на русский язык.

Идея, что Гоар Михайловна будет рассказывать о себе, принимается с энтузиазмом. И вот она начинает рассказывать.

* * *

— ...Если говорить о себе, то надо начинать с самого главного, с самого значительного. А это трудно. Как угадать, что было главным? Жизнь такая большая. Может быть, это было главным: как-то раз, убаюкивая меня, мать запела песню, совсем не похожую на колыбельную,— «Крунк», песню о журавле.

Высоко в небе летит журавль. Летит из родных краев. Наверное, он принес какую-нибудь весточку. Ответь, журавль. Но он не отвечает. Только машет крыльями и улетает. Видно, плохие вести...

Очень простая и грустная мелодия у этой песни. Сначала мне просто нравился в этой песне журавль, который машет крыльями и кричит: «Крунк, крунк!» Я не понимала, почему такими далекими становятся глаза у матери, когда она поет. Я еще не слышала в этой песне тоску, неизбывную, тягучую тоску людей, вынужденных покинуть родину. Я не знала, что сочинили ее те, кто только от своих близких слышал о стране Айастан, Армении. Но я скоро узнала и поняла это. Ведь я родилась и жила в Каире. Уже в детстве я сама запела «Крунк».

Каждый свой концерт я начинаю теперь этой песней. В каком бы городе, в какой бы стране я ни выступала. С каждым разом я все больше и больше проникаюсь ее мудростью.

Нет, в этой песне не просто грусть. Народ, который много страдал, не жалуется. И мне не хочется разжалобить слушателей. В страдании тоже можно обрести силу, в горести — веру...

В нашем небольшом доме в Ибрагимие-Шаркие — предместье Каира — музыка звучала не часто. Отец иногда брался за флейту по вечерам; пели женщины за работой.

Я любила играть во дворе возле дальней глухой ограды, скрытой акациями. Можно было, отодвинув камень, заглянуть в соседний двор, где как раз в этом месте располагался со своим патефоном сосед-мальчишка. Взрослые отдавали ему старые, испорченные пластинки, они чудовищно хрипели, сипели, и не раз казалось, что черный ящик развалится и оттуда выползет что-нибудь страшное, скользкое. Но однажды из патефона раздался женский голос, чистый, нежный, подвижный, как свет. Слова были на незнакомом мне языке, но я сначала даже не поняла, что там могут быть какие-нибудь слова, просто это был свет. И вдруг он оборвался, взметнувшись куда-то на невероятную высоту... Я стала просить еще раз поставить пластинку, но мальчишка стал дразниться, как все мальчишки.

А я заболела от горя. И отец купил патефон. Но это был другой, совсем маленький патефон, и пластинки тоже маленькие, записи французских детских песен.

Только потом я узнала, что то был голос Галли Курчи. Дала ли итальянская школа певиц, равных ей?..

И еще один голос...

Я узнала о существовании реликвии у нас в доме. Внизу в полутемной комнате стоял старый рояль со сломанной ножкой. Однажды я как-то небрежно, с размаху бросила на него свою школьную сумку. Мама укоризненно покачала головой, будто я обидела живое существо. И она рассказала мне, что это совсем не обыкновенный рояль, потому что еще за четырнадцать лет до моего рождения вот здесь, в этом самом доме, играл на нем сам Комитас.

Я имела тогда самое смутное понятие о замечательном армянском композиторе. В представлении же моих родителей, как, впрочем, и многих других армян, не имевших никакого

отношения к профессиональной музыкальной среде, но знавших Комитаса непосредственно, он был не просто певцом с чудесным мягким голосом и композитором, влюбленным в народную армянскую музыку. Он был словно святой. Да, святой «антуни».

Я как сейчас вижу образ, возникший в моем воображении после рассказов матери. Человек в пропыленной черной одежде монаха идет по крутой горной тропинке. В его дорожной сумке несколько засохших лепешек лаваша. До селения еще далеко, а ноги стерты в кровь. Но ведь он «антуни»— странник,— и тяготы дальней дороги привычны. Вот он останавливается, вынимает тетрадку и, разбирая нотные строчки, поет, в такт размахивая рукой. Он записал эту мелодию сегодня на рассвете, услышав песню пастухов. Встречные путники удивленно глядят на человека, чье лицо озарилось счастьем.

Вот так и ходил Комитас из селения в селение. А потом в его бумагах нашли около четырех тысяч записанных им народных песен.

Но он был не только «антуни». Однажды он был приглашен в Париж на концерты музыкального общества. Программа была так велика, что имя Комитаса вычеркнули из списка исполнителей. Но на последнем концерте во время антракта он появился вдруг на сцене, побледневший от волнения, в скромной монашеской одежде. Подошел к клавесину, извлек первые звуки. Может быть, необычность самого облика или мягкий голос, который трудно было расслышать из-за шума в зале, заставили людей умолкнуть. Все поспешили на свои места. После первой же песни, исполненной Комитасом, раздались крики «браво». На сцену поднялся композитор Дебюсси и преклонил колено перед армянским музыкантом. На следующий день парижские газеты заговорили об удивительном открытии: оказывается, существует никому не известная доселе музыка древнего народа, по строю своему совершенно особая, не похожая ни на европейскую, ни на восточную. Прекрасная, как солнце и горы, которые ее породили.

Комитас именно это и хотел доказать.

Неистощимая энергия жила в этом болезненном с виду человеке с глазами мученика. Он устраивал лекции, концерты в Берлине, Александрии, Каире... Получив великолепное музыкальное образование сначала в духовной семинарии в Эчмиадзине, а потом в консерватории Берлина, будучи человеком тонкого вкуса и удивительно своеобразного духовного склада, он умел завоевать симпатии и в кругах музыкантов. Но легче всего ему было с простыми людьми. Среди армян-эмигрантов он создавал великолепные хоры. И никогда не отказывался петь, как бы ни скромны были люди, которые его приглашали.

Вот и у нас в предместье Ибрагимие-Шаркие он пришел на свадьбу двоюродной сестры отца. Ночевать его пригласили в наш дом. Комитас отказался лечь спать в комнатах, сказал, что ему вполне подойдет деревянная скамья в прихожей.

Всю жизнь он отказывался от удобств и добровольно нес лишения скитальческой жизни. Этим он как бы приобщался к страданиям и мукам народа.

Покидая наш дом, он написал свое имя на пыльной крышке старого рояля. Его больше не видели друзья и почитатели. В 1915 году во время страшной расправы турок над армянами на глазах Комитаса пытали его друзей и сподвижников. Безумие охватило его. Вылечить Комитаса не сумели. Он скончался в 1935 году в Париже, в лечебнице для душевнобольных.

Голос же его звучит!.. Свыше пятидесяти лет назад была сделана запись на пластинках. Это надо слышать... Жаль только, что пластинки эти нельзя купить в магазинах. А голос Комитаса должны знать все!

ВЕЧЕР ВТОРОЙ

Когда Гоар Михайловна говорит, она не сразу подыскивает нужное русское слово. Но это не мешает слушать, а даже помогает. В ее манере говорить есть та же самая простота и искренность, которые так пленяют в пении. Гоар нелегко разговорить, нужно, чтобы она увлеклась. И это — тоже ее характерная черта: если уж она за что-нибудь берется, то делает серьезно и горячо. И надо побыть в доме несколько вечеров, чтобы понять, что это касается даже самых простых домашних дел. Если подают на стол печенье, про которое нельзя сказать, что оно вкусно, потому что оно просто необыкновенно вкусно, можно не спрашивать, кто его выпекал; если Гоар берется за иглу, то... ее концертное платье— в этом можно убедиться через несколько дней — просто фантастично.

Именно об увлеченности и зашел разговор в этот вечер.

* * *

— Итальянцы говорят, что любят петь ту музыку, которую любят. В книге воспоминаний Беньямино Джильи есть интересная мысль, что пение — это «сфого», отдушина. Понимаете, для итальянцев стало второй натурой умение отвести душу. Зачем скрывать, таить в себе дурное или горькое, ведь оно может оказаться опасным ядом!

Сам Джильи вспоминает забавный эпизод: однажды он торопился на репетицию какого-то очень ответственного для него концерта. И вдруг... застрял в лифте в том здании, где должен был состояться концерт. Устроители суетились несколько часов, чтобы пустить лифт. Все ожидали ужасного скандала: Джильи был тогда в зените своей славы. Но, к всеобщему изумлению, скандала не случилось: артист начал репетиции в кабине лифта. Спел весь репертуар и вышел совершенно умиротворенный. Вот что значит «сфого». О да, Джильи был из тех певцов, которым сам процесс пения доставляет наслаждение. Он отказывался на лето от контрактов, чтобы отдохнуть. Но его приглашали, и он не мог отказать — выступал в благотворительных концертах, ночью пел на площади перед десятками тысяч людей. Я очень понимаю Джильи, потому что это есть и во мне! Когда мне не приходится петь неделю или больше — случается всякое,— я чувствую, что заболеваю душой, сердцем. Просто становлюсь сама не своя. И после любого концерта мною больше, чем усталость, овладевает летучая радость. Вот как в детстве: кажется, еще немного — и полетишь!.. И я люблю петь то, что люблю! Если я не влюбилась в вещь, которую разучиваю, если я не почувствовала ее частичкой своего «я», то петь я не могу...

Художник все понимает через сердце и возвращает миру через сердце же. Сейчас модно говорить об интеллекте. Я бы скорее стала говорить о культуре! По-моему, это один из самых острых вопросов сегодняшнего искусства: культура вокала. Как горько бывает чувствовать ее отсутствие!

Звучит по радио голос молодого певца, хороший, красивый голос. Уже повторяется его имя в толпе почитателей, уже дает он сольные концерты один за другим. Но боже мой, какая же бедность красок, какое же отсутствие культуры в интонации и манере, в самом тембре этого голоса! И слушаешь его с таким сожалением... Культура приобретается школой? В какой-то мере да. Гастроли театра Ла Скала удивили нас не выдающимися голосами, а именно общей культурой ансамбля. Каждый певец, сохраняя свою общую артистическую индивидуальность, дополнял другого. Тенор, баритон, сопрано удивительно сходились тембрами. Как будто звучал один прекрасный инструмент.

А ведь у нас часто бывает так: на сцене как будто собираются скрипка, тромбон, пикколо. В таком антураже тромбон задушит всех, пикколо будет более истеричной, а скрипка вообще покажется безголосой. Ведь не всякие голоса могут слиться в едином звучании. Разве это частный вопрос?..

Поешь труднейшую партию и, естественно, ждешь ответной реакции, а коллега пристально смотрит на дирижера, чтобы вовремя начать арию... Все это маленькие камешки, но из них складывается гора.

Я хочу чувствовать краски музыки, хочу, чтобы фразой нарисовали целую картину — образ, а не внимать бессмысленным гаммам. Ведь люди ходят в театр не просто слушать музыку, а в музыке слышать мысли, эмоции. Подделка под сценические страсти никого не обманет, оставит слушателя холодным, так же как демонстрация технического мастерства. Нет выше наслаждения, чем почувствовать: этот голос — чудо хорошо воспитанной души.

Волнует только такое прекрасное, которое и для тебя стало болью и радостью сердца твоего.

Однажды во время гастролей в Японии мы заметили, что перед дверями нашего номера в гостинице появились игрушки — и очень изящные и совсем простые самоделки. Наша обувь всегда была вычищенной. Делали это не служащие гостиницы. А кто? Мы так и не узнали. И так запала в сердце эта бескорыстная форма благодарности; было в ней что-то от древних народных обычаев — выражение настоящей культуры в отношении к гостям, в отношении к искусству.

ВЕЧЕР ТРЕТИЙ

На этот раз в доме нет гостей. В соседней комнате занимается за роялем дочь Гоар — Седа. В этом году она кончает сразу две десятилетки. Сама Гоар сидит за большим столом, где разложены старые альбомы и фото. Вот маленькая изящная книжечка с автографом — программа нескольких концертов Комитаса. Датирована 1910 годом; подарок отцу. На небольшом кусочке картона пейзаж маслом, выгоревший от времени: небо, горы и журавли. «Это висело у нас дома, в Каире»,— говорит Гоар. А вот совсем недавняя вырезка: рецензия итальянского критика Джованни Пилли, которая кончается словами: «Свой билет на «Травиату» с Гоар Гаспарян я не согласился бы сменить на другой, когда бы пела Мария Каллас или Рената Тебальди...»

* * *

— Это было три года назад,— говорит Гоар.— Я поехала на гастроли в Каир. Встретилась со своей первой родиной, заново пережила детство, юность. Все свободное время бродила по улицам и вспоминала, вспоминала...

Вот армянский колледж, а вот церковь, где ребенком я пела в хоре.

Когда к родителям приходили гости, они говорили, похлопывая отца по плечу: у тебя артистка растет, голос-то какой! На что отец по своей скромности всегда отвечал конфузливыми отговорками: ну что вы, где уж...

А я однажды подумала: почему бы и нет, почему бы и не артистка? И вот, решившись на немыслимое, вошла в дом, мимо которого ходила с благоговением,— это была музыкальная студия. Я видела, как однажды сюда пришел Монако, знаменитый Монако! В этих стенах я встретила потом Марию Канилья, Джино Бекки... Но это потом. А тогда меня встретила преподавательница, про которую я сначала узнала только то, что она умеет заразительно смеяться. На ее вопрос, как меня зовут, я, совершенно растерявшись, ответила: Коко. Это была моя детская кличка.

«А меня зовут Элис Фельдман»,— сказала она сквозь смех. Элис Фельдман когда-то пела в Миланской опере, преподавала в консерватории. С приходом к власти фашистов она эмигрировала в Каир, как и многие из профессиональных деятелей культуры. Попасть к ней в ученицы — это счастье. Но мне нечем было платить за уроки. Я как-то не подумала об этом, когда решилась прийти в студию.

Для того, чтобы учиться здесь, я готова была работать день и ночь; на первых порах я занялась перепиской нот. Это была случайная работа, и получала я за нее очень немного. Но Элис и не требовала денег за уроки. Ее доброта мучила меня, казалось мне, я не имею на нее права. А ведь я еще училась на курсах, чтобы подготовиться к поступлению в юридический институт.

Однажды я узнала о конкурсе певцов на каирском радио. И я вновь решилась. Нас с пианисткой закрыли в студии, комиссия слушала через микрофон. Когда мы вышли из студии, члены жюри подошли к пианистке — это была красивая, представительная женщина — и стали поздравлять ее. Она, смутившись, указала на меня. И вот тогда пришла очередь смутиться членам жюри. Перед ними стояла пятнадцатилетняя девочка в коротеньком платье, носочках и школьных туфлях. И тем не менее она стала солисткой на радио! Мечта отца, видевшего меня юристом, не сбылась...

И вот теперь, на гастролях в Каире, ко мне подошел человек, назвавшийся деятелем каирского радио. Он поздравил меня и сказал: «Помните, а ведь это мы вас открыли!»

Были и другие встречи во время концертов в Каире. Однажды сквозь шум аплодисментов я расслышала: «Это же наша Коко! Вы знаете, это же наша Коко!» К рампе, всех расталкивая, пробирались какие-то люди. Потом я обняла их уже в артистической. Как они изменились, наши соседи по улице, швейцар из музыкальной студии! Некоторых я просто не узнала. А для них я была по-прежнему Коко...

И еще для одного человека. Он пришел на мой концерт, Винченцо Карро, мой учитель, который так много уделял мне внимания во время занятий в музыкальной студии. Он так же, как Элис Фельдман, эмигрировал в свое время из фашистской Италии, где уже имел известность и положение, будучи дирижером в Неаполе.

Я сразу узнала маэстро: он сидел в первом ряду, такой же суровый и взыскательно строгий, как когда-то на первых уроках. Потом я увидела, что он плачет. И в антракте за кулисами он тоже плакал и сказал мне: «Я не думал, что ты, такая стеснительная и тихая девочка, которую я всегда просил быть более свободной и более теплой, сможешь оказаться настолько теплой, что обожжешь меня...» А потом он снова стал строгим и сказал: «Пока ты живешь в Каире, ты можешь снова посещать мои занятия!» И каждый день в течение двух недель я ходила на занятия к маэстро, снова почувствовав себя ученицей. Его указания и советы казались мне интересными. «Брось эти свистульки, пой, как человек»,— говорил Карро. Он считал, что в настоящее время виртуозность в пении уступила место драматической выразительности, что слушателей пленяет характерность гораздо больше, чем головоломные фиоритуры и блестящие трели. Чем ниже звук, тем ярче передает он разнообразные драматические оттенки в голосе. «У тебя хорошие нижние регистры, работай на них,— повторял маэстро.— И, пожалуйста, не верь, если про твой голос будут говорить: колоратурное сопрано. Ты совсем не похожа на искусственного заводного соловья». Да, это был тонкий и мудрый знаток вокала — Винченцо Карро.

Почему я тогда, в юности, решилась уехать из Каира? В этом городе музыкальная культура стояла на большой высоте. Но в те далекие годы не было для меня. большего наслаждения, как остаться одной в доме и петь по-армянски. В моей жизни был один острый момент. Мы уже всей семьей сидели на чемоданах. Было объявлено о возможности репатриации в СССР. Только и разговору было, что о Советской Армении. И вдруг приносят на мое имя письмо от Винченцо Беллеца — дирижера Миланской оперы — и контракт. Да, контракт на сезон в Милане! Незадолго до этого Беллеца гастролировал в Каире. Однажды он прослушал меня. Это было во время репетиции «Севильского цирюльника».

Теперь в моих руках был контракт. И мне было от чего растеряться. «Отец, ты понимаешь, я могу петь в Ла Скала!»

Я никогда не забуду твердого и спокойного взгляда отца: «Мы же возвращаемся на родину, доченька!»

ВЕЧЕР ЧЕТВЕРТЫЙ

Впрочем, вечер еще не наступил, а мы и не торопили его. Потому что сидели не дома за столом, а в машине, которая мчалась куда-то прямо на солнце, к громаде гор. Гоар возвращалась после концерта, который она дала в Ленинакане.

Быстрая езда, прохладный ветер, несущий с собой запах земли и деревьев в цвету, взбудоражили Гоар. Она негромко напевала какие-то бодрые маршевые мелодии, а потом перешла на детские песни.

* * *

— Каждый раз, когда вижу эти горы,— сказала Гоар,— я вспоминаю свою первую встречу с ними. Это было в 1948 году, в поезде, который вез первую группу репатриантов из Египта. Сначала мы ехали пароходом до Батуми, а потом оказались в поезде. Я помню, утром кто-то посмотрел в окно и воскликнул: «Смотрите, это Лорийское ущелье!» Да, это были фантастически красивые горы! Где-то внизу билась река... И я вспомнила: это Дебед. Да, в эту реку бросилась Ануш — героиня поэмы Туманяна. Вот и ивы на берегу, островок с деревом, нависшие скалы... Все, что казалось в детстве легендой, оборачивалось правдой.

А в вагоне все смешалось. Люди пели, плакали, обнимали друг друга. С нами в одном купе ехал старый профессор,— я встречалась с ним еще в Каире. Он стоял у окна, и, подняв руки, срывающимся голосом декламировал стихи Туманяна:

Лори меня вновь неустанно зовет,
Старинной печалью бессонно дыша,
И властно расправила крылья, и вот
К забытому дому стремится душа.

Никакие сказки детства не могли сравниться с этой правдой, входящей в наши души. Мы приближались к дому своему.

Впрочем, в первое время я даже представить себе не могла, каким громадным оказался этот дом! Ведь первый мой сольный концерт состоялся почти через год после приезда в Москву. Первый концерт... В Каире после окончания студии я много выступала. Если заняться подсчетами, более тысячи концертов. И все-таки концерт в Москве — это было тогда как первое рождение.

Я приехала в столицу на юбилей Большого театра, ходила на все спектакли, старалась постигнуть особенности русской вокальной школы. И очень радовалась, когда почувствовала, что самый характер русской музыки мне чем-то близок. А потом меня представили Валерии Барсовой. Она была очень участлива, засыпала меня вопросами. А прослушав, сказала: «Я непременно буду представлять вас московской публике». Вот тогда-то и состоялся мой концерт. И его успех я переживала как что-то необычное.

В первые годы работы на родине — в Армении — меня мучило то, что писали критики. Они считали, что итальянская школа довлеет надо мной и что репертуар армянских композиторов и народная музыка, конечно, не для меня.

Пожалуй, больнее нельзя было меня задеть! Но я думала: может быть, в этом и есть доля правды. Ведь армянские-то песни я прежде могла петь только для себя...

Сколько же я работала!..

Когда мне поручили партию Ануш в опере Тиграняна — ее готовили к постановке на сцене оперного театра в Ереване,— я подумала: в этом есть что-то символическое.

Легенда о девушке из народа, о прекрасной и трагической ее любви напоена ароматами Армении. Здесь живет прелесть ее гор и долин, сама душа страны. Романтическая окрыленность есть и в музыке Тиграняна.

И я не хотела насытить образ чертами бытовизма, хотя все в нем должно быть конкретно и реалистически точно. Я хотела петь о своей новой родине, о том, что открылось для меня заново.

Я уже смутно вспоминаю премьеру и свои переживания, то, как я пела. Это было молодо и наивно. Но, может быть, в этом и была своя прелесть? Теперь я пою иначе.

Про Шаляпина кто-то сказал, что это певец, который умел мыслить. Мне много пришлось думать, что такое эмоциональное в музыке, искать подлинно армянское, подлинно народное.

Иногда поют армянские песни с вибрацией в голосе. Это дурной вкус. Так в народе не поют. Для меня это было ясно давно, потому что я в детстве слушала записи Комитаса. А ведь до сих пор есть певцы, которые поют только в национальных операх, отказываясь от классических. Как будто для исполнителя национального репертуара нужен особый голос.

Недавно, во время празднования юбилея Саят-Нова, в Ереван приехал из Тбилиси армянский народный певец Глахо Закарян. Я пригласила его к нам домой. Он целую ночь пел народные песни, песни Саят-Нова. Никакой орнаментации нет в его рисунке песен, все очень просто и вместе с тем удивительно. Какая-то полная отрешенность от себя, постижение самой сути народной души. Голос звучит будто из невидимого источника...

Я уже исполняю новую концертную программу. Это арии из опер армянских композиторов и народные песни; некоторые из них давно не исполнялись со сцены, другие вообще забыты. Мне хотелось воскресить их. Но, конечно, не это было моей главной заботой.

Случается, выступает певец и исполняет какую-то арию. И думает только о том, чтобы не повториться — не спеть, как Карузо, Джильи или Собинов... А мне вот хотелось повториться! Петь, как Комитас, Саят-Нова, Глахо Закарян. Повториться не через подражание, а через постижение, через проникновение в народный мелос.

Вместе с этой программой я готовила партию Лючии из оперы Доницетти «Лючия ди Ламмермур». Два полюса, не правда ли? Но я нашла единство. Если Доницетти нам дорог сегодня, значит, он должен жить, и петь его нужно так, чтобы слушатели уверовали в его сегодняшнюю жизнь. Я чувствую, что у меня есть на это силы.

А работа над шекспировской программой? Эти образы, как и те, что созданы народом, я считаю вечными.

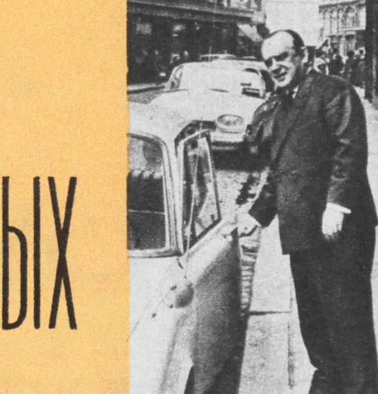
Однажды — это было в Москве — я ехала по заснеженным улицам после концерта и беспокоилась, что одно место в арии Офелии из оперы Тома «Гамлет» спела не так, как мне бы хотелось, как было задумано. Потом я успокоилась и поймала себя на том, что напеваю другую мелодию:

Высоко в небе летит журавль,
Оттуда — из родных краев. Наверное,
Он принес какую-нибудь весточку.
Ответь, журавль...

И на душе стало тепло. Мое родное, мой крунк, всегда со мной. Как много он уже мне помог и как еще поможет!

У ПУШКИНЫХ

Александр Николаевич Пушкин.

Фото автора.

Александр Николаевич и Луиза Иосифовна. Июль, 1965 год.

Семья Пушкиных в 1946 году: внук А. С. Пушкина Николай Александрович (крайний справа), его жена Надежда Алексеевна (крайняя слева), правнук Александр Николаевич (в центре), его жена Луиза Иосифовна и праправнук поэта — Александр.

Макс ПОЛЯНОВСКИЙ

Утром позвонил по телефону Александр Пушкин и обещал заехать за мной во время обеденного перерыва. Он прибыл с некоторым опозданием и стал извиняться:

— Приехал-то я вовремя. Но не сразу удалось поставить свой автомобиль. Ведь ваш отель в самом центре города. Стоянка переполнена...

Мы вместе направились к машине. Она стояла возле столба с надписью «60 минут максимум». Оставлять автомобиль больше чем на один час запрещалось. На этот раз до максимума дело не дошло. Мы сели, и Пушкин повез меня по улицам Брюсселя, к себе домой.

Совсем недавно, в конце 1964 года, не стало внука поэта, Николая. Он умер почти восьмидесятилетним.

Его отец, старший сын А. С. Пушкина, Александр Александрович, был, как известно, генералом русской армии. Он скончался в 1914 году, когда началась мировая война. Ему шел тогда девятый десяток.

Сейчас в Брюсселе живет семья Пушкиных. Александр Николаевич (приехавший за мной) — директор издательства спортивной газеты. Его супруга Луиза Иосифовна (уроженка Ленинграда, фламандка по отцу, русская по матери) ведет домашнее хозяйство.

У них есть сын Александр. Ему 22 года. Он чем-то напоминает своего прапрадеда: смуглый, волосы курчавые, вьющиеся. Александр Пушкин-младший недавно завершил свое техническое образование. Его специальность — электроника. Свою Натали Гончарову он пока не встретил.

— Сын Александра Сергеевича, генерал Пушкин,— мой родной дедушка. Я немного помню его. Рядом с ним прошло мое раннее детство,— говорит правнук.

Судьба этого правнука — Александра Николаевича, уроженца Тулы, сложилась необычно. Еще подростком родители увезли его из освобожденного от белых Крыма в Турцию, затем в Югославию. С 1923 года Пушкины обосновались в Бельгии. Здесь внук поэта Н. А. Пушкин поступил на службу в Брюссельский банк.

Не многие знали, что проведший десятилетия за конторкой отдела ссуд банковский служащий Николай Пушкин имел свое увлечение.

Свободное от работы время он посвящал историческим исследованиям и рисованию.

В брюссельской квартире Пушкиных я видел два портрета Натальи Гончаровой, жены поэта. Они выполнены ее внуком Н. А. Пушкиным.

Неутомимый пушкиновед И. Л. Фейнберг, автор ряда исследований о поэте, занимаясь розысками, связанными с пушкинскими рукописями, в 1956 году выяснил, что в Брюсселе живет Николай Александрович, который вместе со своим старшим братом Григорием Александровичем в 1917 году случайно обнаружил в Лопасне затерявшийся ящик с рукописями «Истории Петра». (Григорий Александрович, живший в России, умер в 1940 году.)

Много лет спустя, в 1961 году, в письме из Брюсселя в Москву Николай Александрович Пушкин в ответ на вопрос, поставленный перед ним в книге Ильи Фейнберга «Незавершенные работы Пушкина», уточнил свое зарубежное сообщение 40-летней давности о том, как была найдена рукопись «Истории Петра», которая теперь находится в Пушкинском доме Академии наук. Позднее семьей был передан в Румянцевский музей дневник поэта...

Но вернемся на квартиру Пушкиных в Брюсселе.

Передо мной рукописи статей, написанных недавно скончавшимся Н. А. Пушкиным. Это — исторические исследования. До последних дней своих внук поэта, будучи на пенсии, увлеченно занимался историческими работами. Вот названия некоторых: «Куликовская битва 1380 года», «Загадочное лицо русской истории», «Были Лжедимитрий действительно лже?». Несколько его работ были опубликованы.

Среди портретов А. С. Пушкина есть один подлинник работы художника Фаберже. Его преподнесли потомкам поэта в 1937 году в Париже, когда весь мир отмечал столетие со дня гибели русского гения.

На небольшом столике стоит черная лакированная шкатулка с изображением поэта на крышке. Это работа мастеров Палеха.

На стене в раме большой рисованный фамильный герб Пушкиных.

— Его прислал незнакомый нам американский художник,— объясняют Пушкины. В уголке рисунка едва приметный автограф мастера: Демпсей Карролл, Нью-Йорк.

Но, пожалуй, самая дорогая реликвия, хранящаяся в семье Пушкиных,— гладко обрезанный по краям большой кусок дерева. Это частица сосны, стоявшей в Михайловском при жизни поэта. Сохранил ее сын А. С. Пушкина — Александр Александрович.

Он прикрепил к сосновому бруску две металлические дощечки. На каждой выгравирован текст. На дощечке большего размера строки из стихотворения Пушкина «Вновь я посетил»:

...На границе
Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят — одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко...

На меньшей дощечке читаем пояснительную надпись:

«Часть последней сосны, сломанной бурей 5 июля 1895 года. Село Михайловское».

Невольно мы поглядели на сегодняшний листок календаря.

«Понедельник 5 июля 1965 года».

Значит, ровно 70 лет назад старший сын Александра Сергеевича подобрал в Михайловском этот обломок одной из трех сосен, воспетых его отцом.

В семье Пушкиных звучит русский язык. Мы заговорили о долговечности детей и внуков Александра Сергеевича. Если бы не пуля Дантеса, жил, бы, вероятно, наш Пушкин до конца XIX столетия. И поныне жили бы его младшие дети и внуки.

Прощаюсь с Пушкиными. Недалеко время моего вылета из Бельгии в Москву.

Перед уходом делаю несколько фотоснимков. Беру на память визитную карточку главы семьи.

Мы вернулись к автомобилю. Снова мчимся по улицам Брюсселя.

— Помните, как передвигался ваш прадед?— говорю я.— «То в коляске, то верхом, то в кибитке, то в карете, то в телеге, то пешком».

Не снимая руки с руля, чуть повернувшись, Александр Николаевич ответил мне улыбкой.

Брюссель — Москва, июль.

ЕСТЬ ЛИ «ВТОРОЙ ДУНАЙ»?

Из города Баден (ФРГ) пришло сенсационное сообщение. Геологи местного земельного управления утверждают, что открыли «второй, подземный Дунай». Течет он якобы на глубине в 7 километров. До последнего ледникового периода, как утверждается, это был настоящий Дунай. Геологические изменения, наступившие после таяния огромных масс льда, привели и к перемещению русла реки Дунай. Он пробил себе новый путь, тот, который нам известен.

«Подземный Дунай» открыт случайно. Искали нефть. Вместо нефти нашли огромные резервуары воды. Но идет ли речь действительно о могущественной реке, протекающей под землей? Это пока еще надо доказать, заявляют венские специалисты по геологии, довольно сдержанно воспринявшие сообщение из ФРГ. Возможно, говорят они, речь идет о большом подземном озере, а не о реке.

ПРОТОН В БЕЛОМ ХАЛАТЕ

Доктор Ларс Лекселл, профессор-нейрохирург Стокгольмского университета, начал проводить операции на мозге без применения инструментов. Роль скальпеля, при помощи которого обычно удаляются поврежденные клетки головного мозга, выполняет протонный луч. Излучение создается в атомном ускорителе. Подобные операции предпринимаются при целом ряде заболеваний головного мозга, которые раньше считались неизлечимыми.

ЭЛЕКТРОПРОВОД ИЗ ТЮБИКА

Вы взяли в руку тюбик, надавили на него. Выползающий из тюбика «червячок» через час при комнатной температуре затвердевает и будет выполнять роль медного или алюминиевого провода. По нему можно пропускать ток. Пастообразный проводник изготовляется из комбинации пластмасс с порошком металлов.

Этот проводник в пять раз дешевле металлического. Он может работать при температурах от —50°С до +150°С при любом напряжении. «Провод в тюбике» изобрели американские химики Дж. Лупинский и Ф. Ранджер. Жидкий проводник можно намазать на стенах, плитах и т. п., а затем покрыть сверху другим слоем пластмассы, не проводящей электричество.

НЕБЬЮЩЕЕСЯ СТЕКЛО

Цюрихский еженедельник «Вельтвохе» сообщает об интересном эксперименте с небьющимся стеклом. В лаборатории изготовили стеклянную рюмку. Затем инженеры лаборатории поднялись на 12-й этаж дома. Оттуда рюмку сбросили на сталь, находящуюся во дворе. Рюмка оказалась целой.

Мой друг Анвар

Н. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Мы сидим с Анваром на камнях, из которых сложена невысокая ограда. Серая, потрескавшаяся от дождей и солнца ограда эта отделяет бунгало — так на Яве называют загородные домадачи — от проезжей части дороги. Шоссе в этом месте шумное, машины здесь идут обычно одна за другой, обгоняя друг друга, не считаясь ни с какими правилами.

Но сейчас раннее утро, и пока проходят только одиночные машины. Свежо — солнце лишь показалось своим розоватым краешком из-за гор. Анвар сидит, накинув на плечи старую, дырявую шаль. Он всегда появляется в таком виде, если бывает прохладно утром или вечером.

Познакомились мы давно.

— Сколько тебе лет? — спросил я Анвара, когда встретил его впервые.

— Пятнадцать, — не моргнув глазом ответил он.

— Откуда пятнадцать? — удивился я, глядя на тщедушного мальчугана в залатанной, но чисто выстиранной майке и трусах, которые он время от времени подтягивал то одной, то другой рукой.

— Ну, может быть, восемь, а может быть, двенадцать,— простодушно ответил мальчик.

Надо сказать, что диалоги такого рода бывали у меня не однажды и со взрослыми. Потом я узнал Анвара ближе, и мы стали друзьями. Как часто, смотря на таких сорванцов, как Анвар, вспоминал я наших школьников и пионеров.

В свои восемь — двенадцать — пятнадцать лет Анвар умел делать многое. В воскресный день он отправлялся с измятой, давно потерявшей свою форму банкой изпод масла на смотровую площадку, где любят останавливаться автомобилисты, чтобы полюбоваться долиной Бандунга. Здесь вечная зелень пальм и бананов, изумрудные карты рисовых полей, зеленые склоны гор, над которыми непрерывно летят то светлые, то темные облачка. И если комунибудь надо залить воду в радиатор, помыть машину, протереть стекло, Анвар все это сделает самым лучшим образом.

Или можно отправиться через чайную плантацию на теннисный корт ресторана «Пунчак», чтобы подавать мячи игрокам. Здесь обычные роли меняются: взрослые развлекаются, играют, а дети работают, бегают. Но работать надо с умом. Анвар уже достаточно опытен, чтобы выбрать себе теневую сторону, а напарнику оставить солнечную.

Если хозяин участка зазевается, Анвар может поживиться и на рисовом поле. Когда оно затоплено, туда иногда пускают мальков, выращивают рыбу — чаще всего гурами. И Анвару не стоит большого труда, забравшись по колено в ил, цапнуть однудругую рыбешку.

А если вечером вы хотите полакомиться шашлычком по-индонезийски — сатэ, то Анвар добудет и угля и принесет фанерку, чтобы поддувать пламя,— словом, сатэ будет.

Таков мой друг Анвар.

Конечно, он с радостью бросил бы эту каждодневную погоню за рупиями, но что делать? Надо кормиться.

У Анвара есть попугай — зеленый, облезлый, без хвоста. Живя в неволе, птица уже давно отучилась летать. Лишь иногда попугай ковыляет по земле, переваливаясь с боку на бок на своих кривых старых ногах. Анвар всякий раз приносит ему бананы и зерно и, прижимая птицу к груди, ласково гладит ее, старую и облезлую.

Брат Анвара живет в Джакарте. Он работает бечаком (так называют на Яве велорикшу) и бывает дома не чаще чем один раз в два месяца.

Ахмад, так зовут брата, не имеет своей велоколяски. Он берет ее в аренду и платит за это большую часть своего заработка.

У Ахмада есть любимая девушка. Мы видели с Анваром, как сидели они на берегу реки, когда солнце уже скрывалось и вода становилась розовой от его угасающих лучей. Но Ахмад не может жениться. Ведь в Джакарте у него нет даже угла. Он спит после изнурительного трудового дня тут же, в своей коляске.

Когда кто-то заговорил о том, что надо запретить тяжелый труд бечаков, то прежде других против этого выступили сами бечаки: чем они будут жить, где найдут они заработок?

Утром в будни я вижу Анвара идущим вдоль дороги в школу. Она расположена совсем близко — легкое одноэтажное здание, точнее даже не здание, а навес на восьми столбах. Анвар еще не знает, что до революции в Индонезии на сто жителей приходилось 5—6 грамотных. А теперь уже целые районы стали районами сплошной грамотности. На сто жителей уже приходится шестьдесят грамотных. И даже бабушка Анвара, худая и высохшая, и та может теперь прочесть заглавия в газетах.

Вечером индонезийцы любят «кушать воздух» — сидеть около домов, судить о том, о сем, наблюдать, что происходит на улице. А бабушка в эти часы сидит дома и слушает, что передает радио Джакарты,— потеха!

А почему потеха? Ведь и сам мой друг Анвар тоже занимается политикой. Стоит только теннисисту пробить удачно сильный мяч и выиграть очко, как Анвар, подносящий мячи, а вместе с ним и его товарищи кричат с восторгом: «Ганьянг Малайзия!» — что значит «Сокрушить Малайзию!»

Ахмад, когда он приезжает из Джакарты, всегда рассказывает про Малайзию. Все это придумали англичане. Им не нравится Индонезия. Вот они и решили, чтобы была Малайзия. И если англичане захотят,— они оттуда смогут стрелять даже по Джакарте. Когда индонезийцы узнали об этом, они так рассердились, что разгромили английское посольство в Джакарте, от него только стены остались.

Анвар с замиранием сердца слушал, когда брат рассказывал, что и он запустил в окна англичанам десяток камней,— Ахмад такой смелый и ловкий! Все-таки Анвар очень завидует брату!

Анвар был в Джакарте всего лишь один раз. До этой поездки с отцом Анвар знал город только по старым снимкам. На них был показан дворец голландского генерал-губернатора, какой-то канал и улица с пальмами.

Но теперь Анвар увидел совсем другое. Они шли по улице, которая была шире, чем футбольное поле. В конце ее стоял такой высокий домище, что невозможно было понять, как туда, наверх, забираются люди. И вдоль всей улицы были дома, похожие на эту махину. А отец говорил, что прежде здесь были кампунги — деревни. Потом отец привел Анвара в госпиталь, построенный русскими, где работала няней младшая сестра отца. Это уж было настоящее чудо! Там чудеса жили в каждой комнате. Няня нажимала кнопку — и появлялся свет, синий, словно вечернее небо в горах; поворачивала какой-то кружочек — и лилась такая горячая вода, что можно было чай заваривать. Да разве все расскажешь — очень интересно, порой даже страшно!

В этот день Анвар и отец говорили без умолку всю дорогу. Отец, оказывается, не знал, что у Анвара есть значок, на котором изображена башня с красной звездой и портрет советского летчика, который был в космосе,— только Анвар забыл фамилию летчика — или Николаев, или Титов.

Но отец сказал, что это неважно, потому что уже много советских летчиков летали в космосе и еще больше будут летать.

Когда же Анвар и отец вернулись из Джакарты, все дело испортила мать. Она стала кричать, что рис опять стал дороже и что хозяин, у которого они снимают клочок земли, требует теперь с них в уплату за аренду целую половину урожая.

Тогда отец вышел курить на улицу, и Анвар вышел вместе с ним. Отец сказал, что мать еще немножко не понимает в революции, потому что ей приходится очень редко бывать на митингах. Правда, рис стал дороже, но у матери не хватает терпения, чтобы дождаться того времени, когда рис будут давать даже бесплатно.

Анвар промолчал, но решил спросить у брата, когда тот приедет, не напутал ли отец насчет риса.

Еще Анвар хотел спросить у брата, не пора ли ему уже ехать в Чилегон. Оттуда вчера вернулся сосед — он каменщик — и сказал, что русские помогают строить в Чилегоне завод, где будут производить металл. И что в Чилегоне есть индонезийцы, которые жили в Москве, и их там выучили на инженеров.

— Ходят в белых рубашках, а в кармане — две вечные ручки,— восхищаясь, говорил сосед.

И он еще добавил, что есть даже такие индонезийцы, которые могут говорить по-русски; правда, есть и русские, которые говорят по-индонезийски.

Но это последнее нисколько не удивило Анвара. Он и сам давно знает, что Москва больше любой деревни, какие есть в их округе, и даже больше Джакарты; что если у них в Магомендунге, в деревне, всегда жарко, то в Москве всегда холодно и воду там надо получать изо льда; что в Москве есть даже дорога под землей, которую зовут метро, и что станции на этой дороге больше любой мечети.

А по-русски сам Анвар уже давно разговаривает. Два года назад в Чибно жили советские специалисты. От них Анвар, по его мнению, хорошо научился русскому языку. Встречая меня утром, он улыбается, показывая свои белые зубы, и неизменно говорит:

— Добрый вечер! Как поживаете?

И сам же отвечает:

— Ошен карош! Пасибо!

После этого мы обычно приступаем уже к деловым разговорам.

Кратер вулкана Мерапи.

Праздник на острове Суматра.

Индонезия. Фото Н. Архангельского.

Дети Индонезии.

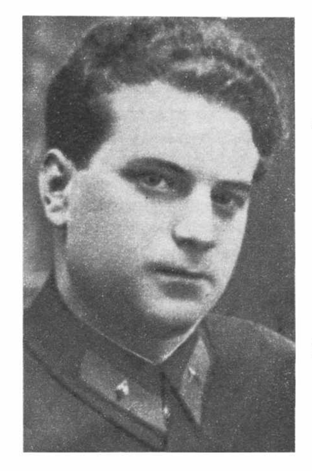
Эта деревня называется Чибулан, она находится на острове Ява.

Танцовщица из Джокьякарты.

Из записок советского разведчика

Александр ЛУКИН

Александр Александрович Лукин начал работать в ЧК и стал разведчиком с юных лет, в первые годы Советской власти. В это трудное время он не раз выполнял сложные и опасные задания, проникая в глубины контрреволюционного подполья.

В годы Великой Отечественной войны он был заместителем командира по разведке в прославленном специальном партизанском отряде Героя Советского Союза Д. Н. Медведева. Под руководством А. А. Лукина действовал в тылу врага легендарный советский разведчик Николай Кузнецов. А. А. Лукин — автор книг «Сотрудник ЧК», «Тихая Одесса», «Разведчики», «Операция Дар» и ряда очерков о советских разведчиках, напечатанных в «Огоньке».

ОПЕРАЦИЯ «ДАЛЬНИЙ ПРЫЖОК»

Николай Кузнецов вышел из дома № 15 по улице Легионов часов в десять вечера. Его удерживали, уговаривали остаться еще на часок-другой, но он все-таки ушел, сославшись на усталость и головную боль. На самом деле причина была другая. Просто хотелось побыть одному, собраться с мыслями, проанализировать наблюдения последних дней.

Было уже темно. Редкие фонари едва пробивали шуршащую пелену не по-осеннему теплого моросящего дождя. Кузнецов шел мерным, четким шагом, ставшим таким привычным за этот год жизни в чужой шкуре. Низко надвинув на брови козырек высокой фуражки, подняв воротник светло-серого форменного плаща, он шагал, не сворачивая перед лужами, как, должно быть, шагал бы на параде в Берлине.

Каждые пять—десять минут навстречу попадались парные патрули: нахохленные солдаты в стальных шлемах, с автоматами наготове. «Боятся...» — со злым удовлетворением подумал Николай Иванович.

Действительно, после событий минувшего лета, особенно после взрыва Прозоровского моста, оккупанты резко усилили охрану всех военных и гражданских объектов в Ровно, удвоили численность патрулей в городе, ввели новые строгости.

Впрочем, Кузнецова это не слишком беспокоило. Документы обер-лейтенанта Пауля Вильгельма Зиберта всегда были в полном порядке. В бумажнике своевременно появлялись новые командировочные предписания, аккуратно проставлялись, где положено, нужные подписи, печати.

Любой патруль, который проверял его документы, узнавал из них,что имеет дело с заслуженным фронтовиком, кавалером двух «Железных крестов», сейчас, после тяжелого ранения на Восточном фронте, являющимся уполномоченным хозяйственного командования — «Виртшафтскоммандо» (сокращенно «Викдо») — по использованию материальных ресурсов оккупированных областей СССР в интересах вермахта. Это обстоятельство вполне оправдывало его частые приезды в Ровно.

Потом Кузнецов представил, как приедет в этот город после войны, пройдется по знакомым улицам с Валей Довгер, Лидией Лисовской, Майей Микотой. Да первый же мальчишка потащит их в милицию! Он представил, как будет яростно доказывать какому-нибудь усатому старшине, что они не «гады», известные всему городу, а советские разведчики, и невольно улыбнулся.

Сестрам, конечно, нелегко. Действительно, все Ровно знает, что их квартира на улице Легионов, 15, откуда он только что вышел,— место постоянных гулянок оккупантов, а сами хозяйки работают в фашистских казино. Эх, девушки, девушки! Как же вам туго приходится! В конце концов он-то рискует только своей жизнью, а они гораздо большим — честным именем. Каково им жить в родном городе, на виду у всех, с репутацией «немецких овчарок»...

«А ведь они очень красивы»,— неожиданно, словно удивившись этому, подумал Кузнецов. Сестры действительно были хороши. Лидия — высокая, гибкая, стройная. Лицо словно выточенное, с большими серо-голубыми переливчатыми глазами, в обрамлении пышных волос цвета спелой ржи. А Майя совсем другая, даже не скажешь, что двоюродная сестра: худощавая, живая. И глаза редкостные — зеленые...

Николай Иванович с ужасом представил, что будет с его помощницами, если гестапо станет известно, что Лисовская и Микота на самом деле не их агенты, в чью обязанность входит приглядывать за гарнизонными и приезжими офицерами вермахта, а разведчицы специального советского чекистского отряда, в который входит и он, Николай Кузнецов.

А Валя Довгер? Эта худенькая сероглазая девушка так умело разыгрывает роль невесты обер-лейтенанта Зиберта, что ввела в заблуждение самого Эриха Коха, рейхскомиссара Украины и гаулейтера Восточной Пруссии. По его личной рекомендации она проникла на работу в рейхскомиссариат!

Кузнецов снова вернулся к предмету своих постоянных размышлений в последнее время. Пауль фон Ортель... Что делает в Ровно этот внешне невозмутимый, явно с незаурядным умом эсэсовский офицер? В том, что он разведчик, и не из мелких, Кузнецов не сомневался. И опирался в этом выводе отнюдь не на одну интуицию, но и на вполне реальные факты. Прежде всего фон Ортель в свои двадцать восемь лет был явно молод для звания штурмбаннфюрера СС[1]. Он мог получить его только за какие-то особые заслуги. В то же время Ортель, это чувствовалось, обладал немалым опытом.

Штурмбаннфюрер был довольно высок, крепко сбит и подтянут. Его негустые темные волосы разделял безукоризненный косой пробор. Светлые глаза смотрели умно и настороженно.

Никто не знал, где он служит, и вообще связан ли Ортель хоть с каким-нибудь учреждением в городе. Держался он абсолютно независимо. Несколько раз Зиберт имел возможность убедиться, что Ортель, не занимая вроде бы никакого официального поста, пользуется в гестапо и СД огромным влиянием. В деньгах, в отличие от других приятелей Зиберта, он не нуждался.

За бесконечно долгие месяцы работы во вражеском тылу Николай Иванович научился довольно легко и быстро разбираться в характерах своих многочисленных «друзей»-офицеров и нащупывать слабые стороны каждого. С фон Ортелем держаться нужно было предельно осторожно. Кузнецов понимал, что ничего пока не подозревающий штурмбаннфюрер не оставит без внимания ни одного неверного слова или жеста. Поэтому мы с Николаем Ивановичем решили в отряде, что он никогда не будет даже пытаться заводить какую-нибудь игру с фон Ортелем, предоставив событиям развиваться своим чередом. Это была единственно правильная линия поведения, в чем в конце концов мы и убедились.

[1] Эсэсовское звание, соответствующее званию майора в армии.

В первые недели работы в Ровно немецкие офицеры казались Николаю Ивановичу на одно лицо — просто гитлеровцами, оккупантами, которых надо бы уничтожать, но с которыми он, Кузнецов, вынужден ходить по одним улицам, веселиться в одних ресторанах, говорить на одном языке, здороваться за руку. Какими похожими ни были новые «друзья» нашего разведчика, все же они были разными, с разными судьбами, характерами и вкусами. И от его способности разобраться в них зависел и успех дела.

Кузнецов знал теперь, как следует разговаривать со старым кадровым майором, участвовавшим еще в первой мировой войне, и как с новоиспеченным лейтенантом войск СС. Знал он теперь, что, скажем, летчики и танкисты свысока относятся к пехотинцам, что фронтовики недолюбливают офицеров тыловых учреждений, что даже среди гестаповцев можно различать убежденных фанатиков фашизма и хладнокровных убийц, не имеющих никаких убеждений вообще.

Фон Ортель, если судить о нем по тому, что лежало снаружи, был, безусловно, самым любопытным человеком из всех, с кем «дружил» обер-лейтенант Зиберт в Ровно. Он выгодно отличался от многих офицеров вермахта своим кругозором, независимостью, эрудицией, остроумием. Прекрасно знал литературу и разбирался в музыке.

Однажды в присутствии Зиберта фон Ортель подозвал в ресторане какого-то человека, судя по одежде и внешности — местного, и заговорил с ним на чистейшем... русском языке. Разговор, довольно пустячный, длился минут десять. Ничем не выдав, что он понимает хоть слово, Кузнецов внимательно слушал. Николай Иванович вынужден был признать про себя, что, заговори с ним фон Ортель, скажем, где-нибудь на улице Мамина-Сибиряка в Свердловске, он бы никогда не подумал, что это иностранец. Штурмбаннфюрер владел русским языком не хуже, чем сам Кузнецов немецким.

— Откуда вы так хорошо знаете русский?— Задавая этот вопрос, первый за всю историю их знакомства, Кузнецов ничем не рисковал.

— Давно им занимаюсь, дорогой Зиберт. А вы что-нибудь поняли?

— Два-три слова. Я знаю лишь несколько десятков самых нужных готовых фраз — по военному разговорнику.

Фон Ортель понимающе кивнул.

— Могу похвастаться, что говорю по-русски совершенно свободно. Имел случай не раз убедиться, что ни один Иван не отличит меня от своего компатриота. Разумеется, если на мне будет не эта форма...

Фон Ортель захохотал. Посерьезнев, он продолжал:

— Вы производите впечатление человека, который умеет хранить секреты. Так уж и быть, признаюсь вам, что я имел случай перед войной два года прожить в Москве.

— Чем же вы там занимались?

— О! Отнюдь не помогал большевикам строить социализм.

— Понимаю...— протянул Кузнецов.— Значит, вы разведчик?

— Не старайтесь выглядеть вежливым, мой друг. Ведь про себя вы употребили другое слово: шпион. Не так ли?

Кузнецов в знак капитуляции шутливо поднял руки.

— От вас ничего невозможно утаить. Действительно, я именно так и подумал. Простите, но у нас, армейцев, эта профессия не в почете.

— И зря,— ничуть не обидевшись, сказал эсэсовец.— При всем уважении к вашим крестам могу держать пари, что причинил русским коммунистам больший урон, чем ваша рота.

Постепенно Кузнецов убедился, что фон Ортель, несмотря на свою кажущуюся привлекательность, человек страшный. Враг хитрый, коварный, беспощадный. По-видимому, эсэсовец по-своему привязался к боевому фронтовику, проникся к нему доверием, а потому и совершенно перестал стесняться.

Поначалу Кузнецова изумляло, с какой резкостью, убийственным сарказмом отзывался фон Ортель о руководителях германского фашизма. Геббельса и Розенберга он без всякого почтения назвал пустозвонами, Коха — трусом и вором, Геринга — зарвавшимся лавочником. Подслушай кто-нибудь их разговор— обоих ждала петля. А фон Ортель только хохотал:

— Что вы примолкли, мой друг? Думаете — провоцирую? Боитесь? Меня можете не бояться. Бойтесь энтузиастов без мундиров, я их сам боюсь...

Фон Ортель был абсолютным циником. Для него не существовало никаких убеждений. Он не верил ни во что: ни в церковные догмы, ни в нацистскую идеологию.

— Это все для стада,— сказал он как-то, бросив небрежно на стол очередной номер «Фелькишер беобахтер».— Для толпы, способной на действия только тогда, когда ее толкает к этим действиям какой-нибудь доктор Геббельс.

— Но почему же вы так же добросовестно служите фюреру и Германии, как и я, хотя и на другом поприще?— спросил Зиберт.

— А вот это уже деловой вопрос,— серьезно сказал фон Ортель.— Потому что только с фюрером я могу добиться того, чего я хочу. Потому что меня удовлетворяет и его идеология, хотя я в нее не верю, и его методы, в которые я верю. Потому, что мне это выгодно!

Безусловно, на отношениях фон Ортеля и Зиберта сказывалось и то немаловажное обстоятельство, что обер-лейтенант, всегда располагавший крупными суммами денег, ни в чем, по существу, не зависел от штурмбаннфюрера СС, не обращался к нему никогда ни с какими просьбами — даже самыми пустячными.

И если фон Ортель был действительно заинтересован в привлечении Пауля Зиберта к каким-то своим делам, то он, фон Ортель, должен был первым чем-то проявить свое расположение.

И штурмбаннфюрер сделал это.

...Никто из сотрудников рейхскомиссариата не знал с достаточной достоверностью, что входит в круг служебных обязанностей майора Мартина Геттеля. Никто не мог похвастаться, что был у него не то что дома, но даже в служебном кабинете. Геттель не впускал в него даже уборщицу и самолично возился с веником и совком.

Большую часть рабочего дня кабинет долговязого «рыжего майора» (так его называли за глаза) был закрыт на ключ, а его хозяин бродил вроде бы бесцельно по служебным помещениям, болтая с коллегами. Но и офицеры в более высоких чинах избегали, кроме как в случаях совсем уж крайней необходимости, обсуждать что-либо с Геттелем.

Однажды майор напросился проводить до дому нашу разведчицу Валю Довгер — мнимую «невесту» Зиберта. Общество Геттеля было мало приятно девушке, но она резонно полагала, что не стоит выказывать свою неприязнь почти незнакомому офицеру, который, как было нетрудно догадаться, мог причинить серьезные неприятности и более крупным фигурам, чем скромная делопроизводительница рейхскомиссариата из фольксдойче [1].

Поначалу Геттель был достаточно тривиален. Преподнес несколько дежурных армейских комплиментов, потом с грустью в голосе признался в одиночестве. Валя знала, что после подобных вступлений, как правило, следует предложение провести вечер в ресторане, и приготовилась уже было ответить, что ходит куда-либо очень редко и только в сопровождении жениха. И вдруг Валя поняла, что ее спутника интересует вовсе не она сама, а именно ее жених.

— Все-таки многое несправедливо в нашем мире,— жаловался Геттель.— Стоило только обер-лейтенанту Зиберту приехать в Ровно, как он сразу встретил такую прелестную девушку. А я сижу здесь уже бог знает сколько и не завел ни одного интересного знакомства...

Майор печально вздохнул и спросил:

— Ну скажите, пожалуйста, как это ему так удалось?

Внутренне насторожившись, Валя защебетала. С самым беспечным видом она пересказала давно и основательно разработанную историю своего знакомства с женихом.

Не будь у Геттеля молчаливо признанной всеми репутации соглядатая, его расспросы вполне могли бы сойти за чрезмерное любопытство, и только. Но что скрывается за этими вопросами? Обычная подозрительность профессиональной ищейки или обоснованное серьезное подозрение? Немаловажное значение имело и то, кому докладывает Геттель. Одно дело, если он просто осведомляет обо всем неладном кого-либо из высших чиновников РКУ, другое дело — абвер, и уж совсем другое — если гестапо, или СД.

В любом случае Валя понимала: нужно немедленно предупредить Кузнецова.

Между тем как ни растягивал Геттель дорогу, они подошли к дому Вали. Прощаясь, «рыжий майор» выразил надежду, что фрейлейн Валентина устроит ему при случае встречу с обер-лейтенантом.

Валя обещала...

В тот же вечер девушка подробно, не пропуская ни малейшей детали, передала Николаю Ивановичу содержание тревожного разговора.

Командованию отряда было над чем задуматься. С одной стороны, ничто, кроме расспросов Геттеля, не давало основания полагать, что Зиберт выслежен и разоблачен. Иначе не гулять бы ему уже по улицам Ровно, а сидеть на Почтовой, 26, где размещалось гестапо.

С другой стороны, могло быть и так: гитлеровцы «зацепили» его, но не имеют пока серьезных доказательств, что перед ними советский разведчик, и выжидают. Против этого соображения говорило то, что вряд ли в таком случае гестаповец стал бы действовать столь прямолинейно.

Наконец, имела право на существование и третья — самая правдоподобная — версия, что Мартин Геттель вел непонятную пока игру самостоятельно, до поры до времени никого в нее не посвящая. Тщательно взвесив все «за» и «против», мы склонились в пользу третьей версии и рекомендовали Кузнецову пойти на встречу с Геттелем, не теряя, разумеется, благоразумия.

И вот тут-то фон Ортель и сделал шаг, который в условиях фашистской Германии, где соглядатайство было нормой поведения, должен был быть расценен как высшее проявление дружбы и доверия.

— Не нравится мне этот майор Геттель из рейхскомиссариата,— сказал как-то Зиберт фон Ортелю.— Уж слишком он часто провожает Валю. Я, конечно, не ревную, но моей невесте его ухаживания неприятны.

Фон Ортель внимательно посмотрел на Зиберта и после минутного раздумья сказал:

— Я вполне разделяю неприязнь фрейлейн Валентины к этому ее поклоннику. Я ваш друг, Пауль, поэтому желаю вашей невесте держаться подальше от Геттеля. Я встречал этого парня в «доме Гиммлера» на Принц-Альбрехтштрассе. Прикажете разъяснить, что это значит?

Разъяснений не требовалось. Вся Германия содрогалась при простом упоминании этого адреса. На Принц-Альбрехт-штрассе, 8, в Берлине размещалось главное управление гестапо

---

[1] Так гитлеровцы называли местных жителей немецкого происхождения.

и СД. Значит, Геттель действительно гестаповец!

Николай Иванович теперь не сомневался, что раз Геттель завел разговор о нем с Валей Довгер, он непременно попытается прощупать и других его знакомых. Этот прогноз подтвердился уже на следующий день: «рыжий майор» вызвал к себе Лидию Лисовскую.

— Должен вас предупредить,— начал он,— что содержание нашего разговора строго конфиденциально и не имеет никакого отношения к факту нашего личного знакомства. Вы поняли меня?

Лидия поняла.

Утвердительно кивнув, Геттель продолжал:

— Что известно вам или вашей сестре об обер-лейтенанте Зиберте?

Пожав плечами, Лидия рассказала все, что считала нужным. Следующий вопрос Геттеля был довольно неожиданным:

— Не говорил ли Зиберт вам что-нибудь об Англии?

Лидия недоуменно переспросила:

— Об Англии? Никогда! Почему он должен говорить со мной об Англии? У нас достаточно других интересных тем для бесед.

Геттель был упрям.

— В таком случае, может быть, он употреблял иногда в разговоре английские слова?

Лидия рассмеялась.

— Но я не знаю английского языка... Насколько мне известно, Пауль говорит только по-немецки... Правда, он знает несколько десятков польских и украинских слов. Но их

Н. И. Кузнецов в форме немецкого офицера.

знают все немецкие офицеры, кто здесь служит...

Геттель задумался. Наконец он пришел к какому-то решению.

— Я попрошу вас сделать следующее, фрейлейн. Попробуйте как-нибудь в разговоре с Зибертом вроде бы случайно употребить словечко «сэр». Приглядитесь, как обер-лейтенант прореагирует на такое обращение, и доложите мне.

Дав понять, что разговор окончен, Геттель встал со стула и рявкнул:

— Хайль Гитлер!

Теперь уже все прояснилось. Сам того не ведая, майор Мартин Геттель раскрыл перед нами свои карты. По-видимому, он почему-то решил, что обер-лейтенант Пауль Вильгельм Зиберт является... английским разведчиком, агентом пресловутой Интеллидженс сервис.

Мы поняли, конечно, почему Геттель, подозревая Зиберта в шпионаже, не пытался его задержать, а стремился к личному знакомству. По-видимому, майор, будучи по роду службы человек достаточно хорошо информированный о положении на фронтах, понимал уже, что гитлеровская Германия войну проиграла, что близкий крах неизбежен, а вместе с ним неизбежна и расплата за преступления, совершенные фашистами и лично им на советской земле. И этот продажный шпион решил заранее войти в контакт с английской разведкой, чтобы, переметнувшись вовремя на ее сторону, уйти от возмездия.

Он логично рассчитывал, что «английский шпион» Зиберт оценит его молчание по достоинству и замолвит за него, майора Геттеля, несколько добрых словечек перед своим начальством в Лондоне. А там — не все ли равно, кому служить, Германии или Англии, лишь бы спасти свою шкуру... Не он, Геттель, первый, не он последний... А коли так — следовательно, Геттель не мог ни с кем из своего начальства поделиться подозрениями о личности обер-лейтенанта Зиберта.

Было решено: Николай Иванович Кузнецов пойдет на встречу с майором Геттелем, чтобы использовать сложившуюся ситуацию в интересах советской разведки.

Встреча, к которой так стремился гестаповец, состоялась 29 октября 1943 года на квартире Лидии Лисовской. Геттель держался чрезвычайно дружелюбно, всячески старался показать свое расположение к новому знакомому, расточал комплименты в адрес невесты обер-лейтенанта.

— Фрейлейн Валентина — всеобщая любимица в рейхскомиссариате,— с умилением говорил он.— Предлагаю тост за ваше счастье, Зиберт!

Когда выпили еще по нескольку рюмок, Кузнецов встал и, словно эта мысль только что пришла ему в голову, предложил:

— А не встряхнуться ли нам сегодня как следует по поводу знакомства, господин майор? — И, смеясь, добавил: — Если вы гарантируете, что моя невеста ничего не узнает, то мы можем превосходно провести время в обществе двух очаровательных дам...

Геттель все понял сразу. Зиберт, конечно, не станет приглашать случайного знакомого на холостяцкий кутеж с дамами, видимо, разговор пойдет на интересующую обоих тему. Он, разумеется, согласился.

Офицеры распрощались с Лисовской и вышли из дома. При виде хозяина невысокий, коренастый шофер-солдат услужливо распахнул дверцу автомобиля.

— Николаус!— Зиберт неопределенно помахал ладонью.— Едем, маршрут обычный.

Струтинский нажал на стартер, и машина мягко тронулась с места.

Кузнецов вез Геттеля на квартиру надежного человека — нашего подпольщика Леонида Стукало. Но от этого варианта пришлось отказаться. На улице поблизости от дома Стукало что-то случилось, собралась толпа, прибыла уголовная полиция.

«Этого не хватало!— с досадой подумал Кузнецов.— Придется перестраиваться». И Николай Иванович приказал Струтинскому ехать по другому адресу: улица Легионов, 53.

— Мы возвращаемся?— с удивлением спросил Геттель.

— Нет, просто я хотел заехать за одной дамой, она здесь живет, но в последний момент вспомнил, что она уже должна быть у подруги,— сказал Кузнецов первое, что пришло в голову.

...Роберт Глаас был ничем не примечательным сотрудником «Пакетаукциона»—весьма характерного оккупационного учреждения, специально занимающегося отправкой в Германию посылок с продовольствием и вещами, награбленными гитлеровцами у населения. Глаас считался ревностным служакой, исполнительным, услужливым, хотя и не хватающим звезд с неба. У начальства был на хорошем счету.

Начальника «Пакетаукциона» генерала Германа Кнута—второго заместителя рейхскомиссара Украины Эриха Коха,— должно быть, хватил бы апоплексический удар, если бы он узнал, что этот скромнейший из его офицеров на самом деле голландский коммунист-подпольщик, связанный с нами и оказавший нам уже ряд услуг.

На его-то квартиру и решил ехать Кузнецов после того, как отпал дом Леонида Стукало.

Глаас встретил неожиданных гостей приветливо. Быстро накрыл на стол. Кузнецов снял портупею с кобурой, велел Струтинскому повесить ее на гвоздь за шкафом, предложил разоблачиться и Геттелю. Нехотя майор тоже освободился от оружия.

— Мои приятельницы, видимо, немного задерживаются,— улыбаясь, сказал Зиберт,— давайте выпьем пока, господин майор, чтобы не терять времени зря.

Геттель не возражал, и Николай Иванович налил в рюмки яичный ликер. Постепенно развязался многозначительный разговор, с взаимными намеками, тонкими иносказаниями.

Неизвестно, чем бы кончилась эта дипломатическая игра Кузнецова с Мартином Геттелем, если бы Николай Струтинский не совершил ошибки. Совсем небольшой. Пустячного промаха. Но в разведке крупные и не нужны. Обычно вполне достаточно бывает и пустячных. Николай Струтинский, когда Кузнецов на минуту вышел в кухню вымыть руки, без разрешения подсел к столу...

Майор Геттель осекся на полуслове. Немецкий солдат, к тому же поляк по национальности, никак не мог бы позволить себе сесть за офицерский стол, даже если бы его позвали. Но подобной фамильярности не потерпит и кадровый английский офицер! А только им в представлении Геттеля и был обер-лейтенант Пауль Зиберт!

Значит... Значит, Зиберт не агент Интеллидженс сервис. Но в таком случае кто же он? Неужели советский разведчик?! В глазах Геттеля мелькнул ужас. Он рванулся к своей портупее.

Через полминуты Геттель был скручен и крепко привязан к стулу. Побелевшего от страха майора непрерывно била нервная дрожь. На лбу выступили крупные капли холодного пота.

Игра отменялась. Теперь Николаю Ивановичу не оставалось ничего другого, как, отбросив маскировку, просто допросить гитлеровского контрразведчика. Пытаясь вымолить себе жизнь, Геттель рассказал все, что знал.

— Кто такой штурмбаннфюрер Ортель?— спросил Кузнецов.

— Этого я сказать не могу...

— Повторяю вопрос: кто такой Ортель?— Кузнецов повысил голос.

— Но я этого действительно не знаю!— истерически вскрикнул Геттель.— Это не известно никому!

— Даже доктору Йоргенсу, начальнику СД?— с иронией спросил Кузнецов.

— Даже ему! Я знаю только одно, что у штурмбаннфюрера Ортеля огромные полномочия от Главного управления имперской безопасности в Берлине. Он имеет право, минуя все инстанции, лично связываться с группенфюрером[1] СС Миллером и группенфюрером СС Шелленбергом.

Кузнецов чуть было не присвистнул. «Ого! Значит, фон Ортель действительно птица крупного полета».

— Каково же его официальное положение в Ровно?

— Не знаю. С нами он почти не имеет никаких дел. У него есть нечто вроде конторы на Немецкой улице, 272. Под видом частной зубоврачебной лечебницы. Два или три раза к нему приезжали из Германии какие-то люди. Иногда он по собственному выбору увозил к себе арестованных из гестапо. Никто из них обратно не вернулся. Для чего они были нужны фон Ортелю и что он с ними сделал, мне неизвестно.

Кузнецов видел, что Геттель не врет. Он понимал, что местные гестаповцы, судя по всему, ничего не знали о секретной деятельности Ортеля в Ровно. Ничего интересного майор больше рассказать не мог. В заключение Николай Иванович задал ему все же еще один вопрос:

— Почему вы решили, что я англичанин?

— Никак не думал и не мог предполагать, что у русских могут быть такие разведчики,— мрачно буркнул Геттель.

На следующий день майор Мартин Геттель не явился в рейхскомиссариат. Не вышел он на работу и послезавтра. Курьер, посланный к нему на дом, нашел пустую квартиру, в которой, судя по тонкому слою пыли на мебели, несколько дней уже никто не жил...

(Окончание следует.)

[1] Соответствовало званию генерал-лейтенанта в армии.

Е. ВЕЛТИСТОВ

Рассказ

ГОВОРЯЩИЙ ЯЩИК ИЗ-ПОД МОРОЖЕНОГО

На улице, у аптеки, объявился говорящий ящик.

Первым узнал об этом электрик Пахомов. Он шел с работы и возле аптеки услыхал тихий, жалобный вой. Пахомов сразу догадался, что это ребята посадили в ящик из-под мороженого кошку. Он обязательно освободил бы ее, если бы в этот момент ветер не сбросил с балкона на втором этаже, прямо над вывеской «Аптека», горшок с кактусом.

Горшок трахнулся об асфальт, брызнув во все стороны осколками. И в этом тоже не было ничего особенного: так всегда падают цветочные горшки, когда их сбивает ветер. Тем более что ничего страшного не случилось: кактус только царапнул электрика по щеке.

Но у Пахомова еще с утра было плохое настроение. Вернее, с того момента, когда на одной темной лестнице, где он менял старые пробки, ему на голову упал железный щиток.

Поэтому Пахомов сначала изумился роковому стечению обстоятельств. Потом он вспомнил всех чертей, погрозил в темное окно, ткнул ботинком невинный кактус и пошел прочь. Он, конечно, забыл про несчастную кошку.

За спиной Пахомова кто-то громко чихнул и заорал хриплым голосом:

— Огонь! Пли! Огонь!

Пахомов оглянулся. Но никого не увидел. Никого, ни души. Это показалось ему странным.

И только во дворе он подумал, что в ящике совсем не кошка. Возвращаться Пахомову было лень, да еще голова трещала от боли, и он просто рассказал девочкам, скучавшим у подъезда, что вот-де, мол, у аптеки стоит говорящий ящик.

Электрик ошибся только в одном: то, что он принял за кошачий вой, на самом деле было пение.

Максим, который давно уже сидел в ящике, решил, что так приятнее проводить время. Вообще-то Максим поет не очень скверно. Столь жалобный звук получился, наверно, из-за тесноты. Даже заслуженный артист республики вряд ли спел бы хорошо, если бы его колени упирались в подбородок, а макушка касалась холодной железной крышки.

Но это так, к слову. Заслуженных артистов, конечно, никто не ставит в такое неудобное положение. А Максим залез в ящик сам.

Почему? Из-за куртки, которую мама просила надеть в прохладный весенний вечер. Спор был очень длинный, и вряд ли стоит передавать его во всех подробностях. И так ясно, почему Максим сбежал от мамы и уединился. Его поймут все, кто проводил самые горькие и самые счастливые минуты своей жизни под столом.

Когда рядом с ящиком что-то хлопнуло и кто-то закричал про чертей, Максим решил, что это на его корабль нападают пираты. И он заорал что есть силы: отдавал команды бомбардирам, офицерам, лихим матросам. Ну и нагнал он страху на морских разбойников!

Вот меткий выстрел Максима сорвал черный флаг с черепом! Пиратский корабль накренился. Еще залп — и разбойник пошел ко дну!.. Только одноглазый пират с саблей в зубах успел вскочить в шлюпку и скрылся в ночной тьме.

Тишина опустилась на море... Качаются на волнах одни щепки да грязные обрывки флага. И где-то там, в большом море, плывет одноглазый, без паруса, без весел, гребет себе саблей...

И Максиму стало очень жалко одинокого побитого пирата.

И только он его пожалел, как в крышку над его головой кто-то постучался. И тоненький голосок спросил:

— Эй, кто там?

— Прочь! — страшным голосом заорал Максим.— Я грозный пират Громобой! Я зарублю всех саблей! Еще шаг, и тебя ждет смерть!

Молчание было ему ответом... Раздался шепот... Вдруг кто-то всхлипнул. А потом: так-так-так-так-так-так! — быстро простучали по асфальту сандалии и стихли вдали.

— Девчонки! — догадался Максим, махнул рукой и ушиб пальцы.

Михаил КУДИНОВ

МЫЛЬНЫЙ ПУЗЫРЬ

Мы такие сильные!
    Посмотри,
Мы пускаем мыльные
    Пузыри.
Как подуем — дом дрожит.
    Ну и силища!
Не пузырь в окно летит,
    А пузырище.
И над улицей паря,
    Он красуется,
И глаза у пузыря
    Гордо щурятся,
И пузырь на нас глядит
    Вызывающе.
«Мне теперь вы,— говорит,—
    Не товарищи».
Мы словами пузыря
    Огорошены...
Мы его надули зря:
    Нехороший он.

КАК МЫ ИГРАЛИ В БОЛЬНИЦУ

Играли мы в больницу...
И с криком «Будь здоров!»
Больные в той больнице
Лечили докторов.

Лечили их, лечили,
Покуда доктора
С постели не вскочили
И крикнули: «Ура!

Не будем докторами!
Довольно! Ваш черед!
Теперь больны мы сами,
А вы — наоборот».

И вновь игра в больницу
Пошла без лишних слов.
Больные в той больнице
Лечили докторов.

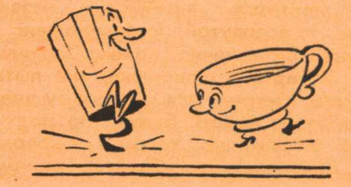

ПЕТЯ-ПЕТУШОК

Петя, Петя-Петушок
Петь, петь не умел,
Только Петя-Петушок
Все равно пел, пел.
Пел без голоса и слуха,
А на ветке филин ухал:
«Вот так пенье — ух! ух! —
Замолчал бы ты, петух.
Никакого нет терпенья,
Это пытка, а не пенье,
Даже пень — ох! ох! —
Не стерпел — оглох.
И сидит он у дороги,
В теплый мох укутав ноги,
Для него что ночь, что день:
Днем он пень и ночью пень.
А в траве живет букашка,
Ей и днем и ночью тяжко,
Потому что — ах! ах! —
У нее звенит в ушах,
И с утра болит головка,
И ужасно ей неловко,
Что так плохо — ух! ух! —
Ты поешь, пе—тух».

ЧАШКА

Забыли посуду
Убрать со стола.
Там были стаканы
И чашка была.
Стояла, скучала
И плакала чашка:
«Ах, я бедняжка!
Ах, как мне тяжко!
Ах, надоело
Стоять и скучать!
Хочу веселиться,
Хочу танцевать!
Мне музыку дайте!»
И радио сразу
Фокстрот заиграло,
Как по заказу.
Подпрыгнула чашка,
К стакану идет,
И стали скакать они
Взад и вперед.
Скакали, скакали
И на пол упали,
Разбились в куски...
А меня наказали,
Как будто скучала
Не чашка, а я.
Как будто разбиться
Нельзя без меня.

Наверно, он долго сидел бы в этом уютном железном ящике, но на него внезапно напал чих. Да такой свирепый чих, что Максим решил переменить место жительства. А то мама скажет: «Вот видишь, я была права. У тебя жуткий насморк!» И тогда не докажешь, что этот пустяковый насморк от железа, а вовсе не оттого, что он был без куртки.

Содрогаясь всем телом, пират вылез из ящика и увидел невдалеке новый корабль, лучше прежнего. Под фонарем стоял еще один ящик, старый фанерный футляр с теми же буквами: «М-о-р-о-ж-е-н-о-е». Залезть в него было еще легче. Этот ящик просто стоял вверх дном на асфальте.

Через минуту Максим возлежал под футляром и продолжал свое путешествие в полной темноте и приятном одиночестве. Он лежал, упершись головой и ногами в шершавые стенки, скрестив руки на груди, и наслаждался полетом в пустом черном космосе. Его ракета день за днем пожирала пространство—миллионы километров пустоты, а звезды все так же далеко светили за стеклом иллюминатора. И он имел время отдохнуть, поразмыслить, подумать. О своей жизни. О земле и людях. О своем дворе и о маме.

Он действительно глубоко задумался и не слышал сцены, разыгравшейся у железного ящика из-под мороженого.

К тому ящику подошли притихшие девчонки, а с ними пришел участковый милиционер дядя Миша. Девочки уже все рассказали про чудной ящик и страшного пирата по фамилии Громобоев, который там притаился. Потом милиционер, приблизившись к ящику, решительно откинул крышку и заглянул внутрь. Он даже сунул туда голову, и девочки затаили дыхание. Но ничего страшного не последовало. Ящик был пуст, как всякий пустой ящик, и они тоже в этом убедились.

Девочки чувствовали себя неловко. Они стали обвинять друг друга в панике. И тут их оправдал очень странный случай.

У фонаря, шагах в тридцати от аптеки, разговаривали две женщины. Они говорили давно, и одна из них поставила бидон с молоком на зеленый облупившийся футляр. Потом женщины стали прощаться, и владелица бидона протянула руку за своим молоком. Рука прошла сквозь пустоту. Женщина оступилась, чуть не упала. Она обернулась, тихо ахнула.

— Боже мой! Куда он?

Милиционер сразу же услыхал эти слова. Он как-то весь насторожился, подтянулся и медленно пошел к фанерному ящику. Он видел, что ящик тихо двигается. Так тихо, что бидон даже не покачнется, но достаточно заметно для опытного милицейского глаза.

— Минуточку,— обращаясь сразу ко всем, сказал милиционер.

Ящик замер.

Милиционер нагнулся и осторожно постучал в перевернутое дно.

— Можно?— спросил он мягким голосом.

— Можно!— ответил ящик.

Девочки остолбенели. А милиционер составил бидон на тротуар, нагнулся и поднял футляр над головой.

Максим уже стоял, засунув руки в карманы штанов.

— Так,— сказал участковый милиционер и опустил футляр.— Что вы здесь делаете, гражданин?

— Летал,— буркнул Максим.

— Понятно,— сказал участковый.— Из какой квартиры?

— Сто двадцать шестой!

— Значит, это вас искала по всему двору мама,— вежливо продолжал дядя Миша и скомандовал:— А ну, марш домой!

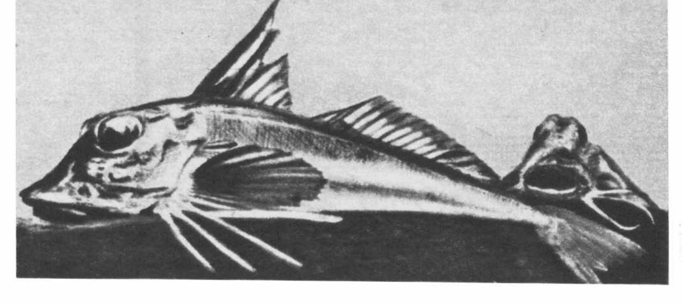
Максим рванулся с места и до самого подъезда бежал без оглядки.

Конечно, он совсем не испугался участкового дядю Мишу. Наоборот, он хотел ему достойно ответить, но в этот момент почувствовал острое щекотание в носу. И он убежал, чтоб не смеялись девчонки, как он долго чихает и не может вымолвить ни слова.

А девчонки все равно смеялись, когда Максим убежал, стреляя носом, как пулемет, а дядя Миша сказал:

— Вот вам и пират! Будет знать, как не слушать маму. Насморк обеспечен!

Забавные мелочи

СВАДЬБА СОСТОЯЛАСЬ

Недавний разлив Дуная, затопившего прибрежные города и села, не помешал молодой австрийской паре обвенчаться. Невеста и жених отправились в ратушу в лодке.

ТРИГЛА

Так называется рыба, случайно попавшая в сети в Баренцовом море. Обычно триглы живут в тропических морях. Опускаясь на дно, они засовывают свои пальцевидные иглы под камни и добывают там пищу. На иглах рыбы ходят по дну, как на ходулях.

Семейство тригл большое. Их окраска самая разнообразная.

Случаи захода триглы в северные моря очень редки. Один из видов тригл живет в Черном море.

О. РУМЯНЦЕВА

Ленинград.

БИТВА НА СТОЛЕ

По случаю 150-летия битвы при Ватерлоо одна английская фабрика с помощью оловянных солдатиков воспроизвела в миниатюре события 1815 года.

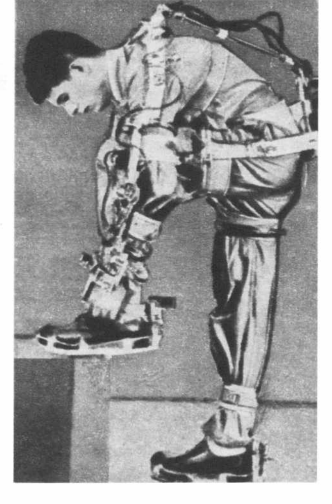
ЖЕЛЕЗНЫЕ МУСКУЛЫ

Железные конструкции прикреплены к телу человека особыми кольцами. Небольшие гидравлические приспособления с электромоторами усиливают каждое мускульное напряжение, а арматура обеспечивает дополнительную опору. Американские конструкторы полагают, что такое приспособление позволит человеку поднимать тяжести до 450 килограммов.

СТОЛКНОВЕНИЯ С КИТАМИ

Столкновения морских судов с китами и даже нападения этих животных на суда случались далеко не редко. Так, например, в марте 1963 года в Тихом океане три морских исполина атаковали советский дизель-электроход «Ярославль». Сначала киты шли параллельно курсу судна, а затем внезапно ринулись к нему и стали бить в кормовую часть корпуса. О силе этих ударов можно судить по счетчику лага, показавшему увеличение скорости судна с 15 до 18 узлов.

В прошлом году произошел исключительный случай. Противником десятиметрового кита был английский пассажирский лайнер «Иберия», длиной 218 метров и водоизмещением в 26 600 тонн. Встреча судна с китом произошла в 180 милях северо-западнее Фремантле. Удар исполина о корпус «Иберии» оказался весьма ощутимым. Лайнер задрожал, и создалось впечатление, что он налетел на риф или скалу. Перепуганные пассажиры успокоились только тогда, когда увидели истекающего кровью кита.

ТВИСТ НА КЛАДБИЩЕ

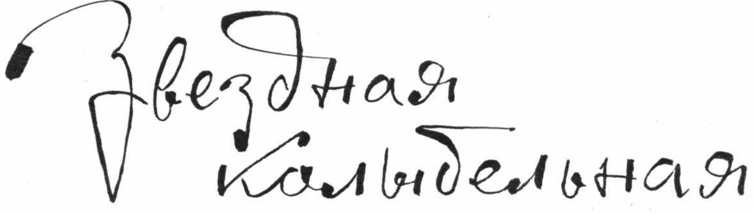
Духовный отец города Лутона (Англия) не на шутку обеспокоен тем фактом, что молодежь все реже посещает его проповеди. После долгих раздумий священник решил устроить танцевальный вечер на приходском кладбище. По всему городу были расклеены афиши. В назначенное время старинное кладбище потрясли звуки твиста, и более двух тысяч молодых людей, возглавляемых священником, пустились в пляс среди надгробных памятников. Веселье продолжалось до утра.

ТРЕХЛЕТНЯЯ ЧЕМПИОНКА

В Испании состоялись соревнования по плаванию среди детей. Сенсацией состязаний оказалось выступление трехлетней Изабелиты Доста. Результаты маленькой пловчихи были значительно выше, чем у ее старших соперниц. Девочка в воде чувствует себя буквально как рыба. Достаточно сказать, что в два года Изабелита плавала лучше, чем ходила. На снимке: юная спортсменка со своим тренером.

Звездная колыбельная

Стихи Эдмунда ИОДКОВСКОГО. Музыка Эрнста МАНВЕЛЯНА

Мой мальчик спит...
Прохладой дышит лето,
окна раскрыты,
тихо в саду...

Пускай тебе приснятся
звезды и планеты,
помни: мама верит
в твою звезду! } *2 раза.*

Мой мальчик станет
сильным и отважным,
крепко полюбит
край свой родной...

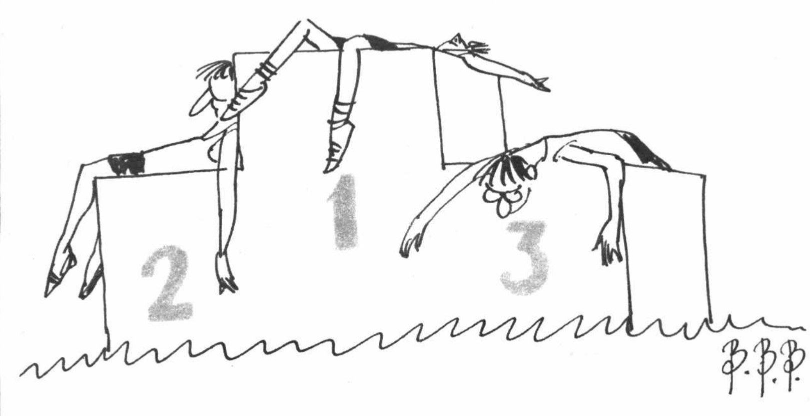
И все же звездной ночью
скажет он однажды:
«Мама, я не скоро
вернусь домой...» } *2 раза.*

Ты лунный вымпел
для меня достанешь,
и до Венеры
ты долетишь,

и камушками с Марса
ты набьешь карманы,
звездный путешественник,
мой малыш! } *2 раза.*

Когда мой сын
по дому затоскует,—
к маме на Землю
вновь прилетит.

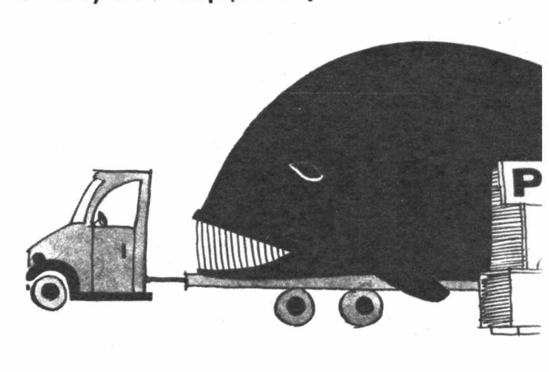
Усталого героя
на руки возьму я...
Тише, звездолеты,
мой мальчик спит... } *2 раза.*

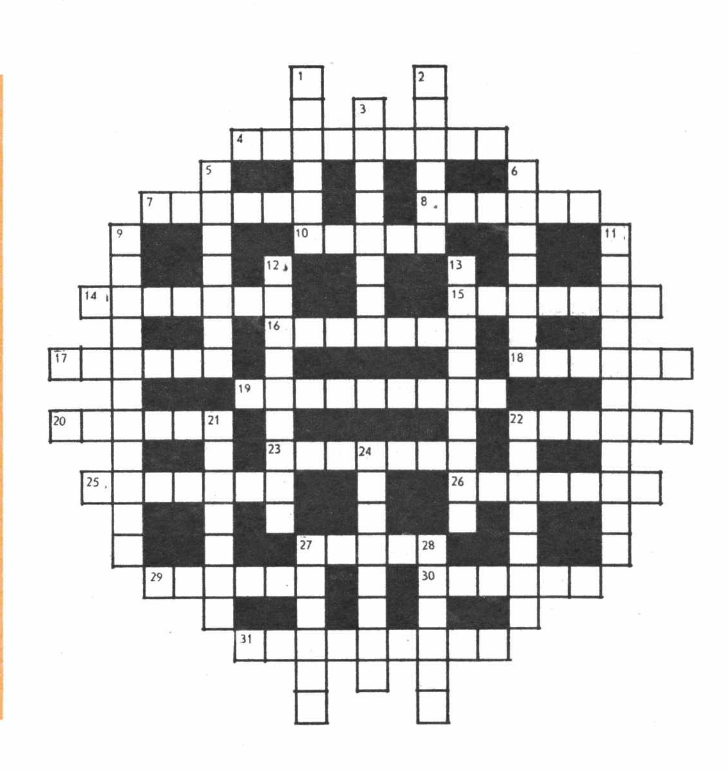
Победители марафона.
Рисунок В. Воеводина.

Заколдованный круг.
Рисунок Г. Пирцхалавы.

КРОССВОРД

Последняя надежда.
Рисунок В. Тамаева.

— В мужском ателье я недавно, а вообще я большой мастер по ползункам.
Рисунок В. Воеводина.

— Триста граммов, бабушка, мы не отрезаем. Бери целиком.
Рисунок В. Воеводина.

По горизонтали:

4. Советский композитор. 7. Рассказ А. П. Чехова. 8. Приток Лены. 10. Экваториальное созвездие. 14. Лабораторный сосуд. 15. Поток воды, падающий с высоты. 16. Нить для изготовления пряжи. 17. Пчелиное хозяйство. 18. Толстая бумага. 19. Опера Р. Вагнера. 20. Шлифовальный, точильный камень. 22. Роман К. Седых. 23. Старая русская мера объема сыпучих веществ. 25. Североамериканский черный медведь. 26. Областной центр в УССР. 27. Река в Англии. 29. Фигура высшего пилотажа. 30. Небольшая ария. 31. Хищная птица.

По вертикали:

1. Мексиканский живописец и график. 2. Остров на Байкале. 3. Русский писатель. 5. Комедия А. Н. Островского. 6. Водопровод, сооруженный в виде моста. 9. Справочник цен. 11. Советская кинокомедия. 12. Озеро в горах Южного Алтая и Казахстана. 13. Государство в Латинской Америке. 21. Сорт тыквы. 22. Письменное или устное соглашение. 24. Летчик, Герой Советского Союза. 27. Древко смычка. 28. Французский актер-трагик.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 32

По горизонтали:

5. Цхалтубо. 6. Проспект. 9. Бурденко. 10. Колошник. 11. Эхолот. 13. Львов. 14. Ананас. 18. Физули. 19. Полька. 20. Сомали. 21. Никель. 24. Стасов. 26. Поэма. 27. Мимоза. 28. Мастерок. 29. Нейтрино. 30. Скафандр. 31. Палеолит.

По вертикали:

1. Фамусов. 2. Кувейт. 3. Сорока. 4. Медиана. 7. Вольтижировка. 8. Аккомпанемент. 12. Ориноко. 15. Николаи. 16. Судак. 17. «Алеко». 22. Караван. 23. Корнель. 25. Вьенна. 27. Мотыль.

ДВУНОГИЕ ВОЛКИ

Каждый день, каждая ночь казались им годом — так мучительно долго тянулось время. Они вставали на рассвете, с тяжелой от бессонницы головой, осторожно раздвигали вход в землянку и прислушивались: не хрустнет ли где сучок, нет ли вблизи человека? Они жили, как дикие звери, как трусливые шакалы, боялись людей. И так день за днем, год за годом. Давно отгремели залпы победного салюта, восстановлены все разрушенные города, а для этих война все еще не кончилась, эти ни на минуту не забывали о возмездии, которое их ждало.

...1941 год. Гитлеровские полчища рвались к Москве и Ленинграду. Но уже полыхали за спиной врага партизанские костры. Много партизанских отрядов действовало и в Псковской области. Люди брались за оружие, уходили в леса. Но были и такие, что шли на службу к гитлеровцам. Так предал Родину Терентий Иванов из колхоза «Новая жизнь».

Оккупанты назначили его старшиной Усмынской волости. Вскоре при его содействии был организован полицейский отряд, а сам старшина удостоился «высокой чести» — получил из рук гитлеровцев карабин.

Все приказы своих хозяев старшина выполнял четко и безоговорочно — сдавал оккупантам колхозный скот, продукты, участвовал в боевых операциях против партизан. Но недолго ходил он в фашистских холуях.

* * *

...Прийти бы старшине с повинной, вымолить разрешение кровью своей смыть позорное пятно. Но нет, слишком силен был страх перед возмездием. И он решил уйти в подполье. Беглеца приютила в своем доме Софья Жаворонкова. Когда ее сын Василий получил повестку о призыве в Советскую Армию, Терентий сказал: «Не ходи, отсидись лучше дома. Война есть война, еще убить могут». И Василий остался. А тут еще объявился сын Иванова, Владимир, дезертировавший из Советской Армии.

И вот в июле 1942 года все трое решили скрыться в псковских лесах. Осенью построили землянку, запаслись продуктами и стали, как медведи в берлоге, ожидать весны.

То ли совесть заговорила у Жаворонкова, то ли до смерти опостылела ему звериная жизнь, но задумал он выйти из леса. Будь что будет. Оказалось, что это не так-то просто сделать. Отец и сын Ивановы начеку: «Уйдет — выдаст!» Пытались уговорить Жаворонкова, пугали его: «Строго накажут». А он все свое: «Уйду!»

Спустя много лет Владимир Иванов показал на следствии:

«...Мы все трое голодали. Жаворонков голод переносил плохо и стал говорить, что уйдет из леса домой и будет скрываться дома у матери. Мы его отпускать не хотели, так как опасались, что, во-первых, если он уйдет, то нас могут найти по следу, а во-вторых, если его поймают, то он выдаст, где мы находимся, нас заберут и расстреляют. Мы знали, что время военное, и на другое не рассчитывали. Мы говорили Жаворонкову, что ему нельзя уходить, угрожали ему, но он настаивал на своем и пытался тайком убежать.

Мы вынуждены были принять соответствующие меры: привязывали его ремнем за руку, а конец ремня — к своим ногам с тем, чтобы проснуться, если Жаворонков захочет уйти ночью. К двери приставляли пилу и другие предметы, которые должны были вызвать шум, если Жаворонков будет открывать дверь. Топор и нож мы на ночь выносили с тем, чтобы Жаворонков не мог нас убить. Ботинки его прятали, из землянки одного не выпускали».

Все же Василию удалось наконец покинуть волчье логово. Но уже мертвым. В ночь на 18 января 1943 года Владимир Иванов по приказу отца убил Василия. Труп отнесли в лес и зарыли в снег.

Отец с сыном остались вдвоем. На долгие, томительные годы. Двуногие волки выходили из леса, лишь когда их одолевал голод. Они грабили колхозные амбары, фермы, уносили зерно, резали овец и телят. Постепенно становились смелее. Чтобы оборудовать землянку с комфортом, унесли со стройки шифер. Ограбили сельпо, взяв два ящика с вином. Крали молочные бидоны с ферм, картошку, мед. Из сельского клуба унесли патефон с пластинками, из школьной библиотеки — книги.

За двадцать с лишним лет волчьей жизни отец и сын стали грабителями-профессионалами. Они старались не оставлять следов и на промысел выходили всегда с оружием в руках. Несколько раз их замечали колхозники, но Ивановы тотчас же убегали, отстреливаясь на ходу. С 1954 года они не общались даже с родственниками.

Так они скитались по лесам дни, месяцы, годы. Изредка находили листовки, которые оставляли для них работники милиции. Листовки разъясняли, что по Указу Президиума Верховного Совета СССР об амнистии Ивановы не будут нести уголовной ответственности ни за измену Родине, ни за дезертирство. Но бандиты не верили никому и ничему. Глубже в лес, в непролазные чащи, подальше от людей.

Осенью прошлого года логово двуногих зверей обложили работники Псковского управления охраны общественного порядка. В глухом, нехоженом лесу очень трудно было найти эту тщательно замаскированную берлогу. Во время перестрелки Владимир Иванов был ранен. И преступники сдались.

Бородатые, грязные, в одежде, кое-как сшитой из овчины, они потеряли человеческий облик и напоминали двуногих зверей.

Недавно бывший фашистский прихвостень и бывший дезертир, ставшие ворами и убийцами, предстали перед судом. Военный трибунал Ленинградского военного округа приговорил обоих Ивановых за убийство, за систематические грабежи и кражи к длительному тюремному заключению.

А. МИЧУРИН,
А. ЧУВИЛЕВ

А. КОЛОДНЫЙ
Фото А. БОЧИНИНА.

Сначала немного истории. Год назад к многочисленным спортивным федерациям прибавилась еще одна — Федерация воднолыжного спорта. Тот день стал днем официальной «прописки» этого вида спорта в нашей стране.

Конечно, не стоит думать, что только после этого события у нас появились гонщики. Находились и раньше чудаки — так их тогда называли, — испытывавшие свое счастье на глазах у изумленной публики. Установить точно, кто, когда и где рискнул первым это сделать, почти невозможно. Да и есть ли в этом необходимость?

Любителям же познавательного мы можем предложить некоторые сведения из общей истории этого вида спорта. Знатоки утверждают, что он зародился на Гавайских островах. Тогда не было катеров. Человек ложился на доску и заплывал в зону больших волн. Затем взбирался на гребень, вставал во весь рост и мчался, увлекаемый волной.

Цивилизация не обошла своим вниманием водные лыжи, подарив быстроходные катера и предложив взамен досок более совершенную конструкцию лыж. И вот теперь летящий по волнам лыжник — картина самая обыденная. У нас этим видом спорта занимаются тысячи.

Больше того, немало таких, которые изменили ранее избранному футболу, гимнастике, легкой атлетике, велосипеду. Действительно, искушение настолько велико, что устоять трудно, надо только один раз увидеть мчащийся катер, а за ним на гребне кипящего буруна лыжника. Он летит с грациозностью балерины, едва касаясь волн. Только шлейф брызг переливается на солнце всеми цветами радуги. Невероятно легко! Кажется, встал и полетел...

Но, как говорится, первое впечатление всегда обманчиво. Опрометчивым, которые заявляли: «Ну, что тут особенного, я так тоже могу»,— предоставляли все необходимое для дебюта. Как правило, он завершался упражнением, которое сами спортсмены коротко формулируют так: «Мах на солнце, бух под воду».

Да, чтобы научиться мчаться на водных лыжах, требуется многое: ловкость, расчетливость, добытые ценой огромного труда и тренировок. Прежде чем «вступить» на воду, спортсмены проходят насыщенную подготовку. Здесь и общефизические упражнения и специальные станки, помогающие отрабатывать координацию движений, развивать мышцы ног и рук.

Несмотря на младенческий возраст, водные лыжи успели обрести своих приверженцев в 60 городах Советского Союза. Есть уже и свои традиционные состязания. А недавно на Химкинском водохранилище спортсмены разыграли первый чемпионат страны. Состязания проводились по водному слалому (на двух и одной лыже) и прыжкам с трамплина. Внимательно следили тренеры за выступлениями своих питомцев.

Мы познакомились с одним из тренеров, доктором физико-математических наук Алексеем Алексеевичем Тяпкиным. В Дубне он был в числе первых, кто решил «пешком ходить по воде». И вот теперь его воспитанники забрали не одну, а несколько золотых, серебряных и бронзовых медалей!

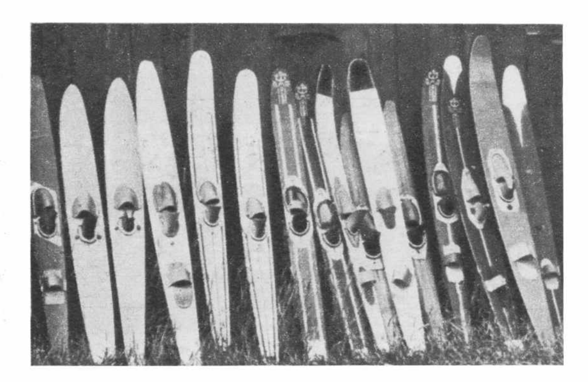
Когда кончились соревнования в слаломе на одной лыже — наиболее трудном упражнении,— диктор объявил, что золотая медаль досталась юной Гале Литвиновой из Дубны. До этого она занималась легкой атлетикой, но, познакомившись с водными лыжами, изменила даже «королеве спорта».

С другой дубнинской спортсменкой мы разговаривали на пирсе, врезавшемся в гладь водохранилища. Десятиклассница Зина Кузнецова оказалась в гонке на двух лыжах не среди лучших, но если вспомнить, что она почти новичок, то результат нельзя назвать плохим. Правда, сама спортсменка недовольна. Ее планы на будущее дерзки.

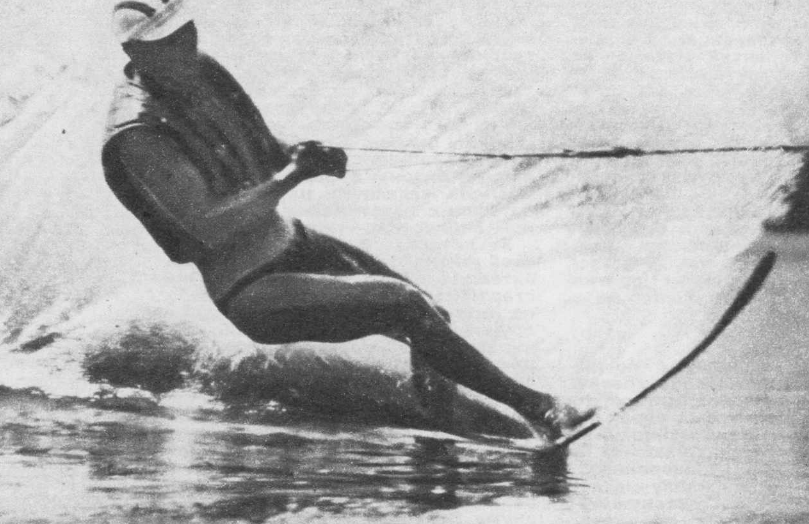
— В следующий раз обязательно буду первой,— во всеуслышание заявила Кузнецова.

И первой, кто пожелал успеха молодой спортсменке, была инженер проектного научно-исследовательского института Татьяна Рожкова, ставшая ныне чемпионкой страны в гонках на двух лыжах.

...Три дня беспокоили водную гладь сильнейшие лыжники страны. И все три дня на трибунах теснота. Никто не остался равнодушным. Известно, что многие обращались в судейскую коллегию и к тренерам с одним и тем же вопросом: где можно начать занятия.

Когда спортсмены отдыхают...

Вот что такое водные лыжи!

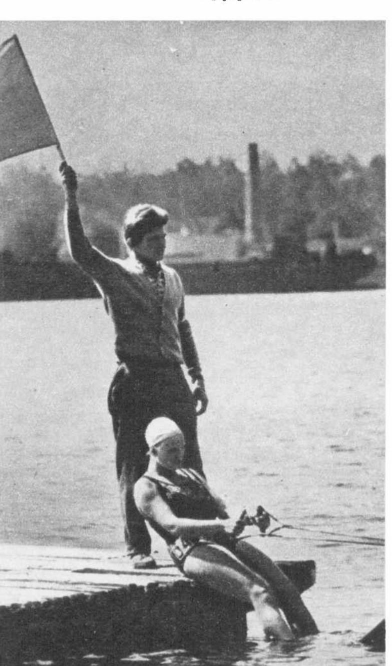

Двое из Дубны: Галя Литвинова и Зина Кузнецова.

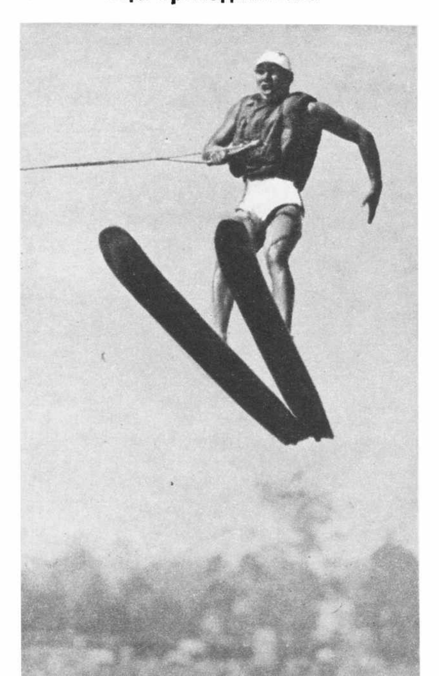
Это вираж!..

лнам

Еще секунда — и вспенятся буруны.

Прыжок удался. Теперь нужно еще приводниться...

На первой странице обложки:

Футбол — любимая игра ростсельмашевцев (см. в номере «Спортклуб Ростсельмаша»). Фото Л. Бородулина.
Тренируются самые юные.
На заводской стадион пришел «большой футбол».

На последней странице обложки:

Индонезия. Фото Н. Архангельского.
На таких лодках рыбаки уходят в океан...
...а некоторые занимаются рыбной ловлей прямо с берега.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02029. Подписано к печати 11/VIII 1965 г.
Формат бум. 70 × 108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Заказ № 1990. Тираж 1 850 000. Изд. № 1376.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663

